

№8 (74)
АВГУСТ

2019

Литературный журнал СИМБИРСКЪ 12+

Объявлена досрочная (льготная) подписка на 1 полугодие 2020 г.

Цена подписки:
1 мес. – 89,71 руб.
6 мес. – 538,26 руб.

Индекс ПА041

Стихи участников семинаров молодых писателей *стр. 10-21*

Книжки с картинками. Художник Павел Клементьев *стр. 39-43*

Российско-итальянская премия молодому писателю. Гала Узрютова. Морё без людей. Рассказ *стр. 52-55*

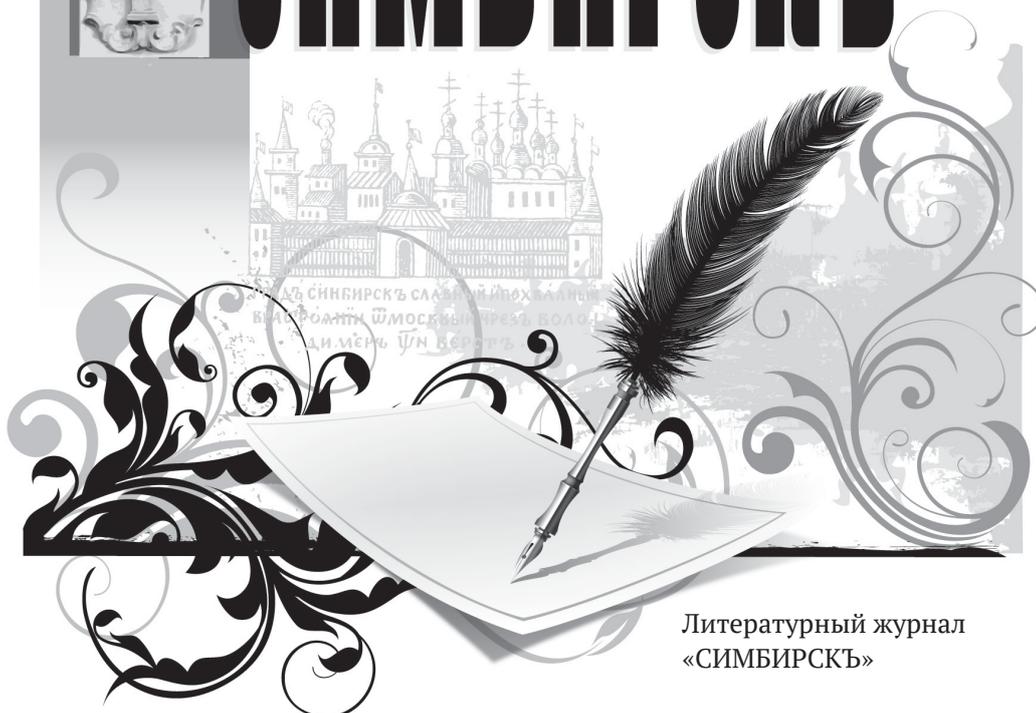
Шёл по городу трамвай. Литературный *стр. 56-59*

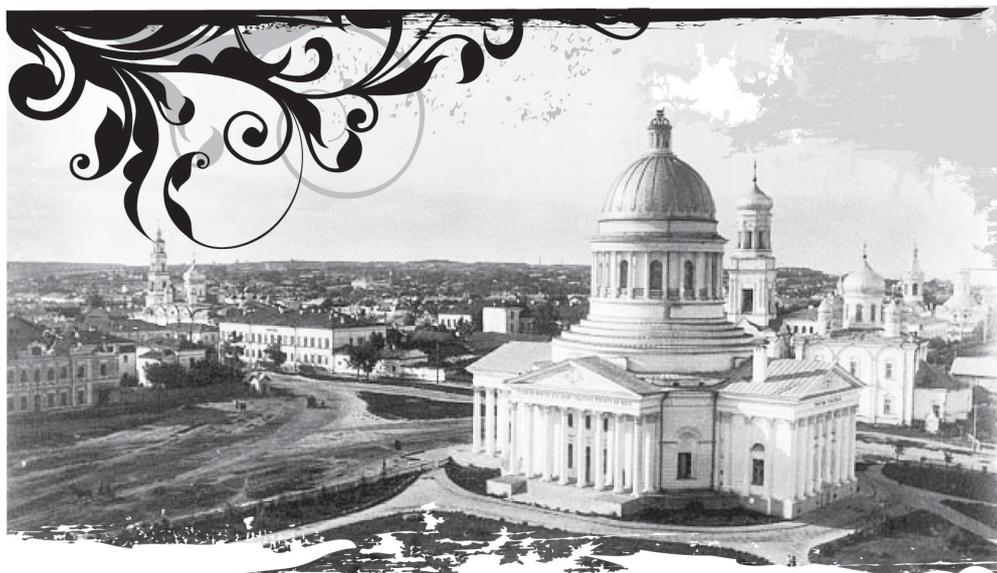
СИМБИРСКЪ

12+

№8 (74)
АВГУСТ
2019

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются. Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции. При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Содержание

«Чтобы мы все – были...» Слово редактора.....	3
Молодые голоса	
Нина Ягодинцева. Отцам и детям	4-9
Стихи участников семинаров молодых писателей	10-13
Всероссийский форум молодых писателей в Калуге.....	14
Юлия Рядинская. На исходе лета. Стихи	15-16
Екатерина Огарёва. У меня есть крылья. Стихи	17-18
Лев Лебедев. Камни окраин. Стихи	18-19
Роман Круглов. Корнями вверх. Стихи.....	20-21
Книжная полка	
Оксана Ралкова.	
О книге стихов Валерии Литвиненко «Лёгкие»	22-23
Валерия Литвиненко. Стихи	23
С любовью ко всему родному	
Татьяна Эйхман. Здесь языковских песен не замер призыв.	
О конкурсе «Друзья по вдохновенью».....	24-25
Виктория Шейко. Родство поэтических душ	26-27
Дороги памяти военной	
Светлана Гужева. Моё детство связано с войной	28-31
Валентина Уколова. Молодое слово России.	
Итоги творческого конкурса	32-34
Лукоморье	
Вера Алексеева. Долина счастья. Сказка	35-38
Ольга Тюрина. Книжки с картинками.....	39-40
Художник Павел Клементьев	41-43
Фотографии Сергея Юрьева	44-45
Фотографии Владимира Ламзина	46-47
Черемшан	
Инга Гаак. Золотые ветры Солибада. Рассказ	48-51
Соло	
Пройти под радугой	52-53
Гала Узрютова. Море без людей	54-55
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	
Данила Ноздряков.	
Шёл по городу трамвай. Литературный	56-59
Данила Ноздряков. Переход. Стихи.....	60-61
Сергей Гогин. Трудности перевода.	
Встреча в литературной студии «Восьмёрка».....	62
Ольга Шейпак. Конкурсу «Первая роса» – 20 лет!.....	63
Ирина Келеш. Урюк персикового дерева	64-67
Сергей Николаев. Завещание Виктора Цоя.....	68-70
Ключевая песня.	
Стихи участников конкурса «Первая роса»	71-74
Память сердца	
В неведомое двери. Памяти Лилит Козловой	75-77
Лилит Козлова. Война. Что у меня было.	
Страницы воспоминаний	78-83
Юбилейный календарь на сентябрь	
Подготовил Николаи Марянин	84-96

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 15.08.2019 г.

Дата выхода 22.08.2019 г.

Тираж 700 экз. Заказ №678

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

© Литературный журнал «СИМБИРСКИЙ» №8 (74), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректор – Валерия Толкачева.

На обложке: работа Анны Минаковой «Пишу письмо».
На обороте обложки: фотография Владимира Ламзина
«Озеро».

Редакционная подписка – дешевле,
в том числе для юридических лиц.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412

(тел. 20-16-40),
в г. Димитровграде:
ул. Юнг Северного флота, 20, каб. 310а
(тел. 8 (84235) 3-26-49)

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство УРАЛ-ПРЕСС Поволжье,
тел. 8 (8422) 41-01-41

Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью компьютера
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:

«ЧТОБЫ МЫ ВСЕ – БЫЛИ...»

Новый выпуск журнала «Симбирскъ» – молодёжный. По составу авторов и по общему замыслу. Открывается номер размышлениями Нины Ягодинцевой о молодых литераторах. (Жанр автор определила как «материнско-культурологическое эссе».) И действительно, это материнский взгляд на литературную молодёжь. И не только. Это взгляд поэта, взгляд преподавателя-культуролога, взгляд человека, имеющего большой опыт ведения семинаров молодых писателей.

«Что предстоит молодым – с нашей помощью или без неё? Во-первых, конечно, – быть. Реализовать себя по максимуму...» А еще – воспринять «отцовский опыт противостояния расчеловечиванию...»

В последние годы повсеместно проводится литературная учёба, регулярно проходят всероссийские совещания и форумы молодых литераторов. (И наш город тоже стал одной из общероссийских литературных площадок.)

В августовском номере читайте стихи участников семинаров молодых писателей из Санкт-Петербурга, Липецка, Краснодара, Северодвинска, Нижнего Новгорода, Кирова, Белгорода, Челябинска. Авторы – разные, яркие, одарённые...

*«...Кистепёрая ночь
тяжело плавниками ворочает.*

*Кистепёрая ночь
выживаньем своим озабочена.*

*Знаешь, как нелегко
эволюции тяготы вынести?..*

*Кистепёрых мальков
ей ещё предстоит в люди вывести...»*

(А эти мальки, может быть, будущие золотые рыбки!)

*«Уплывают они
Своё счастье искать кистепёрое...»*

(Анна Мамаенко)

Читайте в журнале заметки о недавно прошедшем в Калуге форуме молодых православных писателей, среди участников которого были и ульяновские поэты.

Читателям «Симбирска» запомнилась повесть Екатерины Огаревой о любви («Возведи маркиры к бою», «Симбирскъ №8, 2018»). На этот раз публикуем поэтическую подборку Екатерины, а также стихи молодых поэтов Льва Лебедева, Романа Круглова (Санкт-Петербург). В разделе «Книжная полка» читайте отзыв Оксаны Ралковой на книгу молодой

челябинской поэтессы Валерии Литвиненко.

В рубрике «Лукоморье» публикуем сказку Веры Алексеевой из книги «Долина счастья».

Ольга Тюрина рассказывает о проекте «Книжки с картинками». Иллюстрации Павла Клементьева можно увидеть на выставках в городских библиотеках. Несколько работ талантливого молодого художника представлены на цветной вкладке журнала.

Недавно российско-итальянская литературная премия в номинации «Молодой писатель» была присуждена ульяновскому поэту, драматургу, прозаику Гале Узрютовой.

Радует, что живет в нашем городе такой одарённый автор! Читайте рассказ Галы Узрютовой «Море без людей», который высоко оценило жюри престижной премии.

В рубрике «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» публикуем заметки Данилы Ноздрякова о литературном трамвае, о необычном маршруте с чтением стихов. Здесь же читайте стихи Данилы Ноздрякова. (Этот автор будет представлять наш город на Форуме молодых писателей, который пройдет в сентябре в Ульяновске.)

Об очередной встрече в литературной студии «Восьмёрка», где обсуждались трудности перевода, рассказывает Сергей Гогин.

На страницах журнала публикуем материалы по итогам молодёжных литературных конкурсов: «Первая роса», «Друзья по вдохновенью», «Молодое слово России». Читайте обзорные статьи и работы участников творческих состязаний.

В журнале звучат голоса и представителей старшего поколения. Очень символично, что это рассказы о детстве и юности. Читайте воспоминания Светланы Гужевой «Моё детство связано с войной». И это действительно опыт «противостояния расчеловечиванию».

Рубрика «Память сердца» посвящена недавно ушедшей Лилит Николаевне Козловой (1928 – 2019). Весной она прислала в редакцию «Симбирска» страницы автобиографической прозы. Ее размышления адресованы сегодняшним читателям.

Жизнь продолжается. Мы с интересом открываем для себя страницы творчества молодых. Главное пожелание «отцам и детям» – взаимного внимания, доверия, чуткости.

«Чтобы мы все – были».

Елена КУВШИННИКОВА

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Нина ЯГОДИНЦЕВА, кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, секретарь Союза писателей России. Нина Ягодинцева была гостем Ульяновска в июне 2018 года, вела семинар поэзии на совещании молодых писателей.

ОТЦАМ И ДЕТЯМ

Материнско-культурологическое эссе

В самой формулировке вечной проблемы отцов и детей есть отчётливо выраженный гендерный акцент: речь прежде всего идёт о мужском наследовании смысла, опыта, власти, права действовать. И здесь неизбежно присутствуют болезненно обострённые коллизии утраты-обретения силы, признания-отрицания опыта, передачи-приёма (а часто и потери-захвата) власти, связанные неизбежно с отцовской-сыновней любовью и ревностью. Ничего не поделаешь – таков мужской мир. В его бытовой конкретике перечисленные коллизии естественно отягощаются самолюбием, а в литературе – ещё и нормальным творческим эгоизмом.

Но если процесс смены поколений – это всегда в известной степени драма, то ситуация, когда преемственность по каким-либо причинам прерывается, – безусловно, трагедия. И потому, возможно, стоило бы наконец включить в обсуждение проблемы взгляд женский, материнский, ибо материнское чувство к детям так же, как и отцовское, исполнено любви, но по самой своей природе свободно от соперничества и ревности (тут, конечно, ассоциативно возникает гендерно-смысловая линия «дочки-матери», но она гораздо более личностна, чем социальна, бытова, чем бытийна, и потому в наших размышлениях ей пока возможно пренебречь).

Литературный процесс при этом мы будем рассматривать не как нечто умозрительное, этакую самодостаточную самоцель, один из привычных и

только потому необходимых атрибутов социально-культурной жизни, а как форму драгоценной общественно значимой рефлексии, актуального целостного осмысления мира и человека в нём. Непрерывность, степень интенсивности самого литературного процесса и возможности взлёта к вершинам духа в этой рефлексии взаимообусловлены.

Смена литературных поколений происходит сегодня в условиях экстремальных: помимо основных проблем передачи опыта, существует ещё целый ряд вроде бы второстепенных факторов, каждый из которых при определённом повороте событий может оказаться решающим по отношению к дальнейшей судьбе литературы. И потому в нынешней точке, как сейчас говорят, полифуркации нельзя выпускать из поля зрения некоторые нюансы, факторы, на первый взгляд, не столь значительные, но могущие «выстрелить» неожиданно мощно.

Рассматривать их действие возможно только в рамках широкого обобщения, поэтому конкретных «имён, явок и паролей» приводить смысла нет. В обобщении практически не учитывается и довольно существенная разница в насыщенности литературного процесса в столицах и в регионах, но мы помним, что именно региональные литературные процессы питают и поддерживают активность столичной литературной жизни, а «точками кристаллизации» в них по-прежнему остаются писательские организации Союза писателей России.

1. Общезначимые социальные факторы

Демографическая дыра

В условиях радикальных социально-культурных трансформаций из литературного процесса выпала большая часть рождённых в 1960-е (по неофициальной статистике, в этом поколении выжил каждый пятый, а в литературе счёт ещё страшнее, но многие и просто не пришли в неё, так как прожить литературным трудом стало невозможно); та же участь постигла рождённых в 1970-е: жертв и «непришедших» там оказалось едва ли не больше.

Отсутствие «социальных ниш» для полноценной профессиональной литературной деятельности привело к тому, что литература стала преимущественно занятием «для души», для самовыражения, т.е. по факту отнесена к хобби. Соответственно, к ней массово подтянулись те, кто «может позволить» себе подобное хобби. Подавляющее большинство из них уже вышло на заслуженный отдых и вспомнило о мечтах, которые не сбылись в суровые девяностые. Отдельную яркую, но немногочисленную группу составили те, кто написать может не очень, а заплатить – да. Это всё сказало и на общем литературном деле, и на ситуации в ослабленных писательских ячейках.

«Демографическая дыра» литературного процесса очевидна сегодня во многих писательских организациях. Она, конечно, восполнима, но есть очень тревожный момент: утрата общего языка неизбежно влечёт за собой трудности взаимопонимания и общения далековато отстоящих друг от друга поколений.

Резкая смена идеологии

Идеология всегда была производной от главной, центральной социальной идеи – системой функциональных мыслемформ, адаптирующих содержание самой идеи к массовому восприятию, обозначающих её различные социальные модификации. Идеология во многом определяет социальную основу личности. А мы знаем, что социальная основа личности – та её часть, которая формируется на всю жизнь и практически не изменяется.

И потому сегодня беспощадно сталкиваются, громыхая бронёй формулировок, жёсткие идеологемы советского периода (советские-антисоветские), хищные – разрушительных 1990-х (роковых-«святых») и начала XXI века (тут крайности не обозначены, т.к. идеология замаскирована, лишена явных форм манифестации и опознаётся в частных проявлениях, зачастую прямо противоречащих, но при этом не противостоящих друг другу. Вот, например, свобода и толерантность – они ведь по сути несовместимы, но кого это сегодня смущает?).

Здесь должен возникнуть закономерный вопрос: а как же объединяющая роль православия, это ведь тоже в каком-то смысле идеология? Ответ неутешителен и здесь: место любой стройной системы взаимосвязанных идеологем уже прочно занято постпостмодернистским манипулятивным инструментарием.

Имея в виду «демографическую дыру» литературного процесса, можно констатировать: социальная основа «отцов» – жёсткая поляризованная идеология, а вот «дети» социально сформировались уже в условиях идеологии скрытой, манипулятивно-противоречивой. Нет перехода, нет базы даже для принятия-отторжения, есть крайнее удивление друг другу и стремление либо навязать свои установки («отцы»), либо молча выйти из зоны взаимонепонимания и дискомфорта («дети»).

Радикальное изменение общественной роли литературы

То поколение, которое стремится передать эстафету молодым, исходит из убеждения, что литература – дело государственное. Соответственно, оно должно поддерживаться государством и работать на его развитие и укрепление (а в антисоветском изводе – работать на ослабление и разрушение государства и, соответственно, им преследоваться).

Но социальная роль литературы сегодня сведена на нет до такой степени, что даже и повсеместный призыв читать практически не предлагает ориентиров, напоминая древний одесский анекдот: «Жора, Жора, жарь рыбу! – А где рыба? – Жора, ты жарь, рыба будет!». Читайте, короче, букочки группками, и будет вам счастье. И потому молодёжь вынужденно ориентируется на иные цели, находящиеся в зоне ближайшей видимости: литература как способ заработка (в ответ на запрос рынка), литература-досуг (бесчисленные молодёжные литтусовки и фесты), литература-шоу с эстрадными ужимками и непременно лихим чёсом по городам и весям (эстрадно-коммерческое направление, сюда же относятся пресловутые баттлы и слэмы), литература как убежище от реальности и т.п.

В последние годы стала частью рынка и массовая литературная учёба – а почему бы за хорошие деньги не наобещать писательского успеха и славы жаждущим? (Кстати, вот пример из практики некоторых интернет-курсов: «Оксюморон является стилистической ошибкой. Проверьте ваши произведения на наличие оксюморонов и исправьте ошибки». И ведь исправят, ежели найдут!)

Идея литературы как служения в этом пёстром калейдоскопе практически неразличима и может возникнуть разве что интуитивно, но удержать её в фокусе внимания будет трудно.

2. Внутрилитературные факторы

Атомизация литературной среды

Мы уже много писали о том, что литературная жизнь сегодня рассыпана на тусовки и междусобойчики. Это, в общем-то, нормально и даже способствует развитию, если есть общее поле диалога. Но может стать и гибельным, если диалога нет. Тревожно, что атомизация продолжается. Да, точки кристаллизации вроде бы возникают, но среда становится всё более культурно разреженной – и общий диалог последовательно вытесняется бесконечными внутренними монологами.

И вот ведь парадокс: по всей стране вкладываются огромные усилия в проведение фестивалей, конференций, книжных ярмарок, публичных выступлений – но даже эти формы массовой работы либо потихоньку вытесняют литературное общение и собственно литературу, заменяя её на различного рода шоу, либо включают в себя такую долю вопиющей литературной самодеятельности, что обесмысливают всю работу в целом. Пожалуй, только форма творческих семинаров ещё работает в полную силу, но и она постепенно снижает уровень содержания.

Вполне в русле атомизации литературной жизни разворачивается деятельность многочисленных новодельных «союзов писателей», за хорошие деньги обслуживающих амбиции и аппетиты литературной самодеятельности. Юридически все подобные сообщества равноправны, но некоторые постепенно становятся «равнее других», поскольку более успешно используют первобытные законы рынка. Понятно желание профессионалов дистанцироваться от балагана, но ведь это опять работает на рассыпание...

Что делают в этой ситуации «отцы»? Они, естественно, стараются ужесточить дисциплину внутри профессионального сообщества и тем самым консолидировать его – а как иначе сохранить-то? «Дети» реагируют столь же естественно: они выбирают свободу. Тем более что идея служения отодвинута на задний план, ремесло литератора не кормит – ну и кто тут кому что должен?

Состояние иерархии

В общем и целом понятно, что в такой обстановке любая иерархия – ценностно-смысловая, творческая, административная – становится напряжённым объектом агрессии и существует под постоянной угрозой обрушения. А что такое иерархия? Это, с одной стороны, итог деятельности предыдущего

поколения, а с другой – лестница, по ступенькам которой можно подниматься в развитии следующему поколению. Ну или снести её вообще и не париться.

Стратегия «отцов» в этом вопросе – сохранение иерархии (творческой – и административной для писательских организаций) всеми доступными средствами, ибо для них она ещё и результат огромных собственных усилий, вложенного труда, знак определённого личного жизненного успеха. А «дети»? Им нужны либо абсолютные гарантии надёжности «лестницы» (и это здраво, им же на неё подниматься), либо права на утверждение новой иерархии (что тоже, в общем-то, вполне логично).

Состояние литературной традиции

Традицию мы понимаем как драгоценный нравственный опыт, обеспечивающий выживание и развитие народа. Опыт накапливается в ядре традиции, а её периферия может свободно трансформироваться – адаптироваться, вырабатывать новые формы для неизменного содержания и разрушать старые. Эпоха постмодерна (а теперь уже и постпостмодерна), испытывая серьёзные проблемы с содержанием (пустышка, говоря проще), отдаёт первенство формам. Формы множатся, вызывая восторг почтеннейшей публики, и содержательной частью литпроцесса становится бессмысленное формотворчество.

Как реагируют «отцы»? Уповают на жёсткость смысловых конструкций подручных идеологов: должно быть так, а не иначе. А кто против – того на колени в угол на горох. «Детям» весело и немножко страшно: ну просто долгожданный праздник непослушания! Но и те и другие реагируют преимущественно на форму, а не на содержание – так эпоха берёт своё!

3. Литературная учёба

Из всего вышеизложенного понятно, что на самом деле понятного немного. Но уже пора переходить к главному вопросу: как передать отцов к детям жизненно важный опыт – в отсутствие связующих поколений (здесь не о персоналиях, а именно о поколениях, рождённых в 60-70-е, крайне малочисленных в литпроцессе), резкой смены идеологии, радикального изменения общественной роли литературы, атомизации литпроцесса, разрушения творческой (а по сути – ценностно-смысловой) иерархии и отрицания литературной традиции?

Понятно, что работа должна идти на двух уровнях одновременно: нужно разворачивать как массово-просветительскую деятельность (по сути, это воспитание квалифицированных читателей, будущих собеседников, и оно сегодня идёт широко и активно), так и выборочную профессиональную учёбу.

Мы не будем здесь вести речь о Литературном институте – он даёт прекрасное системное образование, и автор эссе, будучи выпускником этого вуза, через всю жизнь пронёс благодарность за бесценный опыт. Сейчас мы говорим об учёбе несколько иного рода, если хотите, иного уровня – глубоко погружённой в практику, неразрывной с ней, и эта учёба, по сути, начинается уже после Литинститута, если выпадет-таки счастье в нём учиться.

В основном массовую просветительскую работу выполняют сегодня многочисленные местные и региональные семинары молодых литераторов. Охват у них достаточно большой (например, мы в Челябинске собираем уже на протяжении 10 лет более 120 авторов – от начинающих до активно публикующихся). И здесь вопросов, в общем-то, нет, кроме одного: системной поддержки на местах – как от писательских организаций, так и от администрации. Педагогические технологии достаточно просты и понятны. В молодости пишут почти все – и это хороший шанс для формирования широкого круга так или иначе причастных к литературе. Результативность таких семинаров частью включает в себя и профессиональный аспект – при наличии возможностей продолжения учёбы уже профессиональной.

В последние годы благодаря целенаправленной деятельности Совета молодых литераторов Союза писателей России сфера профессиональной учёбы выделилась из массово-просветительской, но пока ещё она находится в стадии активного поиска и формирования. И если с просветительской работой в принципе всё ясно – это вовлечение молодёжи в сферу литературного общения, изучение азов литературного мастерства, первый серьёзный отклик на несовершенные пока ещё творения начинающих, поиск и поддержка молодых талантов, – то в области профессиональной учёбы все перечисленные в начале эссе общекультурные и литературные факторы неизбежно вызывают жаростные дискуссии. И первый вопрос, с которым лоб в лоб сталкивается молодёжь, – право голоса и право действия.

Вечная молодость

С какого момента молодой писатель становится просто писателем – тогда, когда серьёзно заявляет о себе в литературе? По логике, да. Но при том возрастном разрыве, который существует сегодня в писательских организациях, «в молодых» держат слишком долго. А между тем, даже несмотря на специфику профессии, требующей накопления духовного опыта, нормальный процесс взросления выглядит следующим образом: 30–35 лет – возраст обретения духовного совершеннолетия, далее должна происходить концентрация индивидуального духовного опыта. 40–45 лет – переход в драгоценный возраст силы, возраст прямого действия, который к 55–60 годам должен стать опытом и основой для иного качества силы – духовного, действие этой силы более мягко, опосредованно, но более широко и мощно. И если настойчиво притормаживать тридцатилетних, в итоге они либо просто откажутся от «отцовского» опыта и очень дорогой ценой обретут свой, либо останутся безнадёжными инфантилами.

Опыт другой эпохи

Вопрос, что передавать, ещё более серьёзен.

Легче всего передать форму – обучить ей и требовать её соблюдения, а также распознавать по её употреблению «своих» и «чужих». Что, собственно, и делается на уровне массовой литературной учёбы молодёжи, откуда уже разбегаются и создают свои тусовки «верлибристы», те, кто пишет без запятых и прочие оригиналы. Не забывайте только, что потом (да уже сейчас!) они жаростно предъявляют свои права на литературу!

О ситуации с идеологией мы уже писали. Жёсткие идеологические формы, которые кажутся простыми и надёжными старшему поколению, сегодня просто нежизнеспособны. Признать это страшно, но ничего не поделаешь. Их время ушло. Возможно, после туманно-противоречивой, но откровенно манипулятивной современной идеологии снова наступит период жёстких форм, но они будут уже совершенно другими. Сейчас поля взаимопонимания здесь нет. Хотя, впрочем, уже появились молодые авторы, на голубом глазу заявляющие, что им нужен не союз профессионалов, а союз единомышленников, а уровень профессионализма, в принципе, не так уж и важен.

Единственный профессиональный опыт, который является неизменным основанием русской литературы и даёт серьёзную надежду на взаимопонимание, – это нравственный опыт. И передаётся он не обучением чему-то конкретно-формальному, а в доверительных беседах-обсуждениях произведений и старшего, и молодого поколений. Свойство литературы таково, что вертикаль смысла выстраивается через все уровни текста – от звукописи до идеи, и каждый приём, оставаясь приёмом (от знаков препинания до способа организации сюжета), становится носителем смысла.

Но для таких профессиональных бесед-семинаров, кроме безусловного профессионализма, нужна очень высокая степень взаимного доверия. Есть ли она? См. выше. Будет ли она? Остаётся только надеяться.

Задание на завтра

Что предстоит молодым – с нашей помощью или без неё? Во-первых, конечно, быть. Реализовать себя по максимуму. Так или иначе социальные ниши, позволяющие серьёзно заниматься литературной работой, появляются, количество их увеличивается – неизвестно, надолго ли, но хочется наивно верить, что да.

Во-вторых, адаптировать опыт, национальную литературную традицию к новым условиям. Это вопрос не столько поиска форм, сколько осмысления «отцовского» противостояния культурной агрессии, разрушению, небытию. Есть поколения победителей, но есть и поколения, принимающие на себя первый удар. Чтобы «дети» состоялись как победители (а шанс у них, безусловно, есть), нужен «отцовский» опыт противостояния расчеловечиванию со всеми его горькими ошибками, поражениями и – вопреки всему – самостояния.

В-третьих, подхватить уже практически оформившийся культурный запрос на новую литературную иерархию, которую тщетно пытались в последние годы выстроить «отцы». У них не получилось, потому что по большому счёту это уже задача «детей» – «детям» и выстраивать иерархию заново.

В-четвёртых (по сути, в итоге), сберечь и укрепить Союз писателей как хорошо организованную, системно выстроенную силу, сознательно противостоящую хорошо организованной, системно выстроенной агрессии расчеловечивания. Время одиночек прошло – может быть, оно ещё и наступит когда-нибудь, но явно нескоро.

Двойки в дневник

Хотелось бы обозначить и типичные «детские» ошибки, которые теперь уже видны невооружённым глазом. Часть из них запрограммирована «отцовским» опытом, часть избретаётся авторами самолично.

К запрограммированным можно, в частности, отнести извечную привычку больше «праздновать» обнаруженный и признанный талант, а не отработать его по-честному. Проблемы со спиртным и прочими допингами в молодёжной среде, кажется, вечны. С одной стороны, понятно: творческое напряжение – это высокое напряжение, нужна и разрядка. С другой – на глазах запускаются разрушительные процессы, у многих – на всю жизнь, для некоторых – стремительно приводящие к гибели.

Практически запрограммировано подростковое по сути самоутверждение за счёт отрицания «отцовского» опыта – все это в той или иной мере проходили, но сегодня обстановка подогревается тотальной модой на самовыражение и обилием новых форм для него (при этом понятно, откуда и зачем они берутся и каково их содержание). Литературная работа сугубо индивидуальна, но результат её становится значимым только при наличии общего литературного пространства, живого процесса общения, выработки коллективных ориентиров.

Запрограммированы и различные формы эпатажа: путь к творческому признанию всегда довольно долг и рискован, а вот заявить о себе скандалом или наоборот, подыскать себе местечко в административной структуре и компенсировать творческую несостоятельность бурным административ-

ным восторгом – самое то. Что, собственно, мы нередко наблюдаем.

Но самую большую, жирную двойку хочется вклеить в воображаемый дневник тем из «детей», кто наивно думает, что мы живём в благополучное время широких возможностей и можно позволить себе если не всё, то многое. Периоды относительно социального затишья – именно те периоды, когда скрытно ослабляются, подтачиваются, подменяются основополагающие понятия, опоры, смыслы. А явным всё это становится только в кризисные моменты, в прямых атаках. Поэтому если мы хотим сохранить свою культуру, литературу – национальную жизнь, человеческое в человеке в конечном итоге, – нельзя забывать, что главное происходит здесь и сейчас.

Всесибирский семинар молодых писателей. Алтай. Барнаул. 2013 г.

Совещание молодых писателей. Москва. 2019 г.

Короткая реплика в сторону «отцов»

Легко, конечно, не будет. Ни «детям», ни нам. Им, прекрасно самоуверенным, думается, что всё сбудется. Нам тоже когда-то так казалось. Сбылось – но по-другому. Большими усилиями. С огромными утратами. Бесценный опыт нескольких писательских поколений, переживших социальную катастрофу и культурную вакханалию, сохранивших традицию и сохранивших Союз писателей России, нужно передавать поколению, которое должно стать поколением победителей. Они ничего не должны нам – это мы должны им, чтобы мы все – были.

Совещание молодых писателей. Семинар поэзии. Ульяновск. 2018 г.

Участники X совещания молодых писателей. Челябинск. 2019 г.

«Корифеи». Уфа. 2018 г.

Лаборатория образного мышления. Челябинск. 2019 г.

«ЛЮБОВЬ НЕ ИСЧЕЗАЕТ НИКОГДА...»

Стихи
участников
семинаров
молодых
писателей

Анна ХАРЛАНОВА (Липецк)

* * *

Может, это любовь, как думаешь?
Может, это и вправду она –
Осторожная и безумная,
Словно ранняя наша весна.
И не сплю я уже, не бодрствую,
Существую на острие.
А стихи, словно рыбки заморские,
Пестрым пламенем – в сеть ко мне.
Паруса наполняет чувствами,
И несет... но куда несет?
Интересно, а будет вкусно?
Эта рыба стихоосётр?
Попируем еще, до берега
Доберемся, глядишь, а там –
Тихий старец улов измеряет
И раздаст имена стихам.

* * *

День потерян, и дым – это просто дым.
Ангел с неба мне: ну-ка, поговорим,
Что задумала, может, какой грешок,
Не-хо-ро-шо!
Ангел, миленький, крыльями по щекам
И по темени – это, чего уж там,
Тихой девочке – просто культурный шок.
Не-хо-ро-шо!
Что не так, скажи? Видишь, бежит река,
Катит камушки, солнце и облака,
Дышит нежностью, шепчется камышом...
Нехорошо?!
Пчелы вербушкам песню свою поют,
Это первый их, можно сказать, дебют.
Пьют нектар они даже на посошок.
Так хо-ро-шо!

Не ответил мне Ангел, опять молчит.
Время вызрело, лопнуло и болит,
Время вымерло, время – пустой мешок.
Не-хо-ро-шо...

* * *

Порой мне кажется, что прошлое ушло,
Как тени отступают перед светом,
Весенний холод – перед жарким летом,
Но так ли это?
Приходит смс из пустоты,
Из бесконечной ямы мироздания:
«Как ты?»
И множит эхо долгий коридор
Надежды: ты... ты...ТЫ!..
Листвой янтарной кружатся желанья,
И солнечным сверкают предсказаньем,
И падают узором золотым.

Любовь не исчезает никогда,
А закругляется и бусиной на чётках
Висит себе – я это вижу чётко.
И доказательство не требует труда.

Анна МАМАЕНКО (Краснодар)

* * *

Вывески зябнут на стылом косматом ветру.
Осыпаются буквы, растворяясь в расплаве азбуки.
Значит, новые лозунги прорастут и созреют к утру,
и утрут нам слезы, те, кто идет привязывать.

Загрохочут трамваи по маршрутам, которых нет,
по бульжным затылкам,
исчерченным сетью трещин,
если каменным горлом Города хлынет свет,
заливая всё, не щадя ни детей, ни женщин...

В антрацитовых куцах подвальной сырой тоски,
где зародыши светлых идей подлежат изъятию,
я сижу и кормлю пустоту языком с руки,
вера в то, что она исправится обязательно...

Остаюсь в темноте по ладони сверять маршрут,
высекать «добрый вечер»

из крошечной угольной глыбы.

Привожу в себя тех, кто ищет окольный путь,
но они во мне находят свою погибель...

И всё ближе выход, но времени больше нет.

Лишь закатное солнце раздроблено

в черной витрине,

где в конце тоннеля брезжит неверный свет
и пришедший с миром виснет на пуповине.

Остается сидеть на ступенях, ведущих вниз,
между светом и тьмой,

между молотом и наковальней,

и тихонько с собою самим говорить «за жизнь»...
Ничего нет светлее.

И нет ничего печальней.

ВАГОНОВОЖАТЫЙ

Ветер разносит письма выбывшим адресатам.
Вороны в серых жилетах важничают в траве.
Погонщик трамваев опять ведёт караван куда-то,
и паутинка трепещет на мятом его рукаве.

В мятных его глазах обитают столицы мира.
Туда он очень хотел бы, но ему не повезло –
куда бы он ни пошел, за ним пустая квартира,
голодная кошка и безумно надоевшее ремесло.

Трамваи его встречают тихим и нежным звоном,
он знает все их приметы и всем даёт имена.
Он выглядел бы вполне симпатичным определённо,
если бы не сидел всю ночь напролёт у окна.

Невеста его сбежала к туристическому агенту.
А у него остались путеводители городов,
где он никогда не будет – ни в Токио, ни в Сорренто,
ни даже в Тихопропащенске,
где ни рельсов, ни проводов...

* * *

Меловые холмы
за окном вагона плацкартного.
Меловые холмы
ювенильного моря раскатами.
Налетают валы,
разлетаются птичьими стаями.
Меловые холмы
в меловом снегопаде растаяли.
Кистепёрая ночь
тяжело плавниками ворочает.
Кистепёрая ночь
выживаньем своим озабочена.
Знаешь, как нелегко
эволюции тяготы вынести?..
Кистепёрых мальков
ей ещё предстоит в люди вывести.
По рассветным холмам,

проступившим за шпалами-рельсами,
в разноцветный туман,
в неизбежное и неизвестное.
Где снегами звенит
приближение поезда скорого,
уплывают они
своё счастье искать
кистепёрое.

Екатерина НЕКРАСОВА (Северодвинск)

ОДИНОКИЙ ВЕК

То ли слышится плач человека,
То ли ветер гуляет один.
Мы в окно одинокого века
Неотрывно и жадно глядим.

Мы не спим... Мы давно всё проспали,
Растворившись в иллюзии снов.
По плечу ли нам чьи-то печали?
По плечу ли нам чья-то любовь?

Нам известны и тайны, и корни
Всех проблем мирового пути –
Всюду в Ороны, волки да войны.
Да чернеющий холод в груди...

* * *

Я иду по чёрным понедельникам,
По проспектам смешанных эпох.
Подаю убогим и бездельникам,
Я сама – из этих, видит Бог...

Там – вверху – иною меряют мерою,
Оттого и радостно душе,
Оттого живу с крестом да верою
Не в раю – в привычном шалаше.

И молюсь за каждого пропадающего,
Чтобы до конца он не пропал,
Чтобы в дождь укутал чей-то плащ его,
Чтобы дождь и вовсе перестал.

* * *

Все дороги ведут не туда.
Все дороги уводят от Бога...
Может, Бог – это тоже дорога,
Вдоль по небу из тонкого льда?

Не найти нам счастливую даль...
Счастье – ветер, стихающий к ночи.
Если встретить его ты захочешь,
То в итоге отыщешь печаль...

Не скучай... Просто тихо взгляни
В непроглядную тьму заоконья,
Эту бездну вдохни и запомни –
Там – за тьмой – ярко светят огни...

Сергей СКУРАТОВСКИЙ (Нижний Новгород)

* * *

Я покупаю билет. Кассир удивлён.
Сажусь на последний автобус до лукоморья,
И еду к тебе, в твой тридевятый сон.
Ты хмуришься там. Ты рисуешь бога. Не спорь, я
Не понимаю, как масло ляжет на холст.
Пусть лучше приснится подъезд
и наш подоконник.
Я кровью помню запах твоих волос:
Дикое солнце, дождь, сурепка и донник.

* * *

Две чашки из-под кофе на столе
Становятся то натюрмортом, то алтарем.
И кажется, за кровные мои сто лет
Одиночества кто-то все-таки скажет: «Идем,
Туда, где есть светлячки, и летний сиреневый ветер,
И другая ванильная ересь, но прежде – дом,
Где царствуют теплые руки и странное слово «дети»
Не вызывает паники...» Можно забыть гвоздем
Весь этот космический бред, что написан выше,
Верность ему не хранить, а жизнь настолько легка,
Насколько кажется ночью,
что рядом с тобой кто-то дышит,
Насколько, насколько позволит тебе твоя ДНК.
В итоге все относительно. Только не все отнесешь.
Так говорят светлячки, в листьях ночных балуя,
А изреченное слово – это всего лишь дрожь
Неслучившегося поцелуя.

* * *

Мёртвые любят памятью. А потом
Бродят по снам, закутавшись в одеяло.
Облаком, яблоком или хромым котом
Притворяются. Время бежать с вокзала,
Забыв чемоданы, белье не сдав проводнице,
Двери распахивать, падать к родным ногам.
«Я лучше останусь. Купил огурцов килограмм.
Только не вздумай присниться».

Елена ОСТРОВСКАЯ (Киров)

* * *

Вороны нахохлились поодиночке
на крыше соседнего дома.
Зима заморозила чувства и строчки,
зимой мы с тобой не знакомы.

Рассвет остывает, под разные пледы
укутать пытаемся сны.
И порознь встречаем чужие победы,
свои отложив до весны.

Ты копишь обиды и смотришь угрюмо,
ты просишь меня замолчать.
И лодку с задраенным наглухо трюмом
ветра начинают качать.

Качать и баюкать и будто неспешно
плести колыбельную сеть...
Забиться и сдаться, остаться подснежной
вороной на крыше сидеть.

* * *

От моей до твоей руки –
километры пустынных пляжей,
все сторевшие мотыльки,
фотокарточки, письма...
Сажай
перепачканное лицо,
непрочищенные дорожки
слез невыплаканных,
кольцо,
позабывтое на окошке.

От моей до твоей руки –
всех песочных часов осколки,
расходящиеся круги
жизней прожитых.
Треплет челку
тот же ветер, что сотни лет
заметал между нами тропы.
Но на кончиках пальцев –
след
обманувшихся гороскопов.

От моей до твоей руки –
пара слов.
Протяни ладони.
Волны бьются о край тоски.
Не
утонем.

* * *

Я сожгла в печи твои стихи –
все слова надежды и признаний!
Оттого шаги твои легки
в обморочных снах без оправданий.

Оттого ты грозен и красив
в памяти, встревоженной рассветом.
Оттого мой голос утром тих
и во мраке множатся куплеты.

Я сожгла твои стихи весной,
вечером тоскливым и простуженным.
И без сил, обугленной, больной
я осталась никому не суженой.

Оттого так осень хороша,
в тлеющих кострах играют тени...
Я допью свой кофе не спеша.
Вдох – новенье.

Участники фестиваля литературных журналов «Волжская пристань». В ходе фестиваля были проведены семинары для молодых писателей. Ульяновск, 2019 г.

Презентация альманаха «Заря»

Встреча с председателем Союза писателей России Николаем Ивановым на Всероссийском совещании молодых писателей. Москва. Февраль 2019 г.

Совещание молодых писателей «Стилисты добра». Челябинск. Апрель 2019 г.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В КАЛУГЕ

7-9 июня 2019 года в Калуге прошел первый форум православных писателей, в котором приняли участие молодые ульяновские поэты Александр Дашко и Анисия Матлина.

Форум состоялся при поддержке митрополита Калужского и Боровского Климента, издательского совета Русской православной церкви и Союза писателей России. В ходе трехдневной программы прошли круглые столы, на которых обсуждались место писателя в современном мире, развитие традиций в молодой литературе, духовный поиск молодого писателя. Главной частью форума стало посещение святых мест Калужской земли – Оптиной пустыни, Свято-Пафнутьева Боровского монастыря, Свято-Тихоновой пустыни. Эти места удивляют не только своей энергетикой, но и особым ходом временем, ощущением мудрости, света и безграничной гармо-

нии. Одно из самых сильных впечатлений – ворота мужского Черноостровского монастыря, которые до сих пор хранят на себе следы от французских пуль со времен войны 1812 года. Но при обстреле ни одна пуля не задела Лика Спасителя. В ходе одной из бесед прозвучало, что Калужская область была щитом Руси. Но и сейчас, в наши дни, эта земля с ее святыми намоленными местами остается духовным щитом России. Это ощущали наши великие писатели – Гоголь, Достоевский, Толстой, которые приезжали в Оптину пустынь для беседы с преподобными старцами. Форум стал важным духовным опытом для молодых писателей со всей страны.

Подготовил Александр Дашко

Участники совещания в Оптиной пустыни

Юлия РЯДИНСКАЯ родилась 3 августа 1983 г. и живет в Белгороде. Профессия – веб-редактор. Автор книги прозы для детей «Ариадна и Плутон». Публикация стихов в сборнике Союза писателей России «Легкокрылая фея Любовь». Шорт-лист конкурса «Хрустальный родник – 2019». Лауреат конкурса-семинара «Новые имена Белгородчины – 2019». Мама двух дочерей. Вяжет, катается на самокате, фотографирует.

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

* * *

Буду белым туманом утра,
В чашке жидкой горячей тьмой,
Буду мантрой и буду сутрой,
Каждодневной твоей тропой.

Буду жарким морским полуднем,
Кабинетной прохладой дня,
И промозглым январским студнем
Буду. Капельками огня

На ветвях серебристой ели,
Отраженной в глазах детей,
Буду стаями свиристелей
В городской круговерти дней.

Буду бредом, больным, извечным,
Буду рыбой в глубинах сна.
Буду призраком подвенечным,
Буду в юбке сам сатана!

Буду рыцарем и драконом,
Острием на копье любви,
Всем, что дорого и знакомо,
Буду. Главное – позови.

* * *

Твое плечо и тихий влажный шепот
Реки, и пасмурная высь.
И ветер нежно выдувает ноты,
И пароходы – по течению вниз.

А время замерло, как чайка на потоке,
Как белый лоскуток парит, парит...
На солнечном окне рисунок мокрый.
Где всё – гармония. И сердце не болит.

* * *

Давай станцуем прямо на перроне
С последними огнями небосвода.
Что у танцоров там сегодня в моде?
Фламенко? Сальса? Танго, может быть?

Когда слова в вокзальном тонут звоне,
Когда отчаянно крепки объятия,

И слезы затаенные некстати
Пытаются дыханье перекрыть.

А мы станцуем так, что дрогнут рельсы,
И позабудут все, зачем явились,
И машинисты в копоти и пыли
Затормозят лихие поезда!

А репродукторы как будто спелись,
Из недр выплеснут такие ритмы,
Чтоб каждый понял с острою бритвы,
Что двое расстанутся навсегда.

Взметая юбкой на платформе пепел,
Глаза в глаза, дыхание сбивая,
Топча цветы, что под ноги бросают,
Желая, чтоб остановился мир!

И этот танец – он великолепен!
В гитарной россыпи, в закатном круге,
Взрывая боль, и горечь, и разлуку!
Покуда ты еще не пассажир,

Давай станцуем прямо на перроне?

* * *

Никогда не руби с плеча.
Пожалеешь, я знаю точно.
Будет западно и восточно,
Будет замуж уж невтерпеж.
Жди знамения или луча
И всегда читай междустрочно.
Не твори строений песочных,
Не хватайся сразу за нож.

Если любишь – люби сполна,
Раскрывайся навстречу ночи.
Слушай сердце – его звоночки
Проведут по тропинке над.
И совсем не твоя вина,
Что тебе, дорогая дочка,
Достается лишь резкий почерк,
А не вся моя жизнь до дна.

* * *

На исходе лета лижет волна песок.
 Даль хрустальна, и в море видно на много миль.
 Гладит бриз морщинками тронутое лицо.
 Блекло горы синеют, сверкает далекий шпиль.

Брюки белые, белый дом, белизна песка.
 Я растрепана и спокойна, а в легких – соль.
 Я смотрю, как проходят по кромке, в руке рука,
 Бородатый мужчина и девочка – Счастьеболь.

Мой мужчина и рыжая девочка – кто она?
 Чей ребенок – творенье солнца и глубины?
 Эта девочка – наша будущая весна,
 Оправдание пусть нечаянной, но вины.

Блики – россыпью драгоценностей по волнам.
 Каждый камень под ноги им – золотой орех.
 Чайки славу кричат сияющим небесам.
 И вплетается в этот гомон девчачий смех.

ДОМИК У МОРЯ

1.
 Домик у моря в местности одичалой.
 С севера этот дом подпирают скалы.
 Дверь туда не выходит, выходят окна,
 Чтобы посмотреть, как желтый песчаник мокнет
 В мороси мелкой, в грохоте летнего ливня.
 Горы стоят величаво и терпеливо.
 В щелях растут трава и кривые сосны.
 Треплют ветра смоляные жесткие космы.
 Корни цепляют камень когтями птицы –
 Голову скалам на грудь уронить и слиться.
 Также, ты помнишь, и я за тебя держалась.
 Это была не любовь, а простая жалость:
 Тощее гнущее деревце в скудном грунте
 Ты защитил широкой надежной грудью.
 Странная, трудная, стойкая под ветрами
 Наша с тобою связь – сколько дышит камень.

2.
 Дверь выходит на юг – это степь сухая,
 Только весною маки там полыхают.
 После того как снег, напивав, растаял,
 В мае встает, как щетина, трава густая.
 Солнце к земле то щедро, то беспощадно:
 Травы становятся ломки и неприглядны,
 И наливаются дикие злаки светом,
 Мыши снуют, откликается стрепет где-то.
 Пахнет сухой полынью, душицей, медом,
 Пылью степной и близкою непогодой.
 Жизнь под ногами бурная, но простая,
 Словно базар на юге, шумит, болтает.
 Помнишь, и мы смеялись и говорили,
 Где-то бродили и вместе кальян курили,
 Спорили жарко. Плакали, пили и пели.
 В нарды сражались, с гитарой шли на качели.
 Я на тебя смотрела без грусти тайной -
 Мы оставались просто одною стаей.

3.
 Лоджия на восток, в сосновую рощу.
 Хвоя, медь и песок – чего уж проще!
 Сбросили сосны лишние нижние ветки.
 Каждое дерево – мачта для кругосветки.

Сойки с верхушек день объявляют новый,
 Солнечный джем пропитает пирог сосновый.
 Дробью сердечной дятел звенит-смолкает.
 Капли росы на хвое дрожат и тают.
 Ветер сюда заходит несмелым гостем –
 Легкое беспокойство, ни тени злости.
 Запах грибов, смолы и лесной подстилки
 Можно упаковать и послать посылкой.
 Здесь разливается нежность –
 черпай кувшином.
 Здесь перекресток,
 где дружба свернуть решила?
 Чувства, как сосны к небу, смелее, круче.
 Мы увидали нас, но гораздо лучше.
 Солнечным светом коснуться щеки –
 причастье! –
 Было огромным и безусловным счастье.

4.
 Сходит терраса на запад ступенью белой,
 Ветер стенает яростно, очумело,
 Море и вовсе покоя не знает сроду,
 Хмурится и морщинит седую воду.
 Это всего лишь след глубокого чувства,
 Что в темноте живет и плывет медузой,
 Рыщет угрем и разрядами жалит душу,
 Шквалами и штормами бурлит снаружи.
 Страсть закипала от легкого дуновения –
 Адское варево, бешеных волн шипение!
 Руки Нептуна качали морскую чашу,
 Как и теперь надрывно кричала чайка.
 Жажду тушили мокрым песком и солью,
 Пенной, закатными бликами. Острой болью...

5.
 Домик у моря. Я в нем уже третье лето.
 Кофе варю и дневник пишу до рассвета.
 Утром купаюсь в море, брожу по скалам.
 В роще гуляю. В степь выбираюсь мало.
 Здесь далеко до поселка, зато спокойно,
 Разве что ветер ночами по-волчьи воет.
 Я привыкаю и, может, привыкну даже.
 И задержусь до тех пор, пока снег не ляжет.
 И с четырех сторон отопру засовы.
 Ты приходи с любовью.
 Все начнется снова.

ПИТЕР

Пасмурный город в жемчужное смотрит небо.
 Голос его – перелив водосточных труб.
 Сеется дождь и на Лиговский, и на Невский.
 Каждый, кто видит, – мокр и от счастья глуп.

Дождь золотыми искрами на ограде
 Летнего сада, на мордах крылатых львов.
 Здания, строгие, будто бы на параде,
 Влажным касаньем дождь оживляет вновь.

Вторит фонтанам дождь и журчит. И шепчет,
 И насыщает белую плоть скульптур,
 Россыпью драгоценной на парапете
 Поверху ляжет, вольется в его ажур.

Дождь рикошетом бьет по стальной кирасе
 Темной реки и зонтичный гладит шелк.
 Дождь умывает петунии в чугунной вазе,
 Город вдыхает. Городу хорошо.

Екатерина ОГАРЁВА – поэт, прозаик, член Союза писателей России, член Совета молодых литераторов Союза писателей России. Родилась 13 июля 1984 года в г. Пензе. Окончила Пензенскую школу искусств для одарённых детей по классу «Поэзия». Ученица поэта Н.А. Куленко.

В настоящее время живёт и работает в Санкт-Петербурге. Кандидат психологических наук, доцент СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ.

Публиковалась в литературных журналах «Симбирскъ», «Родная Ладога», сотрудничала с детским журналом «Чердобряк». Автор поэтического сборника «Стежки и стёжки». Принимала участие в совещаниях молодых писателей в Ульяновске (2018, 2019)

У МЕНЯ ЕСТЬ КРЫЛЬЯ!

ЦЕРКОВЬ СВ. ИОВА

Старик-трамвай ползёт по мостовой,
Дрожа от слабосилия, но снова
Отвешивает, заходя в кривой,
Поклон Многострадальному Иову.

Схожу и вижу: мир блажен и прост
На этом богоизбранном отрезке.
За храмом виден Волковский погост
В тонах апрельской непросохшей фрески.

Льнут к стенам хромоногие кресты –
Свидетельство о Судном часе близком.
Сухим листком, обрывком бересты
Деревья тянут требные записки.

Внутри, на взгляд мирянина, темно,
Скромны киоты, певичие убоги,
И батюшка читает скучно, но ...
Пугающе понятна близость Бога.

Свечной огонь что свет души живой:
Пред ликами святыми слаб и кроток.
Меня старик-трамвай, зайдя в кривой,
Не в храм привёл – к рождественскому гроту.

* * *

Дочь кладёт мне голову на живот,
Будто жизнь в утробе припоминая.
И мне странно: вот, вне меня живёт.
Взгляд на мир иной, и судьба иная.

Мне б её держать, взяв под свой покров.
Но одна стезя матерям – людская:
Признавать в другом плоть свою и кровь,
Через боль смиряясь и отпуская...

* * *

Я и забыла: у меня есть крылья!
Мне Бог их подарил на день рожденья.
Сказали взрослые: «Летать опасно...»
И спрятали подарок в тёмный шкаф.
Жила, не смея думать о полётах –
На четвереньках, на своих двоих...

Достала крылья, отряхнув от пыли –
Как хорошо, что вспомнила, нашла!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, сынок. За окошком ветер
Студит лужи и дует зло.
Но у нас, как нигде на свете,
Тихо и как нигде тепло.

Ручки вскинуты, сбилась прядка...
Мир в кругу материнских рук.
У тебя будет всё в порядке,
Даже если разлад вокруг.

От напастей и снов тревожных
Кров молитвенный оградит.
Мать земная и Матерь Божья
Прижимают детей к груди.

* * *

Подо льдом, по-весеннему тонким,
Оживает, теплея, река.
Ты – внутри меня, тайным ребёнком,
Даже не наречённым пока,

Крепнешь и с каждым днём тяжелеешь.
Я же вместе с тобою расту.
Я люблю, ни о чём не жалея.
Хоть шагаю по тонкому льду.

* * *

Ничего не будет.
(Это я себе).
Даже и не спросишь
о моей судьбе –
фразу костью бросишь.
Мол, бери же! Вот...
Лягу на живот
и глодаю отишь.
Потому что больше
ничего не будет.

ПРОГУЛКА

На улице не спрятаться от ветра.
Ты. Следом я. На расстоянии метра.
Всего лишь метр – дальность небольшая,
Но я иду, границ не нарушая,

Не оспорая заданного темпа,
Вдоль шумного проспекта, а затем по
Дорогам тайным, улочкам секретным...
Пропитываюсь дымом сигаретным,

Держусь тебя, хоть знаю, что не надо.
Как тайный знак выхватываю взглядом
«СДАЁТСЯ» алой краской на заборе.
Мне кажется... я тоже сдамся вскоре.

* * *

Я рухнула, вернувшись, на кровать.
И рушиться немедля следом начал
Мир, тщившийся меня переиначить
И самоё себя же перевернуть.

Стал прахом страх неведомого дна,
Которого мы врозь достичь могли бы.
И лишь одна несокрушима глыба –
Реальность вместе прожитого дня.

* * *

Перед отбоем трамваи бегут резвее –
В тёплое стойло торопятся ночевать.
Мне бы при встрече с тобою быть потрезвее.
Мне бы и встреч с тобою не начинать.

Если умом – я скорей за непритяженье.
Если по сердцу – быть рядом, лишь прикажи!
Только... дано ли трамваю менять движенье,
Даже учуявши близость дурной межи?

* * *

Расставание – цунами:
Рушит и стирает враз
Всё, что пережито нами,
Оседало долго в нас.
Ты сказал, себя спасая,
О прощанье набегу.
Я стою одна, босая,
На разбитом берегу.

* * *

Я видела, как ты с другой идёшь.
Рука в руке, меня не замечая.
Я знала: та, другая шла, не чая
В твоих признаниях обнаружить ложь.

Не рухнули ни небо, ни земля –
Я сдужила, их удержав на месте,
Чтоб вы могли пройти спокойно вместе,
Не замечая на пути меня.

Лев ЛЕБЕДЕВ (Лев Гольдин, Лев Щигорев)

Родился в г. Павлодаре (Казахстан) 1 апреля 1988 года. Окончил в Новосибирске школу и художественное училище, студент Академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей России с 2015 года, член Совета молодых литераторов Союза писателей России. Участник нескольких региональных и всероссийских писательских конференций, лауреат премии «Молодой Петербург».

Печатался как Лев Гольдин и Лев Щигорев. Автор книги стихотворений «Солнце в кладовке».

КАМНИ ОКРАИН

* * *

С букетом из скрипа дверей и лопат,
Из крика грачей и собачьего лая,
Ее за углом дожидается март
И за руку держит, домой провожая.

И в белой рубаше стоит во дворе,

И черные брюки запачканы глиной.
Вот локоть отставил галантный апрель,
В груди его плещется писк воробьиный.

Вот май перед нею бежит на руках,
Развесив веселые пятки сирени.
И ждет она лета. Так ждут моряка.
И только меня вспоминает все реже.

Глядит, как на зимнее смотрят пальто

В июне – в глаза мне, а мне так спокойней.
И листьев зеленый дрожит кипятком.
И я, словно лыжа, стою на балконе.

* * *

Что мне улицы света дневного,
Я не просто ложусь на кровать.
Так срасталась с землею корова,
Что на рынок вели продавать.

И хотя совершенно здоровый,
Сердце, только прилег на кровать,
Вдруг упало и сжалось коровой,
Что на рынок ведут продавать.

Разве в этом мое преступленье,
Что лежу и во взгляде тоска?
Не ругай. Видишь, солнце алеет,
Словно тяжкий чурбан мясника.

Не толкай и не бей меня очень,
Я теперь весь сплошная спина.
И душа моя что позвоночник –
Неподвижна и обнажена.

Наклонись и скажи мне на ухо,
Что пора подниматься, пора.
Что со мной, как с коровой старуха,
Полчаса еще будешь добра.

ТЕНЬ

Тень автобуса пляшет на кочках,
Тень автобуса рвется кустами,
И земная моя оболочка
Быстро движется под небесами.

Вот – уселась спокойно, удобно.
Стал автобус ей маленьким раем.
А душа этой тени подобна,
Что разбилась о камни окраин.

Ничего ее не миновало,
Доставалось ей больше, чем телу.
С каждым камнем она миловалась
И на каждую лазила стену.

Тень автобуса, ты невинно
обнимаешься с грузовиками...
Что со мной происходит незримо,
я увидел в дорожном мельканье.

* * *

Заборы виляют хвостами,
Трутся об ноги теплыми боками,
Путаются под ногами,
Бегут впереди большими прыжками.
Яблони лижут лицо мое холодными языками
Листьев. Встают на задние лапы,
водят по рубашке когтями.
Тополя качают башками,
Колокола качают башками,
Тучи торчат из травы петушиными
гребешками.
Где клад закопал – в листопадной яме
Бурьян прищурился репьями.
Снилось часто: бегу пустырями,
за мной дети с камнями.
Теперь камни
Здороваются с башмаками сами.

Пустыри – кверху мохнатыми животами,
Вытянув лапы подсолнухами,
Поджав лапы лопухами.
Бани с длинными трубами,
с пушистыми дымами
Идут навстречу важными котами.

Ну здравствуйте, веревки с половиками,
трусами, носками.
Там, где пробирался с солнечными лучами,
Застреваю плечами.
Нет печали.
Это мое волнение в лиственном мельканье.
Это моя тень обнимает дачников с рюкзаками.
Вначале Было небо.

Крыши едва различались...
Звеню ключами.

Фото Александра Климова

1 ряд: Елизавета Клейн, Екатерина Огарева, Екатерина Дедух, Анастасия Дягтерева, Марианна Соломко, Влада Баронце,
2 ряд: Лев Лебедев (Гольдин), Артём Горшенин, Роман Круглов, Елена Иванова, Наталья Романова, Елена Сивачева.

Роман КРУГЛОВ – поэт, критик, редактор. Секретарь Союза писателей России, член бюро секции критики Союза писателей России, председатель регионального отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России. Кандидат искусствоведения (специальность – теория и история искусства). Заведующий искусствоведческой частью альманаха «Молодой Санкт-Петербург». Автор четырех книг стихотворений – «История болезни», «36 кадров», «Двигатель внутреннего сгорания» и «Гербарий». В сборниках и периодической печати Санкт-Петербурга, других городов России и зарубежья публикуется с 2000 г.

КОРНЯМИ ВВЕРХ

* * *

Четвёртые сутки в огне – как ты ни
Крути, дорогая, а это стабильность.
Иероглифы мятых шелков простыни
Понять не смогли, как на ней мы ни бились.

Восточный орнамент в постельных волнах;
Ты, я (и бутылка колышется буюм).
Что толку во всех письменах? – Ну их нах,
Я сам знаю, что будет дальше: мы будем

Болтать и трюизмы любви повторять,
Всё путать, шутить только нежно и плоско,
И будем гореть, словно крейсер «Варяг»¹,
Трагически гибнущий в море Японском.

* * *

Вновь ощутить, что ты была
В моих руках, как ручка эта,
И осознать, что робость ласк
– Косноязычие поэта –

Насыщенной, чем болтовня
Рукастая глухонемого,
Понять, что страсть – как страх огня,
А не огонь – страшней намного,

Заметить в памяти пробел
И в теле ватную усталость –
...Всё это сделать я успел,
Пока ты с лестницы спускалась.

* * *

Твои легкие синие крылья трепещут в груди,
Сердце мордочкой тычется в тонкие гибкие прутья
Теплой клетки уютной. Ничто нас не ждет впереди.
Наши мысли срослись, наши пальцы сплелись, точно спруты.

Ничего не случится. Безвыходность счастья проста:
Мы вдвоём, остальное уже совершенно неважно.
Счастья яблочный вкус расцветает в смеющихся ртах:
Мы остались в Эдеме, отца не послушавшись дважды.

Ты уснёшь. Я склонюсь над тобой, поцелую в висок,
Закурю и допью твой бокал, у кровати забытый.
Наша жизнь – не приученный к службе весёлый щенок,
Ото всех убежавший, сорвавшийся с цепи событий.

* * *

Теряю тебя, словно нить
Ночного с тобой разговора о том, что
Мне нужно забыть твои аську и почту
И больше тебе не звонить.

Поверить нет силы, но ведь
Припомни, в тоске загибался давно ли,
В подушку ревел, как ребенок, от боли?
И вырос, чтоб снова реветь...

Теряю тебя, словно нить,
Зигзагом ведомую пульса стежками
Все мельче и мельче по кардиограмме,
Когда больше незачем жить,

Вслепую в руках теребя
Убогий клубочек из порванных нитей
Всех мыслей, поступков, событий...
Теряю

Себя.

¹ В действительности крейсер «Варяг» погиб в Желтом море.

* * *

Пой не пой – ты такой: невозможен покой.
Снятые маски – лишь часть представленья.
И любовь, и попытки остаться собой –
Это все разновидности пенья.

Потому сам себя, не смолкая, твори,
А замолкнешь – заметишь устало:
По игрою расстроенным нервам твоим
Кто-то водит зрительным жалом.

* * *

Когда-то я знал, кажись,
А нынче забыл, как жить.
Липкий сон, длинный свет, стол и книжную полку
Перемалываю втихомолку

Забубенною головой
С облаками, с листвою, с лихвой.
Бестолковый июль, тополиная линька.
Всё бывшее не было, а былинка.

* * *

Жил и умер много сил назад.
Не глядели б мертвые глаза
Внутрь, где, не верящий судьбе,
Всё не сплю, ворочаюсь в себе.

Сожалею от себя тайком,
Что я жил и умер подлецом.
Бабочки слетают на лицо,
Перепутав тленье и огонь.

Я их слышу (сам не знаю как),
По привычке верю в эту чушь.
И чуть-чуть, не громче мотылька,
Сам не знаю почему, – дышу.

Сквозь

Теплый ветер усталости в теле. Так рано,
Что почти ни души, ни машин, и опять
Замечаешь вокруг себя эту мембрану:
Так тонка – ни взглянуть за нее, ни порвать...

Отвлекись. Наблюдай хрупкость архитектуры,
Иллюзорность листвы и двоих у Невы,
Что погрязли в своих толстомясых амурах.
(Ухмыляются в гривы гранитные львы.)

...Осторожней дыши тишиной этой ломкой,
Не чихни – всё покрыто рассветной пылью.
Ощути сквозь сознанья тончайшую пленку:
Кто-то смотрит тебе в лицо.

* * *

Свет в окнах, пьяный у ворот,
Скамейка, тополей обрубки.
Мир уязвимый, очень хрупкий,
Легко меня переживет.

Ведь я расту корнями вверх
В нелепом поиске опоры,
Нетленной, подлинной, которой
Нельзя достигнуть, верь
не верь.

* * *

То прячешь слезы, вспомнив старый стих,
То злишься, чтоб себя продать дороже.
Идешь-дробисься на своих двоих,
В себя стремишься – лезешь вон из кожи.

Случается, что видишь медь жука,
И с проседью берёз небритый ельник,
И жизнь порой проста бывает, как
Пересечение линий параллельных.

* * *

В глупые виски
Намертво зажат,
Огонек тоски
Смотрит на закат.

Там, где горизонт
Глубже, ярче дня,
Трещина растёт,
Огонёк маня.

Он глядит в разлом,
В общий вечный свет,
Он бы рад... но – нет,
Не исчезнуть в нем.

* * *

Похож как две капли воды на две капли воды
Сияющий взгляд стрекозы.
Рассвет истончает огранку частичек росы,
Сусак² источает цветы.

Без доли усилия скороговорка реки
Опишет мыски и мостки
И то, что не стоят неловкие слов завитки
Движенья руки.

² Сусак зонтичный (лат. *Bútomus umbellátus*) – вид многолетних травянистых растений рода Сусак (*Butomus*).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Оксана РАЛКОВА – поэт, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, лауреат Южно-Уральской литературной премии 2012 года, участница совещаний молодых писателей в Каменске-Уральском (2011, 2013) и Всероссийских совещаний молодых писателей в Москве (2018, 2019). Автор книги стихов «Стихия степь». Живет в Челябинске.

ЛЬВИНАЯ СИЛА ЛАВИНЫ

(О книге стихов Валерии Литвиненко «Лёгкие»)

Литвиненко, Л.А. Лёгкие: стихотворения / В.А. Литвиненко; ред. серии Н.А. Ягодинцева; Челяб. гос. ин-т культуры. Челябинск: ЧГИК, 2017. 55 с.

Ослепительная снежная шапка на вершине отвесной скалы крепка лишь до первого настоящего оклика, до первого звука, способного войти в резонанс с величавой стихией. Но чтобы изведать свою львиную силу, лавине необходимо сначала сойти – снизойти – низвергнуться, решиться на полёт.

Величественно-романтическая лирическая героиня Валерии Литвиненко девически робка в своей несметной силе:

«Невозможно. Но нескончаемо:
Забываю и помню снова.
Нет, не смелая, не отчаянная –
Как слетевшее звонкое слово».

Автор смело пробует различные мелодические варианты – от кратких рубленных ритмов до магически плавных – завораживающих. Качественное

развитие поэтического состояния наиболее удачно реализуется как раз на традиционной музыкальной волне, такой родной и естественной:

«Ближе ближнего, дальше дальнего
Стынут реки многострадальные.
Чуть дыша ходит темень острожная,
Прячет руки и смотрит встревоженно...»

Исконная чарующая образность представляет здесь верной основой, способной вместить и выразить значительный энергетический заряд авторского дара:

«Гибнет со мною лилейник, изгибами
Ночь разбудив...

Ведьма проклятая, ведьма любимая,
Не уходи».

Особую чёткость и объём образам придают их

цветовые и вкусовые свойства: «пепельное молчанье», «пурпурная рассветная прохлада», «синий бархат ночи», «летних трав медовый запах», «чуть солоноватый голос», «кисло-тягучий цвет». Автор также пристально внимателен к звуковой грани слова, вот почему стихи звучат достоверно, углубляя смысл:

«Я танцевала в пекле.

И я пела

Тебе

О гондольерах и кинжалах,

И жилки, как серебряные жала.

Тянулись из фарфоровой руки.

А у реки

И речи, и ручьи

Тянули струны к обожженным пальцам...»

В вольном размерном и ритмическом исполнении автору удаётся воплотить наиболее сильные пронзительные образы, в которых ясно читается

необходимость и возможность выхода в иное пространство, на новую высоту мастерства:

«...Спасала ночь.

И серая сирень,

Осыпанная белой лунной пудрой.

Впивалась темень в бронзовые кудри

И с жадностью глотала каждый слог.

Я пью огонь с гранатовой водой

И вытравляю голос алым дымом,

Чтобы твоё отравленное имя

Узнать никто не смог».

Книга «Лёгкие» полна эмоционального смятения, волнообразного движения событий, опыта пребывания в стихии любви. В ней предпринята попытка показать не с безопасного берега, а из самой толщи бытия, что значит быть открытым, уязвимым, настоящим – живым.

Валерия ЛИТВИНЕНКО родилась в 1995 году в г. Магнитогорске. Окончила факультет журналистики ЮУрГУ, кафедру русского языка и литературы. Живёт в Челябинске.

Автор поэтических сборников «Прольётся дождь сухим вином» (2013 г.), «Лёгкие» (2017 г.). Член Союза писателей России.

ГОРСТЬ ВИНОГРАДИН

* * *

Я срослась, сплелась с твоею семиструнной душой,
С этим умным, взросло-детским и наивно-хитрым взглядом.
Из души рекою льётся что-то маленько-большое...
Ну куда же ты уходишь, посиди со мною рядом.

Я срослась с тобою сердцем, разорвать никто не сможет,
Только ты – солёный выдох, в тихом поле вольный ветер...
Соберу в полях букеты снов и песен придорожных –
А возлюбленный мой ветер разметёт и не заметит!

* * *

В гуще яблонь забыт самокат,
Угасает беспечное лето...
Обнимаю на память закат –
Он уйдёт вместе с горьким рассветом.

Прячу в тайный кармашек росток
Терпкой памяти с привкусом мяты,
Со стихами забытый листок,
Пожелтевший и ветром измятый.

Новых дней полыхает пожар,
Но мой август не ими согрет был.
И глядит солнца огненный шар
На моё повзрослевшее лето.

* * *

На рассвете восходят лучи –
Ослепляют бессовестной алостью.
Ты спокоен и горд. Замолчи!
Я боюсь тебя, слов твоих, жалости.
Слишком страшно захлопывать дверь
И терять все ключи от беспечности.
Отпущу тебя. Но не теперь.
Отпущу через день. После вечности.

* * *

...И три вороных непослушных коня
Утонут в пурпурной рассветной прохладе.
На сколоте блюде от ночи и дня
Останется горсть золотых виноградин.
Соткётся из тучи спасательный круг
В сияющих зорях неверного солнца.
Добраться б до ласковых песен и рук,
До мира, до сердца – до самого донца.

Татьяна ЭЙХМАН, р.п. Карсун. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова. Координатор литературного молодежного конкурса «Друзья по вдохновенью».

«ЗДЕСЬ ЯЗЫКОВСКИХ ПЕСЕН НЕ ЗАМЕР ПРИЗЫВ...»

В заголовке – строка из стихотворения Петра Александрова «Симбирск», написанного к юбилею губернского города в 1898 году. Для нас эта строчка знаменательна тем, что Языковские песни вспоминал автор стихов к 250-летию Симбирска, но и сегодня можно эти слова с гордостью цитировать, повторяя с такою же любовью и силой признательности к малой родине, как и сто лет назад. Скажу больше: верю, что и через сто лет после нас, их с нежным чувством будут читать наши потомки.

В рамках подготовки 51-го Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в р.п. Языково, посвященного дружбе поэтов А.С. Пушкина и Н.М. Языкова, в преддверии 220-й годовщины со дня рождения А.С. Пушкина был создан оргкомитет конкурса «Друзья по вдохновенью». Конкурс и традиционный праздник внутренне связаны между собой: дружба великих поэтов А.С. Пушкина и Н.М. Языкова побуждает молодую литературную поросль дружить, писать, состязаться, вспоминать историю литературы, искать новые темы, новые рифмы, другими словами, вдохновенно творить!

Учредителями конкурса являются министерство искусства и культурной политики Ульяновской области и администрация муниципального образования «Карсунский район».

Традиция подводить итоги конкурса юных сочинителей на празднике, посвященном дню рождения А.С. Пушкина, накладывает особую ответственность на всех участников этого события.

В стихах и прозе конкурсантов звучит тема приезда А.С. Пушкина в село Языково в 1833 году, тема дружбы поэтов. Юные литераторы приобщаются к просвещенной части общества, вовлекаются в творческий процесс, некоторые из авторов участвуют в конкурсе не раз и не два, они учатся, ищут свежие темы для своих произведений, идет процесс освоения и расширения культурного пространства.

Конкурс начинался как районный, а вскоре

вышел и за границы области – и даже за границы России. В этом году прислано более 100 работ от участников, проживающих в различных областях России и Белоруссии. Мы благодарим за творческую активность юных литераторов из г. Тюмени и Пензы, Алатыря и Канаша, из республики Беларусь (города Гомель и Кобрин), а также из многих районов Ульяновской области. Порадовали своими работами школьники из Вешкаймского, Сурского, Кузоватовского районов. Конечно, самыми активными участниками творческого состязания стали школьники из Карсунского района (из р.п. Языково, сел Усть-Урень, Большие Посёлки, Белозерье, Теньковка и др.) Среди участников были не только учащиеся средних школ, но и воспитанники Ульяновского гвардейского суворовского училища, кадетской школы-интерната им. В.С. Чечеватова, а также учащиеся городского лицея при УлГТУ и Карсунского медицинского техникума.

Отрадно, что многие участники конкурса с большим желанием приехали на Пушкинский праздник, где состоялось вручение грамот. (Так, юный участник Станислав Кучеров приехал в р.п. Языково из г. Никольск Пензенской области и выступил на празднике, а Елизавета Зажинская второй год приезжает сюда с родителями из Тюмени.)

По итогам конкурса небольшим тиражом выпущен сборник «Здесь Языковских песен не замер призыв...».

Со временем, когда конкурсанты станут старше, появятся силы для участия в других, более серьезных и престижных конкурсах. Важно то, что сделавшие первый шаг в творчестве наши участники были услышаны, прочитаны, напечатаны в сборнике, получили опыт оформления своих работ. Несомненно, у них уже появились новые идеи для рассказов, эссе, стихотворений, баллад, поэм. Поздравляем всех юных литераторов с участием в нашем конкурсе. И желаем им новых успехов!

Подробнее о конкурсе и Пушкинском празднике, который состоялся в июне 2019 года в р.п. Языково, можно прочитать на сайте газеты «Карсунский вестник» (www.karvest.ru)

Итоги литературного конкурса «Друзья по вдохновенью»

Награждение лауреатов и дипломантов состоялось в июне 2019 года на традиционном Пушкинском празднике в р.п. Языково Карсунского района Ульяновской области.

Номинация

«К 220-летию А.С. Пушкина»

• 1 место

Екатерина Егошина

• 2 место

Ольга Мухина

• 3 место

Кристина Горбатенко,

Алина Клевогина

«К 220-летию А.С. Пушкина»

(младшая группа)

• 1 место

Яна Ключникова

Антон Шарипко

• 2 место

Виктория Яшинова

• 3 место

Елизавета Зажинская

ПРОЗА (старшая группа)

• 1 место

Виктория Шейко

• 2 место

Дмитрий Цыбизов

• 3 место

Марина Зубкова

ПРОЗА (младшая группа)

• 1 место

Елизавета Утянова

Елизавета Кандрашкина

• 2 место

Ангелина Жарова

Анна Кудринецкая

• 3 место

Татьяна Кушникова

Мария Былинина

ПОЭЗИЯ (старшая группа)

• 1 место

Андрей Русских

Наталья Корнелюк

• 2 место

Матвей Керайланди

Анна Лузина

• 3 место

Анна Наумова

Ксения Тунина

ПОЭЗИЯ (младшая группа)

• 1 место

Сергей Жуков

• 2 место

Анжела Никулина

Злата Ульянова

• 3 место

Анатолий Левицкий

Анастасия Лазарева

Приз читательских симпатий газеты «Карсунский вестник».

Читатели выделили трех авторов: Дмитрия Цыбизова, Анастасию Лазареву, Сергея Жукова.

Победители в номинации «Поэзия». К 220-летию А.С. Пушкина.

Участники конкурса приехали из разных городов и районов

Выступают лауреаты конкурса «Друзья по вдохновенью»

Поэты и Музы. Театрализованное представление на месте усадьбы Языковых

Виктория ШЕЙКО, г. Ульяновск, лауреат конкурса «Друзья по вдохновенью»

РОДСТВО ПОЭТИЧЕСКИХ ДУШ

Два сына Руси православной, два первенца полночных муз, –
Постановили своенравно наш поэтический союз...
Н.М. Языков

Поэзия – особый мир символов, образов, ассоциаций, метафор, отражающийся в сложном переплетении слов, рифм, стихотворных строчек. Что-то есть тайное, загадочное, необъяснимое, порой недосказанное в сочинениях и поступках поэтов, что заставляет смотреть на всё происходящее вокруг просветленным взглядом с неподдельным удивлением и романтическим восторгом.

История поэзии знает различные временные периоды и даты. Известная и значимая для нас так называемая пушкинская пора – пора не только гениальных стихов, но и товарищеских отношений, которые неразрывно связывали Александра Сергеевича с его современниками, друзьями, собратьями по перу. Один из этой плеяды, близкий по взглядам и духу, – наш земляк Николай Михайлович Языков – талантливый лирический поэт, выросший на Симбирской земле.

Летом 1826 года произошла первая встреча Языкова с Пушкиным в Тригорском. Вот что писал об этом П.В. Анненков: «Языков исполнен был почти религиозного благоговейного чувства к нашему поэту... Соединение в одном лице простоты обращения с даром угадывать людей и ценить их верно по душевным признакам, полное отсутствие чего-либо похожего на мелочное тщеславие при постоянных проблесках гениального таланта и ума, – всё это должно было поразить воображение пылкого, ещё не установившегося студента, которого жизнь и поэзия слагались преимущественно из одних порывов. Пушкин чрезвычайно высоко ценил поэтический дар Языкова».

Жизнь и судьба не раз сводила двух поэтов вместе, отмечая дружеские встречи, задушевные беседы знаками памяти.

Сошлись две противоположные натуры. Как охарактеризовать их духовную близость и возможно ли в полной мере это описать? Поэтический союз, родство душ, открытость взглядов, чувственность вдохновения, искренность творчества...

Владимирская церковь села Языково. Фото 1930 г. (Справа видна Пушкинская ель)

В письме к Вяземскому Пушкин так писал о Языкове: «Если уж завидовать, так вот кому я должен завидовать... Он всех нас, стариков, за пояс заткнёт». Стихотворные обращения поэтов друг к другу нельзя рассматривать иначе, как знаки внимания, уважения, признания таланта и, конечно, дружбы. Так, Пушкин посвятил Языкову следующие строки:

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.*

А.С. Пушкин

Ответные стихи Языкова также наполнены душевным трепетом и теплом:

*О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы – ты да я...*

Н.М. Языков

Эти знаки взаимной приязни и дружеских отношений двух талантливых поэтов прошли через года и сохранились по сей день.

Нечастые встречи поэтов были наполнены дружественной тёплой атмосферой, о чем свидетельствуют события – эпизоды жизни, воспоминания очевидцев и, конечно, укоренившиеся в народе мифы.

В сегодняшнем селении Языково (ранее имении) и сегодня растёт могучая, статная ель, ставшая настоящим природным памятником, истинным подтверждением уверенности людей в дружбе поэтов. В верхах тянутся в небесную синь зеленые хвойные лапы. Верхушка дерева по удивительному случаю раздвоена. И эта значимая деталь – своеобразный символ дружбы, их творческого союза. В народе издавна бытует мнение, что это живое дивное творение было высажено руками самого Александра Сергеевича Пушкина в его первый приезд в имение Языково. Этот удивительный феномен позволяет не только любоваться природной красотой, но искать, возможно, неразгаданный смысл, символическое послание нам, ныне живущим.

Известны также и другие необычные послания Александра Сергеевича, в которых можно разглядеть его искренне желание оставить память Николаю Михайловичу Языкову, его родным о прекрасном времени пребывания в имении. На оконной раме комнаты для почетных гостей Пушкин прочертил свой автограф в виде инициалов, выгравированных алмазным перстнем. Комната эта сохранялась в первозданном виде как знак уважения и памяти о встрече двух друзей. И сегодня эту комнату продолжают именовать «пушкинской».

В экспозиции музея-заповедника «Михайловское» хранится дубовая шкатулка – копилка, подаренная Ариной Родионовной Николаю Михайловичу Языкову. Эта шкатулка, на внутренней стороне крышки которой Пушкин собственноручно сделал надпись, по праву может считаться знаком искренности и неповторимости союза сердечной дружбы, духовной близости между поэтами.

В центре Ульяновска находится музей «Дом Языковых». Недалеко от входа установлен изящный бюст Александра Пушкина, олицетворяя незыблемость дружеских отношений поэтов, на которые, надеюсь, не смогут повлиять ни время, ни события, ни люди. Невольно приходит мысль: не будь такой дружбы, душевных встреч, этих сердечных отношений, как бы это отразилось на их творчестве? Возможно, что-то не удалось бы сочинить, а поэтическое вдохновение могло бы в чем-то и не проявиться так фантастически ярко и талантливо.

Светлана Александровна ГУЖЕВА (р. 6.04.1939, г. Торжок Калининской, ныне Тверской обл.). Дочь писателя А.Р. Кузнецова. Окончила медицинский институт, работала врачом. Автор книг стихотворений «Тропинки памяти» (2008), «Избранное» (2008). Редактор книги воспоминаний матери Л.Н. Кузнецовой-Свягиной «Дневник «Советки» (2010). Член Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов. Живёт в посёлке Старая Майна Ульяновской области.

«МОЕ ДЕТСТВО СВЯЗАНО С ВОЙНОЙ...»

Страницы воспоминаний

Уходят ветераны войны 1941 – 1945 года – живые свидетели трагических лет нашей Родины. Тихо уходят из жизни и их дети – дети войны. Я родилась в канун самой страшной войны. Моё детство связано с этой войной отрывочными, но яркими воспоминаниями. Оно прошло в Польше, на оккупированной немцами территории. Обстоятельства и события, связанные с моим детством, правдиво и живо описаны моей матерью в книге «Дневник Советки», которая вышла под моей редакцией в 2011 году в Санкт-Петербурге.

В начале войны мы жили в маленьком городке Бельске Белостокского воеводства. Сейчас я знаю, что он маленький, а тогда был для меня неведомым и безграничным. Вижу себя, стоящую за большим деревянным забором, в котором сломана одна доска. Через образованный ею просвет наблюдаю ставшее уже привычным движение за ним: строй шагающих немцев, тяжёлый топот их сапог по булыжной мостовой. Слышу их залихватский марш с непонятными гортанными звуками «хайли – хайлё». И мама, и пани Тиминска, у которой

мама снимала комнату, не разрешали нам с маленьким братом выходить за ворота. Но однажды я нарушила запрет, потому что на той стороне улицы увидела грузовик, туго набитый черноволосыми детьми. Грузовик стоял. Дети шумели, кричали. Увидев меня, замахали руками, звали покататься. И я, робко оглядываясь на ворота, посеменила к машине. Покататься не удалось. Машина рванула и понеслась от наших ворот в неизвестную даль.

Через тридцать лет с колотящимся сердцем я ворвалась в эти ворота, влетела по трём старым каменным ступенькам в комнату детства, где плакала моя молодая мама, лёжа плашмя на диване, и где я просыпалась по ночам от глухих звуков стрельбы. (Выросла, узнала: каждую ночь за городом расстреливали евреев.) Семья из двух молодых поляков опешила перед навзрыд плачущей женщиной, когда я в великом волнении оглядывала комнату. Они готовы были принять меня за сумасшедшую, но следом, торопясь, вошла пани Тиминска и объяснила ситуацию. Поляки всё поняли: эта русская женщина помнит войну, своё невозвратное детство в этих стенах. Они даже всплакнули вместе со мной и бывшей хозяйкой этого дома, пани Тиминской. Не плакала только моя дочь-подросток, с неловким удивлением наблюдая сцену. Но и у неё задрожали губы, когда я коснулась воспоминаний о машине с цыганскими детьми. Позднее выяснилось, везли их на убой.

Ведь с позиций фашизма они – генетический мусор.

Всё та же резная, белая облицовка старинной печи! И те же окна, из которых я ребёнком, стоя на табуретке, глядела на развилку дорог. По одной, бульжной, грохотали немецкие машины с награбленным добром. Она вела в Берлин. По ней маршировали немецкие солдаты. А другая дорога вела в глубь города и на пустыри за городом, где стреляли в живые человеческие мишени. Как забыть эту холодную, нетопленную комнату и маму, сидящую на столе с ногами в окружении каких-то тряпок? Что-то вроде валенок шила мне тогда мама из рукавов изношенного пальто пани Тиминской. Близилась зима 1943 года. Откуда было знать маме про масштабные военные действия её страны, про скорый прорыв Ленинградской блокады, про победоносную Сталинградскую битву в феврале? Ничего она не знала и о судьбе мужа, моего отца-партизана. И эта томительная, изнуряющая неизвестность, долгая тоска, мучащая её, передалась мне. Я не помню себя весёлой, беззаботно поющей, прыгающей с

мячом или скакалкой. Печаль свила гнездо в моём сердце, навсегда поселившись в нём. Мама с шитьём на высоком столе, а я бегаю под стол и прошу маму сделать мне «куку Лялю», куклу. Мама складывает тряпки в маленький свёрток, перевязывает его с двух концов. С одной стороны рисует большие глаза, нос и широкий рот в улыбке. Вот и готова прекрасная игрушка! Однажды я поделилась этим воспоминанием с уже постаревшей мамой. Она долго глядела на меня, потом ушла в себя, погружившись в глубь прошедших лет. И словно очнувшись, подняв высокие непоседевшие брови, спросила: «Неужели ты помнишь это? Тебе было три с половиной

года». Мама с интересом оглядела меня и потребовала описать обстановку комнаты. Немудрёную обстановку я помнила с фотографической точностью. Только теперь, через тридцать лет, старинная печь, окна в комнате детства, высокий дубовый стол и сад пани Тиминской, в который я выбежала, чтобы всласть выплакаться, оказались меньше, чем я помнила. Выросла девочка... В небольшой нише за печкой я обнаружила этажерку с книгами. Какая находка! Книги моих родителей, тихо притулившиеся здесь в ожидании меня! «Стихотворения» П.А. Козлова с датой издания 1884 года, «Сочинения» Ф.М. Достоевского – 1895 года издания с пометками мамы, более поздние издания (1947 – 1948 годы) Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя. Всё это сва-

лившееся на меня богатство я сгребла и перевезла через таможню в поезде «Москва – Берлин» в свой дом.

Остро врезался в память противный рёв летящих над головой немецких самолетов. С неба валились бомбы. От них мы с братом спасались в земляных ямах, вырытых в огороде пани Тиминской. Так велили взрослые, которые и сами запрыгивали в эти ямы во время бомбежки. Там же какое-то время спасалась фрау Марта, живущая по соседству. Она не смела поднять глаз на русскую семью, вжималась молча в общую для всех ласковую теплоту земли. Помню, как фрау Марта выходила на крыльцо, провожая мужа, и кричала, вытянув вперед худую руку. «Хайль Гитлер!». Толстый, короткий немец, крутанув на каблуках, проворно разворачивался в сторону своей фрау и, резко вскидывая руку, отвечал: «Хайль!». Фрау любила музыку Генделя, обожаемую Гитлером. Однажды она поманила нас с братом пальцем, привела к себе в квартиру, и я впервые увидела рояль. Откинув чёрную, блестящую

крышку рояля, фрау Марта тронула клавиши, и мы услышали мощные, глубокие звуки. Они заполнили всё пространство и, казалось, вырвались из тесных пределов жилища. Довольная произведённым эффектом и своим влиянием на формирование культуры в диких заморышах, фрау сыграла ещё несколько тактов из Бетховена. (Два немецких имени, хоть и с чужим произношением, запомнились.) Запомнились и длинные конфеты, завёрнутые в яркие бумажки, которые, провожая нас, торжественно вручила фрау. До самой конфеты-сосульки добрались не сразу: долго развёртывали её серпантинную одёжку. Как рассказывала мама в своём «Дневнике», фрау в конце переломного 1943 года, заполняя ведро воды у колодца, отчаянно плакала. Она провожала мужа на Восточный фронт, откуда он не вернулся. Женщины двора не позволили себе злорадства. Слезы по близким были для всех женщин одинаково горьки. Мою молодую мать поляки прятали, чтобы её не увезли в Германию. Она была женой коммуниста. В начале июня 1941 года подвижная, не озабоченная семьёй тётка Капа решила навестить семью племянницы, предприняв далёкое путешествие. Домой, в Россию, в любимый ею Торжок, она вернулась через долгих пять лет. Бывшая учительница-атеистка стала нашим ангелом-хранителем. Она ходила по миру в соседние деревни и приносила в дом хлеб и картошку. Часто ей приходилось работать в крестьянских полях, тогда в доме появлялось молоко для младшего брата. В 1944 – 1945 годах фашисты стали лютовать, жгли окрестные деревни, прочёсывали дома и забрали мою мать с братом. Пани Тиминска уже не чаяла встретить живой свою русскую подругу с несчастным двухлетним сыном. Решение удочерить сироту, так она меня называла, давно зрело в её любящем сердце. Сын Юрек подросток. Хотелось иметь девочку, помощницу в большом хозяйстве. Тем более что она уже была моей крёстной матерью. Пани прятала меня в сундук, где я спала. Там было темно, через щели просачивался воздух и глухие звуки голосов. Я не знала в детстве, что есть другая жизнь у детей, когда они спят мирно и спокойно в чистых кроватках. Поэтому все невзгоды принимались как должное – со смирением и кротостью. Помню, как пани Тиминска привела меня в церковь и подвела к картине с изображением бородатого дяди в дивных одеждах. «Молись за папу с мамой боженьке», – сказала она и показала на красивую картину. В другой раз в церк-

ви был выставлен маленький гробик в пышных кружевах. В нём лежал, утопая в белых мелких цветочках, хорошенький мальчик. Все взрослые подходили к гробику и целовали мальчика. Заставили и меня поцеловать холодный лоб. Я чувствовала невероятную зависть к этому мальчику, которого все так нежно целовали. Долго тайно вынашивала мечту о том, как буду лежать в белом красивом гробике и все будут плакать и жалеть меня...

Маму с братом полицаи выпустили. У брата тело покрылось нарывами, а мама почернела. Остаться в городке по решению взрослых стало опасно. И вот уже вместе с другими беженцами мы бредём в польскую деревню, где советских людей встречают сочувственно, ждут добрых известий с фронтов, кормят-поят нас, детей. Стоит жаркое лето. Мама с Капой днём работают в поле у крестьян, приютивших нас, а на ночь уводят в землянку. Я уже большая, как говорит мама, потому что мне пять лет. В доме живёт огромный пушистый зверь. Это кот Томик. Брат его боится, а я глажу, и он мурлычет.

Эту ночь я помню все свои длинные прожитые годы. В тесную землянку набилось много народа. Грохотала канонада, гнали немцев. Люди тревожно перешёптывались, молились, скорбно всхлипывали. Я шепнула маме, что хочу «на двор». Когда вылезла из землянки, увидела яростно пылающий огнём горизонт. Такого огромного красного неба с безумием мощных взрывов забыть невозможно. В эту ночь так хотелось спать! Но землянка содрогалась, сыпалась, и люди не выдержали – побежали кто куда. Бросились из землянки и мама с Капой. Брата несли на руках. А я бежала и на бегу спала. Утром на месте землянки оказалась вспаханная взрывами снарядов земля. Линия фронта проходила совсем рядом, в десяти километрах. Мы обосновались в другой землянке, прожили лето, опасаясь вернуться в Бельск, где фашисты две недели удерживали в погребе маму с братом. Мирились с немыслимой антисанитарией: вшами, блохами, гельминтами, которые буквально пожирали нас, детей. Слово «СМЕРТЬ» звучало очень привычно и обыденно. То и дело взрослые говорили про тех, кого убили или кто умер. Поэтому, когда в 1946 году нашелся мой отец – партизан и подарил мне первую настоящую куклу с розовыми щёчками, голубыми глазками в нарядном платье, я её к вечеру похоронила: вырыла ямку и засыпала куклу землей. Кто-то наблюдал траурный ритуал, совершаемый мной,

и отрыл красавицу. Больше я эту куклу не видела. Уходя на военные учения, а оттуда на фронт, отец не знал, что оставил беременной маму. Маленький сын был подарком. Отец перевёз нас в белорусский городок Клецк, в котором оставались грубые следы войны – разбитые танки. На одном из них, ближе к нашему дому, мы с братом играли в войну. Для школы я была мала, потому целый день, пока родители работали, мы были предоставлены себе, что радовало, возбуждая «бродяжий дух». Однажды мы обнаружили военный госпиталь, где лежали наши раненые солдаты. Не забуду, как страшно было увидеть в стороне свалку из человеческих рук и ног.

Когда наша семья вернулась в Россию, я пошла в первый класс школы с ласковым названием «Ёлочки». Дети смеялись надо мной: я путала русские слова с польскими и белорусскими, а от гула наших, советских самолетов пряталась под парту. Уроки делали при свете керосиновой лампы. Торжок немцы бомбили с воздуха, потому город жил без света. До сих пор в памяти руины каменных домов по правому берегу реки Тверца. В одном из них на искорёженных перилах долго висела вверх ногами кукла.

В школе вместо тетрадей нам раздавали солдатские газеты, на полях которых мы учились писать буквы. Буквы расплывались на серой газетной бумаге, причиняя мне страдание, ибо оказалась я добросовестным школяром. В памяти детально запечатлелись картины того времени. Ручки у нас – деревянные палочки с железными перьями, которые мы называем лягушками. Окунаем свои «лягушки» в жидкие чернила и пока несём к бумаге, увы, делаем кляксы. Живу я с Капой, родной тётушкой мамы, в полуподвале старого двухэтажного дома. Из окошка вижу ноги прохожих, спешащих или ковыляющих по главной улице Торжка, знаменитой Дзержинке. На ней возвышается дом дворянина Пожарского, у которого неоднократно гостил Пушкин, нахваливая хозяина за знаменитые котлеты. По этой же улице холодными утренними часами водят на работу пленных немцев. Вот они, «доблестные» немецкие солдаты! Теперь они молча, без воинственной своей песенки «хайли-хайлэ», шагают строем на работы.

Мы с каппой ждём, когда они пройдут, чтобы пересечь улицу. Я помню, как Капа всё сильнее сжимала мою руку, будто, как прежде боялась, что меня схватят. Но немецкие солдаты ни на кого не смотрят, тупо вперевшись глазами в затылки впереди идущих. Моросит дождь, по серой дороге серой

сороконожкой движется бывший враг. Впереди наш молоденький русский солдат с очень серьёзным лицом. Я ничего не испытываю, кроме болезненного любопытства: куда и зачем их ведут?

– Пленных ведут восстанавливать Торжок... Мой-то дом они не восстановят.

Капа начинает подозрительно сморкаться. Плачет. (Хорошо, что немцы прошли – не видят). Капа до последних лет не могла примириться со страшной бедой – разбомблённым своим домом. Осознать всю трагическую несправедливость её жизни тогда детским умом я не умела. Её рассказы о чудесном яблоневои саде, о весёлом гамаке между стволами и упруго хлопочущем ключе за огородом воспринимались туго, словно через тусклое стекло. Но с годами разительный контраст впечатлений от гогочущих прежде немцев, колоннами двигающихся по Бельску (с лозунгом *drang nach osten*), и тихим теперь их строем, с одинаковым у всех выражением тупости, стал вызывать горькую мстительную насмешку. Так вам и надо – за слёзы мамы и Капы! За страдания отца-партизана! И за моё детство...

В летние каникулы 1956 года я гостила у бабушки Фроси в селе Игнатовка Ульяновской области. Помню, как она оживилась, засуетилась, ожидая возвращения пропавшего без вести сына Петеньки. В это время из Германии стали возвращаться советские военнопленные. В село вернулся один искалеченный солдат. Это известие всколыхнуло всю деревню. Сразу помолодевшая, обретя упругие движения рук, ставила бабушка на ночь в жаркий зев печи чугунный котёл со щами. «Вернётся сынок, а у меня щи горячие. Уж больно любил он щи из печи!». Она отправила на фронт сразу четверых своих сыновей. На Коленьку, морского пехотинца, скоро пришла проклятая повестка с известием о его героической гибели. Возвращение моего тяжело раненного отца, Шуроньки, после пяти лет небытия было чудом. Вернулся весь в орденах сын Митенька, лётчик-североморец. А вот Петеньку, младшего из сыновей, бабушка горестно ждала до конца своих дней. «Грех это – детей от матери отымать на войны», – убеждённо говорила она, сжимая жилистые руки крестьянки...

А такие слова я вычитала у графа Л.Н. Толстого. «Война есть убийство. И сколько бы людей не собиралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы себя не называли, всё равно самый худший грех».

Рисунки Сулеймановой Юлии

Валентина УКОЛОВА, ведущий библиотекарь ОГБУК «Ульяновская областная библиотека для детей и юношества имени С.Т. Аксакова»

МОЛОДОЕ СЛОВО РОССИИ

Итоги творческого конкурса

В преддверии Дня России в Ульяновской областной библиотеке для детей и юношества имени С.Т. Аксакова прошёл праздник, посвящённый итогам Межрегионального творческого конкурса «Молодое слово России».

Участниками конкурса стали 94 человека в возрасте от 12 до 25 лет из Ульяновской, Белгородской, Нижегородской, Саратовской областей, Республик Коми, Башкортостан, Татарстан и Чувашии. 17 участников, представивших свои работы в номинации «Публицистика», создали литературные версии своего интервью с «героем нашего времени». 37 участников в номинации «Видеорепортаж» создали репортажи о событиях культурной жизни или исторических традициях многонациональной России. Самой многочисленной номинацией стала поэтическая. 40 конкурсантов представили стихотворения о Родине, её богатой природе и сильном народе.

Поэзия – это, наверное, одно из самых гениальных достижений человечества. Изливать свои чувства в стихотворной форме, запечатлевать в рифме свое мироощущение, мечтать о будущем и вспоминать прошлое, одновременно обращаясь к миллионам и оставаясь при этом наедине с собой, — на это способна только поэзия, величайшее из искусств, созданных человеком. Немногие становятся великими и известными поэтами, но многие хотя бы раз в жизни пытались сочинять стихи. Ведь большинству людей далеко не чужды те «прекрасные порывы души», которые и побуждают человека взять ручку, листок бумаги и начать творить. Волшебная сила поэтического слова способна оказать огромное влияние на любого человека.

Именно эту высокую цель преследовали организаторы, призывая участников создавать поэтический образ России и своей малой родины. Непростая задача стояла перед жюри в оценке лучших авторов, многие достойны похвалы.

Вот что написал участник конкурса Максим Найдин из поселка Красный Барыш Ульяновской области (диплом 3 степени):

*Наш край хорош полями, лугами,
Леском, ветерком и песней реки,
Победу славной за честное знамя
Великой Российской страны.*

Открытие праздника по итогам конкурса «Молодое слово России»

А у Валерии Цалковой из Саратовской области свой взгляд на то, что ее окружает (диплом 3 степени). В распевной былинной манере описывает она свой край:

*...На золотой моей земле
Степь привольная лежит.
С думой светлой о добре
Песнь народная летит.
И поётся в песне той
О Руси моей святой,
О године о лихой,
Смытой ключевой водой.
На заветной, на земле
Степь моя привольная
Как у ветра на крыле,
Словно птица вольная.*

В следующем году мы будем отмечать 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Отраднo, что много стихов было посвящено беспримерному подвигу нашего народа в те грозные годы. Это значит, в сердцах молодых память жива, как в стихах Валерия Внодченко (Ульяновск, диплом 2 степени):

*...Мокрый след на каменных щеках,
Памятники, будто бы живые,
Держат мир спасённый на руках.
Я хочу, чтоб люди не забыли:
Героям памятник – на долгие года.
Родина не забывает павшего!
Как мать не забывает никогда
Ни павшего,
ни без вести пропавшего...*

А диплом победителя отправился Татьяне Ялтиковой в Чувашскую Республику.

В старшей возрастной категории 18-25 лет победителями стали молодые поэты из других регионов нашей необъятной России: Валентин Хатин (диплом 1 степени) из Чувашии, Анна Аверьянова (диплом 2 степени) из Белгородской и Елизавета Сундукова (диплом 3 степени) из Саратовской областей.

Диплом за сохранение исторической памяти получил Никита Чабаров из Карсунского района Ульяновской области. Его стихи о дедушке, которого он никогда не видел, тронули всех и были отмечены членами жюри.

В номинации «Публицистика» поступило 17 работ о героях, среди которых живут конкурсанты.

Герои были всегда. На них равнялись, им старались подражать. С древних времен на Руси почитались люди, которые стояли за правое дело, жертвуя собой, защищали родную землю, трудились во славу Родины. В литературных произведениях, в полотнах художников, творениях композиторов воспевался подвиг народа. Мальчишки довоенных времен играли в Чапаева и Чкалова, восхищались подвигом челюскинцев. Послевоенные дети равнялись на пионеров-героев, Маресьева, Матросова и Гастелло. Потом восторг вызвали полет Гагарина и выход в открытый космос Леонова. Сейчас другое время и другие герои.

А кто сегодня в чести? Кто они, герои нашего времени? Работы конкурсантов убеждают, что герои в любом времени были, есть и будут. Для Анны Кухарской из Ульяновска (диплом 3 степени) героем является юноша – почти ровесник.

Ребёнок войны, ветеран педагогического труда Нажия Ахметгалиевна Яхиева из села Ахметлей Николаевского района Ульяновской области – героиня работы Альбины Саитовой (диплом 1 степени).

Александр Кулаков взял интервью у старосты из села Комаровка Новоспасского района Ульяновской области Александра Николаевича Холькина, бывшего военного, который, выйдя в отставку, не стал тихим пенсионером, а вернулся в родные места и старается сделать жизнь односельчан лучше и интереснее (диплом 1 степени).

И для ребят 15-17 лет жизнь представителей старшего поколения также служит примером. Героем работы Алёны Гордеевой стал ветеран войны Павел Михайлович Бузаев из села Верхняя Маза Радищевского района Ульяновской области (диплом 3 степени).

А вот Данила Ярынкин из г. Барыша Ульяновской области настоящим героем считает своего дедушку Вячеслава Алексеевича Ярынкина, который не совершал военных подвигов. Он просто живёт и работает так, что внук считает его героем нашего времени (диплом 2 степени).

Обладателем диплома победителя стал Денис Мухитдинов из Ульяновского многопрофильного техникума. Денис представил на конкурс интервью с автором-исполнителем, членом Российского союза профессиональных литераторов Сергеем Кочетковым.

Россия – уникальное государство, где наравне с высокоразвитой культурой современного мира бережно сохраняются старинные традиции дедов и прадедов, уходящие в глубь веков и хранящие память не только православных канонов, а еще и

В ходе праздника проводились встречи с писателями и журналистами

древнейших языческих обрядов. И сегодня отмечают языческие праздники, народ прислушивается к приметам, чтит вековые традиции, помнит и рассказывает своим детям и внукам старинные предания и легенды. Участники конкурса замечательно представили это в своих работах в номинации «Видеорепортаж».

Видеорепортаж – информационный жанр журналистики, который оперативно, с необходимыми подробностями и в яркой форме сообщает о каком-либо событии. Его очевидцем или участником является сам автор. Работы участников младшей возрастной категории подкупают своей непосредственностью и в тоже время серьёзным отношением к выбранной теме. Эмилия Алиуллова из г. Ульяновска за работу «Памятник Карамзину... что мы о нем знаем?» получила диплом 3 степени.

О Сергиевской слободе поведал Иван Галактионов из города Бора Нижегородской области, занявший 2 место. Оттуда же и победитель в этой возрастной категории Илья Салынов. Его работа «Печь – сердце русской избы» демонстрировалась во время награждения и вызвала восторг всех участников церемонии. Творческую активность проявили учащиеся гимназии №1 г. Ульяновска.

За видеорепортаж «День Победы... Память через время» диплом 3 степени получил творческий коллектив из г. Ульяновска в составе: Никита Гушин, Ксения Дерябина, Александр Уваров, Ева Рябова, Эллина Землякова, Богдан Богданов, Сергей Ферулев. Их ровесник Михаил Попков получил диплом 2 степени за работу «Петропавловская крепость». Диплом победителя за работу «Богородск – город мастеров» отправился Ольге Колмяковой в город Бор Нижегородской области.

В ходе праздника для участников конкурса были организованы встречи с членом Союза писателей России Лидолией Никитиной и известным журналистом Викторией Чернышёвой.

Во время церемонии награждения победителей Межрегионального творческого конкурса «Молодое слово России» председатель жюри, поэт, член Союза писателей России, главный редактор литературного журнала «Симбирск», лауреат поэтической премии имени Н.Н. Благова Елена Кувшинникова ска-

На фото: Участники и организаторы Межрегионального творческого конкурса «Молодое слово России». Областная библиотека для детей и юношества им. С.Т. Аксакова. Июнь 2019 г.

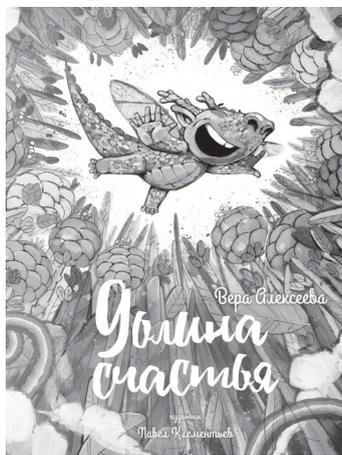
зала очень важные слова: «Мне хотелось бы, чтобы вы нашли себя и почувствовали своё призвание, сумели его выразить и послужить людям и своему Отечеству. Я очень хочу, чтобы вы поняли, как нужны нашей земле, нашему краю...».

Будущее – страны в руках молодых. Через пять, десять, пятнадцать лет от тех, кто представил свои работы на конкурс с символичным названием «Мо-

лодое слово России», будут зависеть судьбы людей. И не так уж важно, станут ли они поэтами или журналистами или выберут иную профессию. Главное, чтобы каждый делал свое дело по нравственным принципам, и традициям, заложенным нашими предками, и которые нашли яркое отражение в их творческих работах.

Подробнее о конкурсе читайте на сайте библиотеки: www.aksakovka.ru

Вера АЛЕКСЕЕВА, окончила УлГПУ им. И.Н. Ульянова. Сказочница.
Автор книги «Долина счастья» (ч. 1, ч. 2). Автор сценария новогоднего мюзикла «Кентервиль», финалист фестиваля анимационного кино «Суздальфест».

СКАЗКА ПЕРВАЯ

«ДОЛИНА СЧАСТЬЯ»

Глава 1.

Долина Счастья

Среди гор и холмов, вершины которых покрыты вкуснейшим мороженым, под небесами, где неспешно плывут зефирные облака, где в озерах кристально чистая вода и бьют лимонадные фонтаны, где аромат благоухающих цветов дарит жителям спокойствие, радость и самые сладкие сны, простирается Долина Счастья – долина волшебства, долина, куда попадают все наши мечты и оживают самые невероятные истории.

Вот об одной истории, которая произошла совсем недавно в Долине Счастья, я вам сейчас и расскажу.

Посреди долины находится озеро, и называется оно озеро Желаний. Недалеко от озера Желаний растет великолепный сад цветов. Сад этот не простой, а волшебный.

Цветы из этого сада могут наделить вас разнообразными чувствами и умениями: подарить вам силу или слабость, сделать вас умным или глупышкой, наделить добротой или злобой.

Белые цветы дарят ощущение полнейшего счастья, розовые цветы – нежную любовь, фиолетовые – спокойствие, наделяют мудростью, их очень любят местные ученые и считают самыми умными цветами, голубые дарят доброту и заботу, оранжевые – смех и радость, желтые – цветы высокомерия и гордости, зеленые дарят радость, бордовые – силу и бесстрашие...

Волшебный сад охраняется армией эльфов. Каждый эльф живет в одном

Рисунки Павла Клементьева

из цветов и обладает тем же качеством, что и сам цветок. В голубых и зеленых цветах живут эльфы, которые ухаживают за садом, в фиолетовых – эльфы, которые выращивают цветы с новыми чувствами, в бордовых цветах поселились эльфы, охраняющие сад от посторонних.

Никто просто так не сможет войти в волшебный сад, нужно разрешение от волшебника Мираля, который прописывает жителям те или иные чувства.

Каждый день в саду кипит работа: нужно подмести дорожки в аллеях сна, подвязать ветки у кустарников радости, полить клумбы любви, почистить дно в фонтанчике мудрости. Каждому цветку требуется особый уход, и только эльфы знают все секреты.

Но сегодня в волшебном саду переполох: в семенах волшебства обнаружено разноцветное яйцо. Оно лежало себе спокойненько в ящике и молчало.

На совете эльфов было решено такое красивое яйцо поставить в клумбу красоты. Так и сделали.

Только яйцо оказалось живое, под лучами теплого солнышка оно согрелось, и через несколько дней тонкая скорлупа треснула. И эльфы увидели, как из яйца появилось что-то разноцветное: оно имело голову, туловище, 4 лапки, хвост и даже крылышки. Это что-то постоянно чихало, и из его ноздрей вырывались клубки дыма.

– Да это же настоящий дракон, только маленький! – сказал главный садовый эльф.

Так как ухаживать за драконами эльфы не умели, то решено было отвести его к королеве Долины Счастья.

История первая

Долина счастья

Глава 2.

Встреча с королевой

Королеву Долины Счастья звали Альвиния – она была самой прекрасной, мудрой и доброй королевой. В ее королевстве никогда не было войн, даже ссор и драк не было. Всё кругом было наполнено добротой. Жила Альвиния недалеко от сада цветов, во дворце Музыки. Дворец был сделан из хрусталя и украшен цветами. Здесь постоянно звучала флейта, звуки которой дивным эхом разносились по всей долине.

Когда дракончика привели к королеве, она взглянула в свое волшебное зеркало и увидела, как маленький мальчик нарисовал его среди цветов. А так как мальчик не знал, какие бывают настоящие драконы, то раскрасил его во все цвета.

Вот почему разноцветный дракончик появился в цветочном саду.

Назвали дракона Визаур, но так как он был еще малыш, все называли его ласково Визаурик.

Глава 3.

На балу

Поселился дракончик вместе с эльфами в цветочном саду. Он уже немного подрос и умел летать, как и эльфы. Эльфы занимались его воспитанием, они обучили его хорошим манерам. И Визаурик стал самым воспитанным и вежливым драконом в долине Счастья.

У дракончика имелось одно волшебное свойство. Когда он смеялся, то каждая смешинка превращалась в маленькое волшебное семечко, недаром

он, будучи еще яйцом, лежал в ящике с семенами волшебства. Поэтому эльфы не разрешали нюхать Визаурику цветы веселья, а то слишком много цветов получится.

Вместе с эльфами он ухаживал за цветами, только вот часто чихал, выпуская дым.

– Но ведь на то он и дракон, – думали эльфы. – Хорошо, что не огнедышащий.

Однажды Визаурика послали к королеве Альвинии с букетом цветов веселья. Сегодня вечером во дворце состоится бал для всех жителей, и чуть-чуть веселья никому не помешает, решил придворный волшебник Мираль.

Приготовления шли самым тщательным образом: флейты разучивали новые мелодии, гномы в сказочном лесу собирали с деревьев поспевшие сладости: леденцы, шоколадки, мармелад, вафли и печенье. Птицы счастья уже спустились с гор мороженое со вкусом клубники и ванили, персиковое и шоколадное, с джемом и орешками – на любой вкус. А теперь Визаурик принес цветы веселья.

Визаурик был очень добрым драконом и он с радостью стал помогать готовиться к балу. Он так увлекся, что не заметил, как наступил вечер и во дворец стали прибывать жители сказочного королевства: эльфы и гномы, звери и птицы, волшебники и волшебницы... Больше всего ему понравилась лошадка-Пегасик, которая тоже умела летать, и собачка-Кудряшка, которая обладала золотыми кудряшками и исполняла самое заветное желание, если ее погладить.

Никогда еще в Долине Счастья не было драконов, поэтому каждый житель волшебного королевства хотел познакомиться с Визауром. Визаурик всем понравился.

– Никогда не встречала таких воспитанных драконов, – проворчала Вреднючка. – Даже обидно.

– Очень рад знакомству, – сказал Хвастун. – Я тут самый главный заместитель королевы. Если что случится, можешь смело обращаться ко мне.

– А вы увлекаетесь вышиванием? – спросила тетушка иголка. – Могу научить вас вышивать скатерти-самобранки.

– А ты всамделишный дракон? – спросил Пегасик.

– Наверное всамделишный, только не огнедышащий, а дымодышащий, – ответил Визаурик.

– Как это дымодышащий? – удивилась Кудряшка.

– Я чихаю дымом, – ответил Визаурик и принялся чихать.

Все громко засмеялись, а потом и сами стали чихать от дыма. Только все чихали по-разному: кондитер Плюшкин чихал пончиками и конфетками, водяной чихал мыльными пузырями, Кудряшка чихала сахарными косточками, звездочет чихал звездами, а иногда и солнечными лучиками. При этом все смеялись и веселились!

Глава 4.

Зловредная Колючка

Бал был в полном разгаре, и никто не подозревал, что в волшебном саду появилась зловредная Колючка со своими верными вредителями репьями. И пока ничего не подозревавшие эльфы веселились на балу, Колючка и репьи захватили власть в саду.

Они уничтожили все цветы, а сами пышным цветом расцвели на клумбах.

Когда бал закончился и эльфы вернулись в волшебный сад, то что же они увидели? Вокруг ни одного цветка, кругом зловредная колючка да репьи, которые цепляются к ногам. За одну ночь дивный сад исчез. Эльфы так расстроились, что заболели плаксивой болезнью. Даже придворный волшебник не смог им помочь, ведь все цветы радости уничтожены.

А колючке и репьям только этого и надо. Они решили не только волшебный сад захватить, но и всем королевством завладеть.

Колючка давно хотела стать королевой зловредности и иметь собственное королевство жадности, зла, вредности и зависти.

В ее королевстве жили бы самые вредные и злые жители. С каждым днем заросли колючек всё разрастались. К тому же к ней на помощь прибыла ее сестрица – злюка-Крапива. Вдвоем они еще быстрее стали заполонять Долину Счастья.

Но жители королевства решили не сдаваться. Одевшись в специальные защитные костюмы, вооружившись волшебными мечами, сделанными добрым кузнецом, бросились они в атаку на колючие заросли. Целый день бесстрашно они сражались с Колючкой и ее армией. К вечеру вся Колючка и Крапива были уничтожены, и жители королевства устальные, но счастливые пошли отдыхать.

Только рано они радовались, на утро вся Колючка и Крапива выросли снова и стали еще больше.

Королева срочно собрала совет волшебников, чтобы с помощью волшебства прогнать зловредную Колючку.

– Может их усыпить волшебным порошком, а потом вынести за границы нашего королевства? – предложила волшебница Забвения.

Так и сделали. Птицам счастья дали в клюв кувшинчики с порошком забвения и велели рассыпать над зарослями колючки.

По команде все птицы счастья взмыли в облака и полетели к волшебному саду.

Но Колючка была очень хитрой, она первой увидела летящих птиц и поняла, что дело тут нечисто. А когда птицы стали рассыпать волшебный порошок, велела всем своим слугам зажать нос и не дышать. Ведь порошок действует, если его вдохнуть.

Пока птицы рассыпали порошок, в голове Колючки созрел коварный план.

Все слуги Колючки притворились уснувшими, а когда жители королевства пришли, чтобы избавиться от Колючки, вскочили, растопырили свои колючки и давай драться да жалиться.

И в этот раз колючей армии удалось одержать победу.

– Как же справиться с Колючкой? – вновь спросила Альвиния у волшебников.

– Нужно Колючку затопить водой, – сказал Повелитель озер. – В моих озерах столько воды, что хватит затопить весь сад.

Принялся Повелитель озер заливать волшебный сад, почти все главное озеро на него вылил, а колючкам этого и надо. Чем больше пьют они воды, тем сильнее становятся.

Совсем отчаялись жители долины, ничего не помогает в борьбе с Колючкой, уже к стенам дворца она стала подбираться.

Глава 5.

Спасти друзей

И тут волшебник Мираль, который всё это время в своих волшебных книгах искал способ борьбы с Колючкой и Крапивой, сказал:

– Сила Колючки в ее корнях. Чтобы её победить, нужно уничтожить корни. Их можно уничтожить лишь огнем. Но корни под землей, до них так просто не добраться. Гномы проведут нас через свое подземелье к корням Колючки. Только где нам взять огонь?

– Так ведь Визаур – дракон, – вспомнил Пегасик. – Он должен уметь дышать огнем.

Все жители посмотрели на дракончика.

– Но я ведь дымодышащий дракон, я не умею делать огонь, – стал оправдываться Визаурик.

– Любой дракон может дышать огнем, – продолжил Мираль, – нужно только...

– Что нужно? – стали интересоваться жители.

– Нужно разозлиться, но это может привести к тому, что ты останешься злым на всю жизнь. И мне придется выгнать тебя за пределы королевства. Всю жизнь ты будешь жить в одиночестве, а сердце твое никогда не наполнится радостью и счастьем. Подумай, если ты не согласишься, мы не будем тебя винить.

– Что же делать? – думал Визаурик. – Если я разозлюсь, то навсегда стану злым и жестоким, мне придется покинуть прекрасную Долину Счастья и расстаться со своими друзьями: Пегасиком, Кудряшкой, эльфами... А если я не соглашусь, то все они погибнут, сражаясь с Колючей армией. Уж пусть лучше я навсегда останусь один, но они будут жить в этом чудесном королевстве.

– Я согласен, – произнес Визаурик.

И тихий шепот пробежал по рядам:

– Теперь он станет настоящим драконом!

– Вот, – сказал Мираль. – Эта настойка приготовлена из последнего цветка злости. Выпив ее, ты обретишь злость и силу настоящего огнедышащего дракона.

Гномы провели Визаурика через свое подземелье к корням Колючки. Визаурик последний раз улыбнулся им, и его улыбка превратилась в маленькое волшебное семечко, такое же, что лежало с ним в ящичке, когда он был яйцом.

Ему было грустно от того, что он навсегда прощается со своими друзьями. Но в то же время и радостно, что его друзья останутся живы.

Визаур выпил настойку злости. Внутри его проснулся страшный огнедышащий дракон, незнающий пощады ко всему живому.

– Как можно быть таким жестоким? – подумал Визаурик.

Но дракон не дал ему больше размышлять, он глубоко проник в сердце Визаурика. Издав страшный рев, дракон начал все крушить под землей. Из его пасти вырывались огненные языки пламени.

Огнем он уничтожил всю армию Колючки, и королевство было спасено.

Только не было радости на лицах жителей Долины Счастья. Все понимали, что Визаурик спас их от Колючей армии, но всем было жалко навсегда расстаться с добрым дракончиком.

Глава 6.

Волшебный цветок

Колючку уничтожили, но и волшебный сад полностью погиб, а у эльфов не осталось ни одного волшебного зернышка.

Только никто из жителей не знал, что в земле лежало маленькое волшебное зернышко, которое получилось из улыбки Визаурика.

И вот утром эльфы заметили, что на одной из клумб появился нежный росточек.

– Что же это? – удивились они.

– Да это же цветочек!!!! Что это будет за цветок? – волновались эльфы.

Цветочек рос очень быстро: не успели показать листочки, как вслед за ними появился бутон. Бутон расцвел и превратился в прекрасный цветок, который переливался всеми цветами и обладал всеми чувствами. Каждый, кто вдыхал его аромат, становился тем, кем был на самом деле.

Кто обладал добротой, становился еще добрее, кто силой – становился сильнее, кто хотел стать веселым, веселился, кто хотел поумнеть, получал ум... Только плохих чувств цветок никому не дарил.

– Какой замечательный цветок, такого у нас никогда раньше не было, – восхищались жители.

– Идея! – закричал Мираль. – Этот волшебный цветок, возродившийся из улыбки Визаурика, может помочь нам спасти его от того злого дракона, который сидит внутри него. Если в душе Визаур остался тем же добрым дракончиком, то, вдохнув аромат этого цветка, он вновь станет таким, как и прежде.

– Ура!!! – ликовали Пегасик с Кудряшкой.

– Нужно срочно найти дракона, он не мог далеко улететь, – распорядилась Альвиния.

– Нет ничего проще, – гавкнула Кудряшка. – Я ведь волшебная собачка: погладьте меня по шерстке и загадайте самое заветное желание.

Не успела Альвиния погладить собачку, как перед ними оказался Визаурик. Только теперь он был злым и беспощадным, рычал и изрыгал огонь.

Но Пегасик не испугался, он сорвал цветок и, взмахнув крыльями, подлетел к носу Визаура. Приятный аромат защекотал ноздри дракона, и он чихнул! А чихнув, избавился от злого дракона внутри себя и стал таким же, как и прежде. Теперь он опять стал чихать дымом. Все вокруг радовались, обнимали друг друга, ликовали от счастья! И Визаурик тоже рассмеялся. Он смеялся, и каждая его смешинка превращалась в зернышко веселья, добра, радости, красоты, мира, спокойствия, ласки, заботы... Зернышки падали в землю, и волшебный сад оживал на глазах.

По-прежнему благоухали в саду разнообразные цветы, и все были счастливы.

А Визаурика даже назначили помощником Главного садового эльфа.

В Долине Счастья еще долго рассказывали эту историю, произошедшую с дракончиком.

Ведь настоящие доброта и любовь остаются в наших сердцах навсегда. И чем больше мы дарим доброты и любви окружающим, тем больше ее становится у нас!

Ольга ТЮРИНА, зав. сектором по выставочной работе Центрилизованной библиотечной системы г. Ульяновска

КНИЖКИ С КАРТИНКАМИ

Выставочный проект ульяновских городских библиотек «Книжки с картинками» представляет работы иллюстраторов и адресован детям до шестнадцати и старше.

Один из самых активных авторов этих выставок – **Павел Клементьев**, молодой художник, очень хорошо известный ульяновскому зрителю.

«Выставки крайне важны для меня, ведь здесь я напрямую вижу эмоции, которые испытывает человек, глядя на мою работу. Мне хотелось, чтобы миры, созданные мной, увлекали зрителя. Чтобы он хотя бы на небольшое время становился их частью, – говорит художник. – Видя реакцию детей на иллюстрации, я понимаю, насколько хорошо у меня получилось изобразить их мир».

В прошлом году Павел начал сотрудничать с издательством «БХВ-Петербург». Здесь в серии «Сказки народов России» вышли две книги с его иллюстрациями к мордовским и коми-пермяцким сказкам. Эти красочные, насыщенные множеством деталей листы можно увидеть сейчас на выставке в городской библиотеке №15 им. Н.Н. Благова.

«Все четыре месяца с момента выхода «Коми-пермяцких народных сказок» книга держится в топе продаж. Очевидно, Павел Клементьев этой обложкой попал в самое сердце малышей», – отметило издательство «БХВ-Петербург».

Совсем недавно в библиотеке №17 «Содружество» открылась выставка иллюстраций к книге стихов Сергея Жданова «Фишки&мыслишки». Яркие картинки к веселым историям вызывают одинаковый восторг у детей и взрослых.

«Когда я работал над книгой, я вспоминал своё детство. Детские игры, сны и фантазии. Эмоции ребёнка, бегущего как угорелый навстречу приключениям, – все это я пытался отобразить в иллюстрациях», – говорит Павел.

«Мысли и эмоции, которые мы пережили в детстве, сопровождают нас всю жизнь. Яркие, озорные, всегда куда-то спешащие ребята из этих книг очень напоминают меня в детстве. Мир ребёнка – это что-то уникальное, в нем может произойти все. Пол комнаты может стать морем, а стопка книг – небоскребом. Я стараюсь не забывать про это в своем творчестве; думая о новой работе, всегда задаю себе вопрос: «А что, если...?»».

*Анна Школьная (журналист) –
о графической серии П. Клементьева «Гой Еси»*

« Я влюблена в «девочек» Павла Клементьева. Удивительно, что он в этой теме не «скатился» в лубок, а нашел свой подход и совместил этническое с авторским. И одновременно намекнул на языческое прошлое народов России, соединив женские красоту, обаяние, грацию с силами и явлениями природы.

Художник Павел КЛЕМЕНТЬЕВ

Выставки

XI Международная неделя моды и текстиля «Ассамблея моды». Диплом 2 место в номинации «Эскиз одежды». Москва, 2010 г.

- ВТОО «Союз художников России». Всероссийская выставка «Молодые художники». г. Москва, 2010 г.

- Персональная выставка в театре-студии Infant Terrible. Ульяновск, 2012 г.

- Ульяновская региональная организация ВТОО «Союз художников России». Выставка, посвященная 70-летию Ульяновской области «На семи ветрах». Ульяновск, 2013 г.

- Ульяновская региональная организация ВТОО «Союз художников России». Областная художественная выставка «Посвящение А.А. Пластову» к 120-летию со дня рождения великого художника. Ульяновск, 2013 г.

- Участие в региональной художественной выставке «Большая Волга – XI», проходящей в Казани, Перми, Йошкар-Оле, 2013 г.

- Самарское региональное отделение ВТОО «Союз художников России». Всероссийская выставка-конкурс молодых художников «Мечты и реальность». Диплом 3 степени за лучшее произведение изобразительного искусства в номинации «Живопись». Самара, 2013 г.

- 9-й открытый Всероссийский фестиваль художественного творчества студентов «Архиперспектива». Диплом I степени в номинации «Живопись». Екатеринбург, 2014 г.

- 10-й открытый Всероссийский фестиваль художественного творчества студентов «Архиперспектива». Диплом I степени в номинации «Графика». Екатеринбург, 2015 г.

- Ульяновская региональная организация ВТОО «Союз художников России». Межрегиональная художественная выставка молодых художников «Волга молодая». Диплом участника. 2015 г.

- Ульяновская региональная организация ВТОО «Союз художников России». Областная художественная выставка, посвященная 70-летию Победы «Великой Победе посвящается». Диплом участника. Ульяновск, 2015 г.

Фото Джемрия Потанова

ПЕРЯ-БОГАТЫРЬ

В стародавние времена жил, говорят, на речке Лутье, что впадает в Каму, извечный сичак по имени Перя. Жил он охотой. Из лука птицу бил, а на крупного зверя ходил с копьём. Увидит след лоса, оленя или медведя и бегом по следу. Быстро догоняет, копьём пронзает. Была у него в лесу избушка, только Перя в ней спать не любил: душно. И летом и зимой спал возле избушки на вольном воздухе у костра.

Люди уважали Перя-богатыря, любили его.

В то время много леших жило в наших лесах. Разные были лешие. Если оршой деревню очень летний леший завялся, всем в деревне досаждал, охотиться не давал, скотину воровал. Люди его и так и этак задрывали, угощали. Пирог с рыбой

испекут, куриных яиц наварят, отнесут всё это в лес, на пенёк положат, крикнут:

— Ешь, ворса [☹], угощайся, только нас не трогай!

Но этот леший все гостинцы съедал, а не унимался, продолжал людям вредить. Что делать? Решили позвать на помощь Перя-богатыря. Рассказали о проделках лешего. Перя рассердился, взял своё оружие и пошёл в тот лес. Начал искать тропу лешего. Кверху нашёл, развёл костерок, сел. Проходит охотник, говорит:

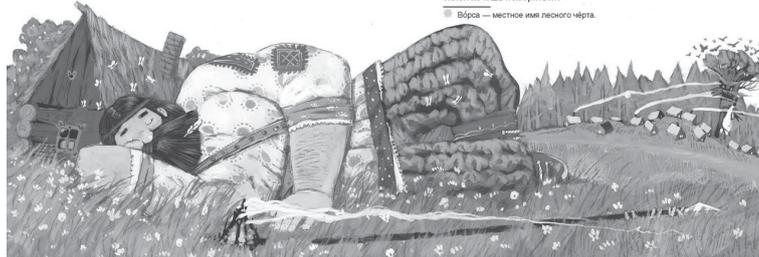
— Зачем ты сол на тропу лешего? Он за это никого не прощает и тебе спуску не даёт.

— Его то мне и надо, — усмехается Перя.

К ночи пришёл леший — огромный, голова выше леса.

— Ты что это на мою тропу пришёл, жалкий человек? Может, силкой хвощь померить?

☹ Ворса — местное имя лесного чёрта.

Страницы книги «Коми-пермяцкие народные сказки». Иллюстрации Павла Клементьева. Издательство «БХВ - Петербург»

Наша справка

Павел Клементьев окончил Ульяновский колледж культуры и искусства и Ульяновский государственный университет. Работал художником в Ульяновском областном театре драмы.

Участник выставок с 2009 года. Принимал участие во Всероссийских студенческих выставках в Екатеринбурге и дважды во Всероссийской молодежной выставке в Москве, в региональной выставке «Большая Волга». В 2016 году принят в Союз художников России.

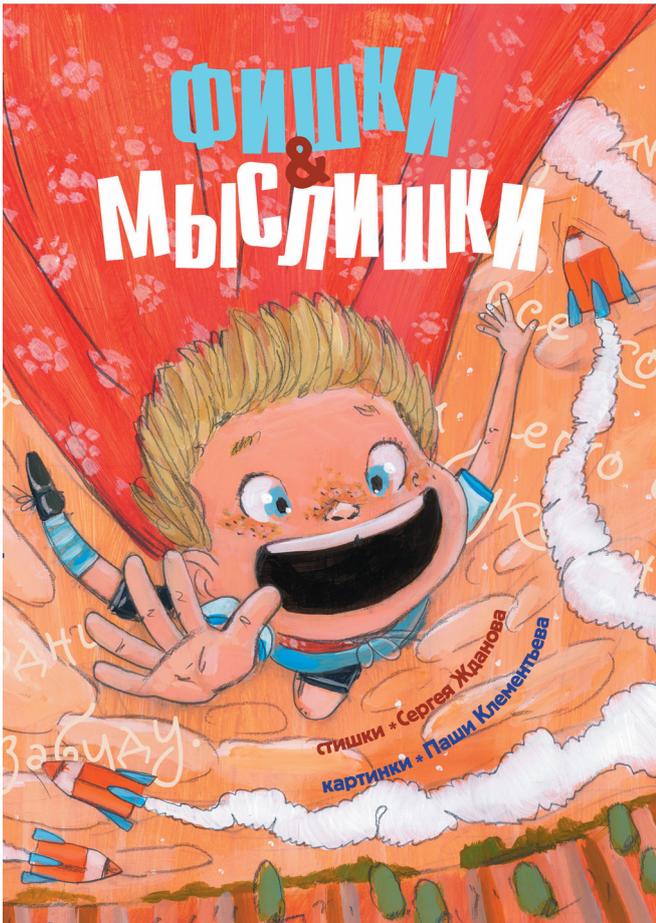
**КНИЖКИ С КАРТИНКАМИ
ХУДОЖНИК ПАВЕЛ КЛЕМЕНТЬЕВ**

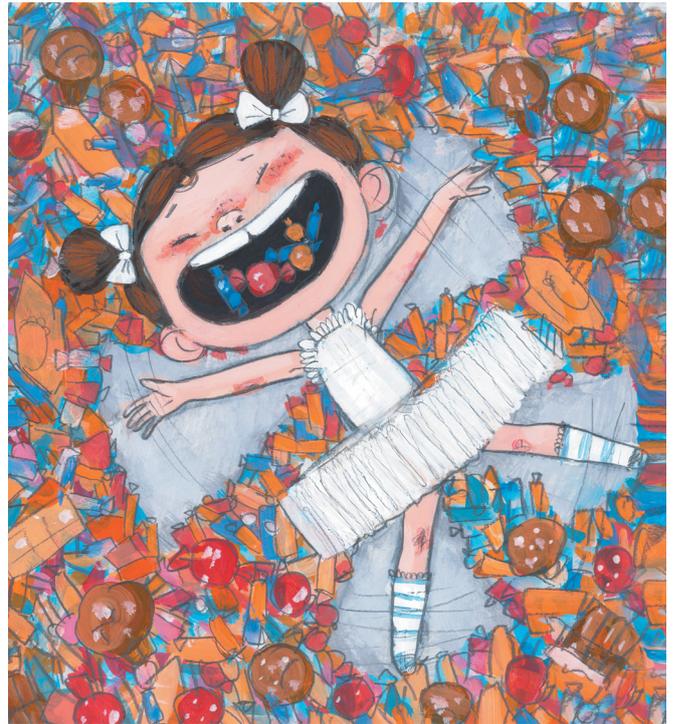
Из серии «Гой Еси». Рябина

*Из серии «Гой Еси».
Покрывальце*

Обложка книги «Фишки и Мыслишки»

Иллюстрации к книге Сергея Жданова
«Фишки и мыслишки»

Иллюстрация к книге «Коми-пермяцкие народные сказки». Издательство «БХВ-Петербург»

ФОТОГРАФИИ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВА

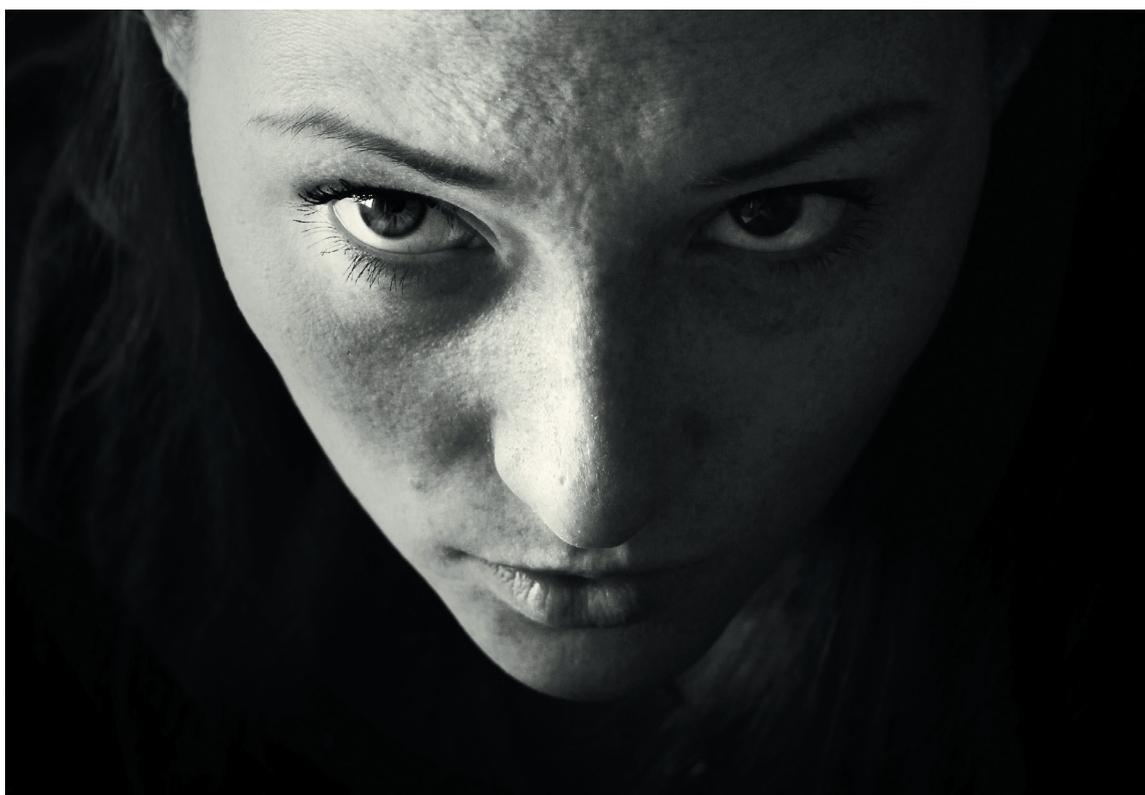
*«Всего и надо, что взглядеться, - Боже мой,
всего и дела, что внимательно взглядеться...»
(Юрий Левитанский)*

Космос во взгляде

В мире что-то происходит

Ты дерзко смотришь вдаль (Актриса Наталья Ляхова)

**«И КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ОСОБЕННЫЙ...»
ФОТОГРАФИИ ВЛАДИМИРА ЛАМЗИНА**

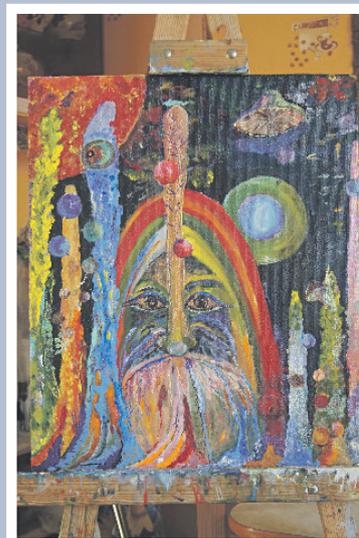
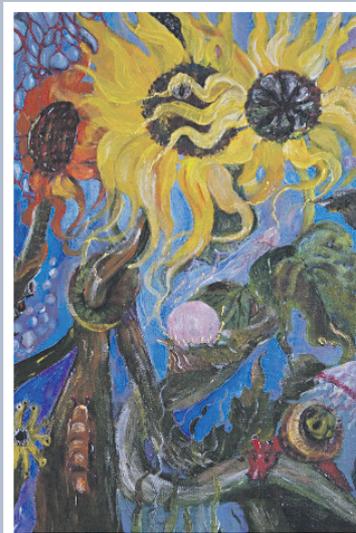
«Тёплые деревянные и яркие нитяные, из солнечного шёлка, мандалы, заряженные звёздным светом; сотканые из дружеских объятий и птичьей радости Ловцы сновидений, говорящие камешки; суворушки-суронушки из замысловатых сучков и коряжек; кружева, связанные из зимних мечтаний для летних хоропровод...»

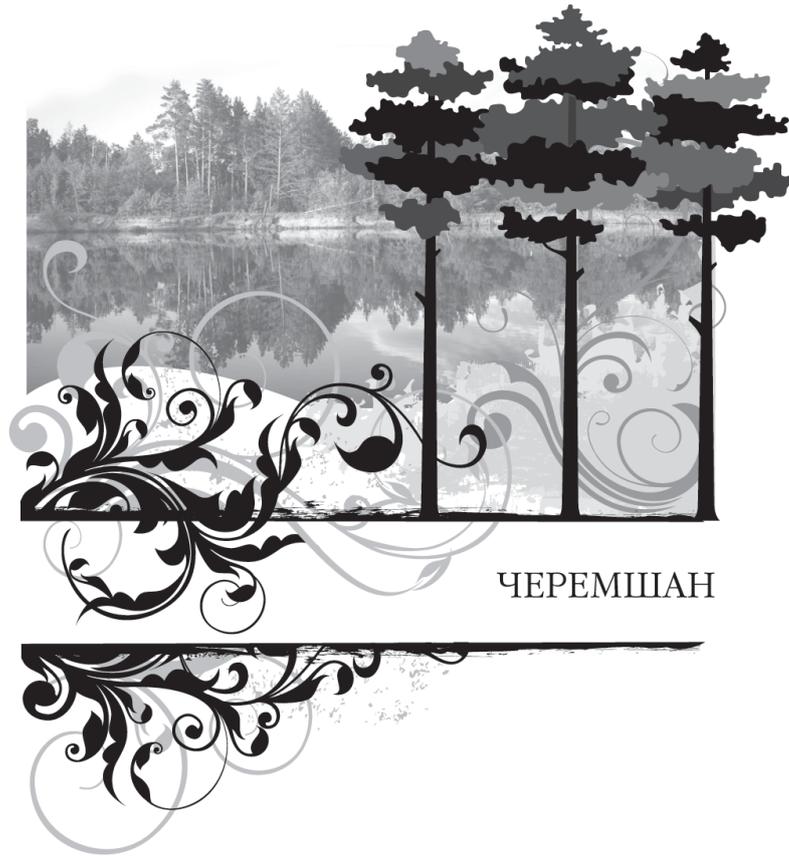
Инга ГААК

РУКОМЕСЛО ИНГИ ГААК

(г.Димитровград)

ЧЕРЕМШАН

Инга ГААК, Димитровград, член Союза писателей России

ЗОЛОТЫЕ ВЕТРЫ СОЛИБАДА

рассказ

Золотые ветры Солибада
Аромат неведомой страны
Донесли,
И мятная прохлада
волн морских мои тревожит
сны...

Мой далёкий, мой золотой Солибад!.. Какие песни, какие стихи донесут твой неповторимый пряный аромат?.. Какие травы, ластящиеся к моим стопам, напомнят гривы твоих трав? Увижу ли бирюзовые воды в кружевной оторочке пенистых волн, рисующих на песке карты памяти?! Услышу ли поющие пески рыжих пустынь?

О мой золотой Солибад... Ты оставил меня подобно раковине на дюнах чужбины, и незнакомые ветры опустошили, охладили моё сердце, но некому набросить на озябшие плечи звёздную шаль твоих добрых бархатных небес; некому сыграть на свирели ночную песнь и песнь утренней росы. Зачем ты оставил меня?..

Как мне объяснить несведущим тоску по несуществующим воспоминаниям? Я мучительно пытаюсь вспомнить, где я была до того, как воплотилась в этом своём существовании. В сказках и песнях придумываю и придумываю настоящее и прошлое, закладывая булыжные фундаменты будущего на зыбких дюнах. Я вышиваю, пою и рисую себя – но нигде не обнаруживаю следов на

песке и снегу, отражений в лужах и колодцах. Где я? Кто я? Когда пришла и когда уйду? Солибад, ты снишься мне, ты нашептываешь мне свои имена, изливаясь струями воды на мытую посуду, а я не успеваю записать и пригвоздить их, отпечатать в своих зеркалах. Иногда я слышу твою речь в музыке друзей, но обычно в эти моменты я погружаюсь в пучину грёз, а ведь раньше все ночи были моими, как и луна и синие звёзды и пунцовая планета над горизонтом. Я сочиняла себя. И тебя. И наливалась цветом и светом, и всё моё существо ликовало от переполненности жизнью.

Теперь же с наступлением темноты моё сердце сворачивается в жалкий комок, оно требует тишины и покоя, даже если тишина соткана из невнятного бормотания телевизора, шумных автострад за окнами или звуков музыки. Я погружаюсь и плыву по течению вдоль, вдоль Потока, улавливая такие крохи в сети сна... но и они будоражат вдохновение и пишутся непонятные вещи, видятся вещие сны, а я хочу в Поток.

Хочу и боюсь Его движения. Если б знать, что Он принесёт меня в твои воды. А если принесёт, как знать, вдруг, разрешившись от бремени мечты, я захохочу на берегу?! Вдруг мне нужно не возвращение, а путешествие? Что может быть мучительнее неудовлетворённости? Чего я хочу? Чего ищущу? Что мне нужно знать и где быть на самом деле?

Приснись мне сегодня, золотой мой город! Пусть я увижу взлетевшие в небо белоснежные шпили башен и ширококрылых птиц меж ними; полюбуюсь затейливыми кружевами света и тени на древних стенах, поймаю солнечного зайчика в бликах фонтана; запутаюсь взглядом в попугайной роскоши нарядов и фракталах мозаичной мостовой и в медовой прозрачности витражей. Пусть я пройду с завязанными глазами по самой извилистой улочке к своему дому, полагаясь лишь на журчание воды в каналах и поцелуи ветерка. Виноградная лоза украсит мою голову узорчатым платком листьев. Это ведь ты снился мне не единожды?!

Я видела нас с мужем на молочном песке Твоего пляжа в одной из своих вылазок? Белое море, сияющие дюны, радость и лёгкость Бытия...

А та увлекательная поездка на автобусе и водном трамвайчике? Во сне всё было предельно просто: следовало лишь купить билеты и запастись предвкушением счастья в поездке.

Мы бродили по светлым осенним улицам, сплошь заплетённым виноградом. Дома из светлого песчаника убежали за плечи и растворялись в зыбком мареве воспоминаний, складываясь в голололомку из дежа вю и жаме вю.

Мы вышли из кинотеатра, встроенного в непрерывную линию домов, и наслаждались тёплым мелким дождиком, а навстречу нам попадались весёлые люди с букетами красных роз, над которыми вились очаровательные котятки. «Странно, почему они идут в кино с цветами?!» – подумала тогда я. А может кино, и цветы были в ином моменте, в ином сновидении?..

На ночь мы втроём останавливались в доме Отдыха: с лицевой, обращённой в Город стороны – сверкающие витрины и колоннада, а изнутри приятный, благообразный, успокаивающий интерьер

и ночной выход в парк, и ступени, ниспадающие к дикой набережной реки, и серебро лунного света, пролившееся меж тёмных пятен густых древесных теней... как же плакала я утром, оказавшись в привычной реальности... как же снова и снова искала ту кассу и ту станцию, с которой так просто нас мог увезти обычный автобус...

Солибад!.. Мы ещё раз приезжали в твои молочно-белые, мягко струящиеся дюны, мы бродили и бродили по ликующим солнечным тропинкам меж звенящих от тепла и ветра макушек трав; по крошачицам под стопой мелким белым ракушкам; поднимались по вихрастым холмам с поющими ливанскими кедрами – убежище диковинных существ и наблюдали, любуясь, за изумрудными и сапфирными переливами полета не то эльфов, не то богомоллов или кузнечиков...

Золотые бабочки жары
На смолистых ветках тамариска.
В старческом узорочье коры
Мною не прочтенная записка...

Раковин причудливых витки –
Направленья указуют ветра;
В скалы, вверх; под тяжестью руки
Сок струит надломленная ветка;

Пробираюсь. Пут паучьих вязь
С дуг надбровных больше не снимаю;
Золотые бабочки, роясь,
Звездами дорогу устилают.

На песке белейшего руна
Руны корневищ – не понимаю
Тайнопись, но в ломких дебрях сна
В будущее тропы пролагаю.

Вверх и вверх, туда, где облака
Аромат пустыни освежают,
Где молочно-белая река
Море изумрудное питает...

Я услышу сверху шёпот дюн,
Я увижу белые аркады,
Синева распахнутых лагун,
Улицы в узорах винограда
И пойму, о чём же мне поют
Золотые ветры Солибада...

Эта реальность лишь однажды подарила мне день, похожий на твой... То была поездка в С-й... Я давно устремляла к нему свои мечты... Однажды желание поехать пересилило страх перед непогодой. Тот сентябрь оказался щедр на дожди и грозы. И в день назначенной поездки тоже сгустились тучи, и долгое ожидание автобуса в брендовой забегаловке лишило приключение пряного аромата радости. Однако рано или поздно, так или иначе, путешествие началось... Ты ведь видел его моими глазами?!

А я немного дремала в душном переполненном автобусе... Знакомые топонимика и пейзажи с восторгом воспоминаний сменились однообразными

степями, и вновь дремота укачивает под бодрый ход колёс...

Открываю глаза и некоторое время с удивлением и тревогой вглядываюсь во всхолмлённую местность в приятных охристо-хвойных оттенках осенней травы; узловатые, приземистые, скрученные ветрами в немислимые танцевальные фигуры сосны и берёзы напоминают какой угодно, но не поволжский ландшафт... На миг мне почудилось, что мы плуаем и водитель представления не имеет, куда ехать: так неожиданно и причудливо виляла дорога, и так длилось и длилось, не по расписанию, время поездки.

Городок встретил нас с любопытством, но без особой приязни. Пустынная площадь, пустынный скверик, насквозь продуваемый ветром. Серая рябь бежит по воде, и свинцовые тучи меряются скучностью нарядов с Рекой. И вдруг по тёмно-красной кладке мрачноватого храма скользнул первый солнечный зайчик. Солибад, это ведь ты вызолотил угрюмое белёсое небо, ртутными дорожками устлал водную гладь?! Пушистыми, невероятно большими иглистыми лапами приветливо взмахнули сосны, приглашая в путь, и мы устремились вдоль берега Реки к белым меловым откосам...

Помнишь, я так спешила на встречу, что заблудилась в лесу акаций? Поднялись по крутому склону и вдруг оказались в окружении кружевного древоподобного кустарника. Бесконечно разветвленные кроны желтой акации с жалобно дрожащими парноперистыми листьями-монетками, звенящими от слабых порывов ветра, будто девочки-плясуньи в пестрых лохмотьях, замерли в ожидании зрителей. Но едва мы оказались в окружении, они, как неистовые цыганки, звеня своими браслетами и поясами, вцепились в наши одежды всеми, такими хрупкими на вид, но жутко колючими ветками. Мы, спасаясь бегством, совершенно потеряли ориентир и почти заблудились в маленькой рощице на волжском склоне...

Я залюбовалась роскошной сосной, поселившейся некогда в расселине. Копна зеленых волос великанши немного лишь выглядывала из-за обрыва, красуясь золотистыми изгибами великолепного тела. Но внимание мое и сына привлекло крупное насекомое: оно вспорхнуло с мелкого кустарника и заворожило размерами и танцевальной легкостью полёта. Мы разом отвратили взгляды от дерева и с изумлением воззрились на прекрасное создание. Сверкающий испод крыльев переливался сине-зелёными всполохами... Богомол? Кузнечик?! Что это за чудо?! Разглядеть, узнать! Бегом! Мы помчались за насекомым, не разбирая дороги, а оно, дразнясь, загарцевало меж игл нашей сосны-красотки, которая с испанской томностью передернула плечами, сбрасывая остатки облаков и открывая невероятно синий обзор – Река, сливаясь с небом, превратилась в чудное видение – лазуритовое море Солибада.

Купы твоих ароматных садов, стрельчатые башни, взвившиеся в небо, тихие гавани, ждущие моих кораблей, только чайки долетают до тебя... только птицы могут блуждать меж мирами, ориентируясь по звездам...

А что же наш сверкающий незнакомец?! Мы ведь так и летели вслед за ним, как я уже сказала, не

разбирая дороги. Провалились в узкую расселину, влага предыдущих дождей превратила глину в вязкое месиво, и наши стопы отяжелели, но мы не останавливались, ведь это было не насекомое, я уверяю вас, мои возможные читатели! Это был самый настоящий эльф! Ведь я видела в изумрудье крыльев крохотные голенькие ручки и ножки! Маленький пришелец не причудился мне! Да и сын подтвердил бы эту встречу...

Впрочем, он ускользнул от нас, оставив в душе яркий отпечаток...

Мы спустились к воде... Волга – волшебная река, не раз дарившая мне свои сказки, отличные от тех, что пишут краеведы, – снова очаровала меня, снова придала сил жить среди не своих соплеменников, каким ветром меня надуло на Землю?! Впрочем, я не жалею, только иногда тоска так точит сердце, что даже слёзы иссыхают... Да и слёзы – увы! – не превращаются ни в жемчуга, ни в янтари... Здесь это не принято.

Волны били о валуны, серые, шероховатые и гладкие, с промоинами в боках и с волосатыми прядями коричневатых нитевидных водорослей, сплошь усеянных ракушками. Глина с подошв не отмывалась, и пришлось войти в воду по колени – джинсы тоже были испещрены орнаментами земли и травы – и дать упругим толчкам воды самим справиться с грязью. Как умелая прачка, Река быстро справилась с заданием, и мы отправились на поиски своих...

Любимые друзья – муж и странница-подружка – уже собирали редкие сучья для костра. Невероятная удача – залежи иссиня-черных камней.

Уголь! – возликовали мы. Но уголь не хотел не то чтобы воспламениться, но своим холодным молчанием заставил умолкнуть и робкое потрескивание деревянного огня.

Кое-как огонь все же заприплясывал на небольшой своей сцене – дров было мало, мы обогрелись, перекусили сырным салатом и еще какой-то снедью. Пора было возвращаться.

Солнце раздело нас до футболок. Ветер довольно скоро высушил джинсы, сырые кроссовки не причиняли особого неудобства.

Мы бродили по скверу в ожидании автобуса, любовались видами городка, разбежавшегося веселыми домиками по берегам, дивились кружевным наличникам и высоким фундаментам некоторых из них, особняком выстроившихся на яру, смеялись над угнездившимися и вызревшими на деревьях абрикосово-весёлыми тыквами, погрузили у памятников Воинам...

В золотисто-розовом осеннем предвечернем сиянии мы покидали немногочисленный красивый городок.

Я уезжала обнадёженная... Я переживала встречу с неведомым, и я знала: – я сюда вернусь, чтобы с головой погрузиться в таинственный сумрак... не в поисках ответов на загадки – в поисках самих загадок и размышлений...

Как и к тебе, мой золотой Солибад!..

ПРОЙТИ ПОД РАДУГОЙ

31 мая в Вероне состоялась торжественная церемония награждения лауреатов российско-итальянской литературной премии для молодых писателей и переводчиков «Радуга», которую в 2019 году вручали в десятый раз. Лауреатом в номинации «Молодой писатель» стала Гала Узрютова, прозаик, поэт и драматург из Ульяновска.

Жюри «Радуги» из России и Италии выбирает по два лауреата из каждой страны – писателя и переводчика. Российское жюри под председательством профессора Литературного института Бориса Николаевича Тарасова получило в этом году рекордное число работ. В номинации «Молодой автор года» победителями стали Гала Узрютова из Ульяновска за рассказ «Море без людей» и Паоло Стеффан (Италия) за рассказ «Сказка», а в номинации «Молодой переводчик» – Светлана Малинина (Москва) за перевод упомянутого рассказа Паоло Стеффана и Эмануэле Бери (Турин) за перевод рассказа Дмитрия Босяченко «Подслушанный разговор».

В российское жюри 2019 года вошли: профессор Литературного института имени Горького, заведующий кафедрой зарубежной литературы Борис Тарасов; писатель, доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени Горького Алексей Варламов; издатель, литературовед, кандидат филологических наук, программный директор Института перевода Нина Литвинец; лингвист, переводчик, доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ Елена Пастернак; поэт, переводчик, профессор Литературного института имени Горького Евгений Солонович; переводчик,

кандидат филологических наук, доцент Литературного института Анна Ямпольская. В X конкурсе премии приняли участие около 800 авторов.

Диплом лауреата на торжественной церемонии в Вероне вручил Гале Узрютовой председатель жюри Борис Тарасов.

Из отзыва Бориса Тарасова о рассказе автора: «Внучка приезжает на каникулы к бабушке, которая живет у моря, но, как нередко случается, моря не видит. Все летнее время уходит у девочки на помощь в хозяйственных делах бабе Маше, страдающей от старческой неуклюжести и бессилия. Тане хотелось бы выбраться к ровесникам во дворе, умчаться навстречу солнцу, погрузиться в (...) волны манящего моря. Об этом же тайно мечтает и бабушка, стесняющаяся своей тяжеловесности, немощи и неприглядности. Художественное мастерство рассказчика заключается как раз в том, что за видимым несопадением их импульсивных желаний и индивидуальных потребностей скупыми выразительными средствами, с помощью точно подобранных непритязательных жизненных ситуаций, обычных деталей, раскрывается тепло и сердечность скрытых от постороннего взора сокровенных отношений, душевно-духовная связь разных поколений, в которой внучка и бабушка остаются друг для друга и солнцем, и морем, составляют единое нерасторжимое целое».

Среди гостей церемонии – мэр Вероны Федерико Сбоариана и президент ассоциации «Познаём Евразию» Антонио Фаллико. Как отметил Фаллико, лауреаты 2019 года рассказывают о любви к старшим поколениям, об отказе от господства технологий в человеческих отношениях, о внимании к социальным аспектам, при котором коллективное сознание

Профессор Литературного института имени Горького, заведующий кафедрой зарубежной литературы Борис Тарасов вручает Гале Узрютовой диплом премии «Радуга»

затмевает эфемерное индивидуальное. Рассказы победителей и финалистов премии опубликованы в альманахе премии «Радуга» на русском и итальянском языках.

Литературная премия «Радуга» существует с 2010 года. Ее учредили итальянская некоммерческая ассоциация «Познаём Евразию» и Литературный институт имени А.М. Горького. В 2019 году премия «Радуга» была проведена совместно с фондом «Русский мир» под патронатом Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Роспечать), при поддержке «Банка Интеза» и «Газпромбанка».

В следующем году церемония награждения премии «Радуга» пройдет в Казани.

Недавно также стихотворение Узрютовой «Дом, в который нас привели» в немецком переводе Асмуса Трауча было включено в антологию европейской поэзии Grand Tour, составленную известными поэтами Яном Вагнером и Федерико Итальяно. Книгу выпустило издательство Carl Hanser (Германия) по заказу Немецкой академии языка и литературы.

Для справки

Гала Узрютова родилась в 1983 году в Ульяновске. Окончила Ульяновский госуниверситет, факультет культуры и искусства. Стихи, проза, пьесы переводились на итальянский, немецкий, английский, словенский, латышский, литовский языки. Автор книги стихотворений «Обернулся, а там – лес» (М.: «Русский Гулливер», 2015), сборника прозы «Снег, который я пропустил» (М.: Bookscaptor, 2018), книги Young Adult «Страна Саша» (М.: КомпасГид, 2019), а также автор концепции, рассматривающей поэзию как животный инстинкт. Лауреат конкурса Европейской сети театрального перевода EuroDRAM (2018), литературной премии Bookscaptor – 2018, поэтической премии имени Н.Н. Благова (2016), Международного драматургического конкурса «Баденвайлер – 2016», специальной поэтической премии «Русского Гулливера – 2014». Участник международных литературных проектов, фестивалей и писательских резиденций. Член Союза писателей Москвы. Живет в Ульяновске.

Гала УЗРЮТОВА

МОРЕ БЕЗ ЛЮДЕЙ

Рассказ

Таню на улице видели только два раза в неделю – когда она вела бабу Машу на рынок с пустой тележкой и когда вела ее обратно, довольную, с тележкой полной. Рядом с широкой двухметровой фигурой бабушки внучка уменьшалась с каждым шагом, всё меньше было и лето.

– Тань, ты сегодня выйдешь? - кричали подруги с качелей.

– Нет, - отвечала баба Маша и доставала огромные железные ключи из кармана халата.

Они исчезли в доме и замелькали в окнах. Дети, съехавшиеся в южный двор на каникулы, бегали к окну и наблюдали. Таня чистит картошку. Таня несет бабушке чай. Таня вытирает пыль. Таня гладит. Таня стирает. Таня подходит к окну, и все разбегаются.

– Бабушка, можно я гулять пойду? Я все сделала!

– А ягоды кто чистить будет на варенье?

Весь вечер во дворе пахло новым клубничным вареньем. Закрыв последнюю банку, баба Маша подошла к зеркалу и долго рассматривала свое крупное лицо. Никакого любопытства она не испытывала, просто хотела убедиться, что живет. Зашла на кухню. Единственное дело, которое она не доверяла Тане, - мыть посуду. Ей нравилось самой слушать, как шумит посудомойка, как она начинает и заканчивает свое простое дело. Нравилось доставать бокалы. Нравилось симметрично расставлять их на столе, подстелив полотенце. После этого баба Маша уставала и ложилась спать, а Таня ждала, когда сон бабки окрепнет. Ждать не было для нее обязанности. Ждать – это генетическое. Ее дед ждал бабку из института. Ее бабка ждала сыновей по десять месяцев. Ее сестра ждала замужества.

Когда сон крепчал, Таня тайком выбиралась на улицу почувствовать каникулы.

– А почему тебя бабушка не выпускает?

– А где твои мама с папой? Они же раньше тут жили.

– А ты пойдешь с нами на море?

Таня бегала от качелей к окну проверить, не проснулась ли баба Маша. Та лежала на диване и храпела, отчего девочка успокаивалась и возвращалась к остальным.

– Так ты пойдешь с нами на море?

– Да ее бабка не отпустит!

Таня еще раз подбежала к окну, разглядела сон и засобиралась со всеми на море первый раз за лето. Когда все уже ушли со двора, она обернулась и в окне увидела бабушку, тучную и взволнованную.

Она кричала, но Таня спряталась за беседкой и не двигалась.

– Таня! Вот бессовестная, иди сюда, кому говорю! Таня! Да что же это такое! Таня! Вы Таню не видели? Таня!

Таня пыталась найти какие-то слова в ответ, но нащупала только берег во рту. Она смотрела на бабушку и думала, что вечером снова нужно есть котлеты, которые та приготовила. Когда Таня отказывалась есть мясо, баба Маша обижалась, и внучке приходилось снова браться за дело, думая о том, что стадо съеденных ею животных становится все больше и больше. И она ему одна пастух. Таня ела чужое мясо и думала, отличаются ли дети коров, которых она жевала с картошкой, от детей человека, которые едят детей коров? Мясо всегда чье-то, думала Таня, и это не давало ей покоя.

– Тань, ты идешь? Мы тебя долго ждать будем? Это там твоя толстуха что ли орет?

– Она не толстуха.

Море с прошлого лета не изменилось. Хотя вряд ли бы кто заметил, если бы зимой воду спустили, а весной налили новую. Вода везде напоминает воду в других местах. У каждого есть свое собственное море, в него он и окунается. Таня зашла в воду по пояс и хотела поплавать, но ей пришлось отвечать на брызги остальных. Теплая вода захлестывала, мочила волосы, и они больше не пахли вареньем. Лучи солнца проникали не сразу во всю воду, а в те волны, где Таня ныряла, протыкая одну за другой.

Плавать на спине ее учил отец, показывая, как надо держать спину, как важно расслабиться. Когда он говорил долго, Таня уже переставала его слушать, а только смотрела, как его спина появляется и исчезает в водных проемах. У нее не получалось держаться на воде так же ровно и красиво. Ей казалось, она напоминает большой лопух с загнутыми обтрепанными краями, брошенный в воду. В следующий раз отец должен приехать только через неделю. Он обещал отремонтировать ее велосипед, чтобы она успела покататься, пока не уедет учиться в город. Видимо, хотел хоть в чем-то побыть отцом. Хотя бы в починке колеса.

Открыв глаза, Таня заметила, что вода унесла ее далеко от других детей. Вода холодела, но выходить ей не хотелось, пусть и кожа на пальцах уже сморщилась, как у бабушки после ванной, что она принимала по субботам. Отец даже специально заказал для своей матери огромную ванную, в которую она помещалась целиком. Таня вдруг вспомнила: сегодня как раз суббота.

Сначала она бежала быстро, чуть не наступив на ящерицу, но потом решила, ничего страшного не произойдет, если субботняя бабушкина ванна состоит на три часа позже, и перешла на шаг. Если уж попадать под раздачу за побег на море, то пусть попадет и за это. У нее тоже может быть свое лето. Не все же каникулы сидеть в пропахшем супом бабкином доме.

Таня залезла в дом через окно, внутри тихо. Бабушке было никуда не уйти без Таниной поддержки, и та надеялась, что она снова уснула. Но в спальне никого не было. Таня проверила ключи – они по-прежнему лежали у зеркала в прихожей. Эти ключи баба Маша выторговала на барахолке прошлым летом, долго выбирала из нескольких полуржавых аналогов, пока не остановилась на том, что побольше. В конце концов, подумала тогда Таня, если человек так долго выбирает на барахолке старый ржавый ключ, должна быть дверь, которая открывается этим ключом. Но бабушкина дверь им не открылась, и она попросила мастера подфигурить ключ под ее замок.

– Таня! Та-а-ня!

Девочка побежала на звук в ванную и открыла дверь. Баба Маша сидела по пояс в воде и тряслась от холода. Ее лицо покраснело, а кожа потяжелела от влаги. Таня не знала, за что ей хвататься – за полотенца, чтобы прикрыть бабушкину наготу, или за ее большие руки, чтобы помочь выбраться из ванной.

– Не смотри на меня! Зачем смотришь? Мала еще смотреть! Дай полотенце!

– Прости, бабушка, прости! Давай нальем горячей воды! Ты же замерзла!

– Дура! Я не могу сдвинуться, чтобы слить воду! Третий час сижу! Где ты была? Я же сказала тебе, никуда не ходить!

– Прости, бабушка!

Как огромный кит, которому стало тесно в воде, бабушка сидела на дне собственного моря, выплывшая прожитое на берег. Жизнь приземлялась на пол беззвучно и растекалась по плитке. Заметив, что грудь бабки похожа на старые китовьи плавники, Таня отвернулась. Она принесла из шкафа самое большое полотенце, чтобы укрыть ее целиком. Баба

Маша вдруг разрыдалась, сплевывая слезы со слюнями в ванную, где они превращались в маленькие вспененные озера.

– А ты думала, что у бабки под халатом? Красота заветная?

– Бабушка, не плачь.

– А тут разхухры-мухры, троих детей родила. А вот – один уехал, у второго дела, третий – тебя вон поставил надо мной. Кому нужна бабка-то? Сидит тут враскоряку, как куча жирная, и ноет. Смотри, складок сколько. Кому я нужна такая?

– Мне нужна, бабушка, мне!

– Дура бабка у тебя, заперла внучку дома на все лето, дышать тебе не даю! А ты вон какая худенькая, солнца не видишь! Боюсь я, Таня, боюсь без тебя. Мне ведь и шагу одной ступить сложно, большая у тебя бабка. Видишь, нажила сколько, девать некуда. Сижу тут, как слон, а вылезти не могу.

– Ничего не слон.

– Да я слышала, как твои девки во дворе меня бегемотом зовут.

Таня помогла бабушке вылезти из ванной, усадила ее на диван, укрыла одеялом и принесла горячий чай.

– Где была-то?

– На море.

– Красиво?

– Лавки новые поставили.

– Как бы я тоже хотела на море!

– Давай сходим, я же тебя все лето зову!

– Э, нет. Море из берегов выйдет, да и стыдно мне, слонихе такой, людей пугать. Вот было бы море без людей, но они же везде, куда ни сунься! Катька сказала, даже на том пляже, где мы в юности купались, дикий котормый, народу много. Так что бегемоту место в своем болоте! Неси еще плед. Спать твою бабку будем укладывать.

Укладывать бабку долго не пришлось, она быстро захрапела под двумя одеялами. Таня вышла в коридор и взяла телефон.

– Пап, привет, да, ела. Подожди, потом расскажу. А ты же здесь на море все места знаешь? Ну надо. Ну скажи! А где здесь море без людей?

ШЁЛ ПО ГОРОДУ ТРАМВАЙ. ЛИТЕРАТУРНЫЙ...

Данила НОЗДРЯКОВ

Елена Домашевская начала вечер в трамвае, шедшим первым, с отрывка из романа «Площадь Диамант» Мерсе Родореда

В четвертый раз по вечернему Ульяновску проехал литературный трамвай. В городе прошла акция «ЛитераТур».

Все как у обычного трамвая. Пассажиры, остановки и даже билеты. Только на остановках вместо того чтобы расходиться по делам, люди слушают чтение стихов и прозы. И в вагоне не смолкает художественное слово. Да и сам трамвай едет по городу не в совсем привычное время, когда не то что общественного транспорта нет на улицах, а даже обычные машины встречаются редко.

Место сбора – у кольца на Северном Венце возле трамвайного парка. Вечерняя прохлада лета, и так не балующего жарой. Два новеньких трамвая, как смущающиеся именинники, старающиеся не привлекать к себе внимания, стоят на рельсах чуть поодаль в тени деревьев.

А на остановке тем временем уже собираются люди, будущие пассажиры трамваев. Вижу знакомые лица.

Однокурсница Люда Савинова пришла сюда с маленькой дочкой. Люда сама устраивала литературные пикники в Ульяновске, билет же на литературный трамвай ей подарили на день рождения. Через несколько минут её дочка будет читать стихи в трамвае, показав пример взрослым, не расправившимся со своим смущением.

Среди ульяновцев прогуливается высокий молодой человек с длинными вьющимися волосами. Узнаю его по ним, очкам и характерным усам. Это Андрей Хочевар, словенский поэт и редактор литературного журнала, первый участник литературной резиденции в Ульяновске.

Сегодня мне предстоит важная миссия. Гала Узрютова, поэт, прозаик, драматург и координатор проекта «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», организовавшего «ЛитераТур на трамвае», попросила меня, помимо своих текстов, почитать переводы стихов гостя города. Но перед этим, конечно, нужно с ним познакомиться.

– Хеллоу, Андрей, - начинаю разговор.

Словенский резидент оказался вполне добродушным и открытым собеседником, как и подобает южному славянину. Смогли, насколько хватало моего английского, поговорить о литературной жизни и на его родине, и на моей, и даже обсудить недавно прошедший в Ульяновске фестиваль толстых журналов.

Во время нашего разговора подошла Гала и сообщила словенскому поэту, что переводы его стихов буду читать я. Ба, о самом-то важном, для чего подходил знакомится, забыл сказать за беседой! Подбираем вместе с Андреем тексты, которые будем читать на пару: он – по-словенски, я – по-русски.

Пассажиры «Литературного трамвая» сами читали свои любимые стихотворения и отрывки из прозы

Игорь Улитин (вверху) и Антон Никитин (внизу) участвовали в импровизированном поэтическом баттле

Расставлена аппаратура, люди образовали полукруг. Играет живая музыка, следом слово предоставляется начальнику управления культуры и организации досуга населения администрации Елене Топорковой. Она открывает литературный вечер на рельсах. Елена Николаевна читала стихи Осипа Мандельштама, написанные им в 1909 году в Гейдельберге.

Немецкий Гейдельберг – это литературный город ЮНЕСКО. Наряду с ним во время «Литература» были представлены Утрехт (Нидерланды), Барселона (Испания), Мельбурн (Австралия), Ноттингем (Великобритания), Данедин (Новая Зеландия) и Кобург (Канада).

На часах – десятый час. И вот раздаётся приглашение занять места в трамваях. Берем с женой на карандаш трамвайные билетки у Даниила Намисника из арт-пространства Arca Freedom.

– Это чтобы можно было посетившие идеи записывать в пути, – объясняет Даниил.

А пока рассказываемся по трамваям, напомним, что Мандельштам был связан и с нашим городом. Не сам он, правда, а его жена, Надежда Яковлевна. «Товарищ черных дней», как называл ее поэт, намекая на то, что она разделила его судьбу арестанта и ссыльного. Надежда Мандельштам и в Ульяновске была в ссылке в начале 50-х годов прошлого века. Здесь она преподавала английский язык в пединституте, о чем даже полусловом упоминала в своих «Воспоминаниях».

Трамвай начинает свой путь. PR-директор компании DARS Елена Домашевская читает отрывок из романа «Площадь Диамант» каталонской писательницы Мерсе Родореда. Эта книга переведена более чем на тридцать языков и считается классикой каталонской литературы. Повествует она от имени молодой девушки Наталии о бурных событиях в истории Испании XX века, начиная от Гражданской войны и заканчивая второй половиной столетия. В книгах показаны тяжелые судьбы и страдания, облаченные в простую и непринужденную форму повествования.

А трамвай проезжает мимо другой многострадальной площади, но уже в Ульяновске, и делает остановку возле дома другого известного и велико-

го писателя. Ваш выход, Данила Сергеевич!

Под арками аллеи на улице Гончарова я читал совсем недавно на литературном фестивале «Пушкин в городе У». И вновь мне предстоит выступать на этой локации. Знаю, что отсутствие рифмы в моих стихах многим в Ульяновске ещё не привычно, но участникам литературного трамвая предстоит еще послушать верлибры Андрея Хочева.

Под бой часов завершаю свое чтение и передаю слово филологу Наталье Шацковой, которая читает стихотворение «Первый снег, последний глоток» Дэвида Ховарда из Данидина.

А в трамваях уже ждут. Все движение идет строго по графику, ведь хоть трамвай и литературный, но другие маршруты никто не отменял. Поэтому очень важно и начать, и закончить чтение вовремя.

Пока в трамвае читает художественный руководитель тетра театра-студии *Enfant-Terrible* Дмитрий Аксенов, незаметно на город опускаются сумерки. Ему досталось читать два стихотворения: «Лето на реке Уай» Криса Уоллес-Крэбба из Мельбурна и «Приношение» Панья Баньоко из Ноттингема.

Следующая остановка не отмечена на карте городского электротранспорта. Мы встаем напротив Центральной городской библиотеки, на перекрестке улиц Кирова и Карсунской. На улице уже совсем темно и приходится включать фонари, чтобы можно было видеть тексты.

И после небольшого расставания с публикой вновь иду к микрофону. Но теперь уже не читать свои стихи, а переводить гостя из Словении. Словенский язык очень мелодичный и красивый, что, кажется, будто это итальянская речь слилась со славянской. На письме многие слова похожи на русские, но со стороны об этом догадаться труднее.

Ну дай же мне руку,
не знаю, что и сказать, поэтому промолчу.
Не двигайся, не говори ничего.
Как же спасительна мысль
о том, что сегодня, пожалуй,
я уже никого не обижу.

(из стихотворения «Последний глоток пива», перевод Жанны Перковской)

Последние строчки глубоки не просто в философском плане, но и даже в обычном, житейском. Уверен, что эти слова многим западут в душу, а для кого-то могут стать даже жизненным кредо.

По дороге до следующей остановки, которая назначена у паровоза в Винновской роще, актриса Молодежного театра Евгения Тимченко читает стихи Стюарта Росса из Кобурга. Этот автор, узнав, что его произведения будут прочитаны в Ульяновске, записал обращение к слушателям.

«Невероятно странно, что мои стихотворения прозвучат в трамвае», – говорится в обращении. Стюарт Росс относится к сюрреалистическому направлению, и поэтому для него в чтении его произведений в трамвае, едущем по полупустым ночным улицам, наверное, есть действительно что-то сюрреалистическое.

Неким сюрреализмом было наполнено чтение моего коллеги по «Народной газете» Игоря Улитина.

В ожидании чтения Игоря Улитина на остановке «Винновская роща»

Вячеслав Савин просил не аплодировать ему, но слушатели не сдерживались

Проходило оно под звуки поездов, доносящихся с железной дороги. А сам Игорь, стоявший на дорожной обочине, был отделен от своих слушателей трамвайными рельсами. В отличие от других читающих на остановках, Игорь Улитин выбрал не поэзию, а прозу. Он прочитал рассказ «Вор» про одного сельчанина, который не умел воровать и из-за этого на него обрушилось множество бед.

И последняя часть маршрута – от Винновской рощи до «Современника». Телеведущий каналов «Россия 1» и «Россия 24» Антон Никитин читает поэму «Аватер» основоположника нидерландской модернистской поэзии Мартинуса Найхоффа. Уроженец Гааги представлял литературный город ЮНЕСКО Утрехт, в котором он учился в университете. Поэма долгая, и чтение продолжается, даже когда трамвай остановился.

А на площади перед «Современником» читает свои стихи ульяновский поэт Вячеслав Савин. Интересное наблюдение, но все ульяновские авторы оказываются... бородами.

– Я попрошу вас не хлопать после каждого стихотворения, это сбивает, – обращается к слушателям

Резидент из Словении Андрей Хочевар (справа) читает поэзию на словенском, Данила Ноздряков (слева) – переводы на русский

Никитина и вашего покорного слуги.

– У меня такое ощущение, будто я нахожусь в поэтическом салоне начала века. Если Игорь и Данила отвечают за Маяковского, то я беру на себя лирику и Есенина, – шутит Антон.

Он читает современные стихи современного поэта Дмитрия Ромащенко, известного под псевдонимом Эрнесто Заткнитесь. Он, конечно, не уроженец литературного города ЮНЕСКО, но открытый микрофон на то и открытый.

Кстати, уже осенью ульяновцев вновь приглашают в литературный тур. Только планируется, что он пройдет не в трамвае, а в троллейбусе.

Вячеслав.

Но аплодисменты не смолкают. Людям нравятся тексты, и они не могут иначе выражать свои чувства. К участникам поездки присоединяются и гуляющие возле кинотеатра в столь поздний час ульяновцы.

На обратном пути чтения в трамвае продолжаются. Теперь время открытого микрофона. Поначалу он превращается в поэтический баттл Игоря Улитина, Антона

Список произведений литературного тура в 2019 году

Крис Уоллес-Крэбб, Мельбурн — стихотворение «Лето на реке Уай» (перевод Валерия Фирсова)
 Мерсе Родореда, Барселона — отрывок из романа «Площадь Диамант» (перевод Валерия Фирсова)
 Мартинус Найхофф, Утрехт — поэма «Аватер» (перевод Ирины Михайловой и Алексея Пурина)
 Стюарт Росс, Кобург, Канада — стихотворения «3», «2,015 дискретных порций» (перевод Галы Узрютовой)
 Панья Баньоко, Ноттингем — стихотворение «Приношение» (перевод Валерия Фирсова)
 Осип Манделштам — стихотворения, написанные в Гейдельберге
 Андрей Хочевар, Любляна — подборка стихотворений
 Дэвид Ховард, Данидин — стихотворение «Первый снег, последний глоток» (перевод Галы Узрютовой)
 Вячеслав Савин, Ульяновск — подборка стихотворений
 Данила Ноздряков, Ульяновск — подборка стихотворений
 Игорь Улитин, Ульяновск — подборка стихотворений и прозы

Данила НОЗДРЯКОВ родился в 1986 году в Ульяновске. Окончил Ульяновский государственный университет. Работал преподавателем философии и истории, ныне журналист. Стихи публиковались на сайте «Полутона», в журналах «Транслит», «Симбирскъ», «Литература» и др. Участник литературных фестивалей. Победитель V Международного литературного конкурса «Верлибр» (2018) в номинациях «Поэзия» и «Проза». Автор сборников рассказов «Олень двугорбый» (2016) и «Люди с пониженным социальным отверствием» (2019).

ПЕРЕХОД

МИШИН КОСМОС

перешагни через мишу обратно
а то миша не вырастет
он идёт на золотую медаль
это понятно уже в пятом классе

после школы он станет космонавтом
академиком с большой скуфьей
гордостью бабушки
как и его мама

если он не вырастет
он никем не станет
жестяным барабаном гюнтера грасса
перешагни через мишу обратно
а то не получит золотую медаль
и не полетит в космос

это ты погрёшь под забором
тебе незачем расти
приехал посмотреть атлас мира
умного из себя строишь

на улице ждут отпечатков
твоих вонючих носков

НОВЫЙ ГОД ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ

чаепитие отменяется
строгий концерт с танцами
кружков дворца пионеров

делаем вид взрослой жизни
как и все взрослые
принесли три бутылки вина
хотели отметить день рождения
на чаепитии

игры на управление гневом
сценка сырая и скучная
строгий концерт с танцами
вместо вашего новогоднего представления

дашу уронили в колодец из стульев
рине чуть не сломали руку
санёк зажал кого-то в туалете
данила сидел как отшитый

были слёзы взрослой жизни
не первые уже в этом сезоне

ТЯНУЩИЕ ВОДУ

все малыши были лучиками
утренник в детском саду
посвященный международному
женскому дню

большая звезда мамы
светила мальчиками-лучиками
на пианино играла луна
в солнце залезла воспитательница
светила ярко
ивасюк татьяна геннадьевна

подарки раздадут после выходных
болевшим девочкам
каждой подобран индивидуальный набор

кроме паулины
она так часто болеет
что никто не сможет с точностью утверждать
ходит ли она в группу «солнышки»
или уже нет

* * *

я так ненавижу этого мальчика
его показали по телевизору
одного раза хватило
чтобы возненавидеть

его серый пиджак
в какой-то белой плесени
красную звездочку на щеке
как в упражнениях по русскому
– мама сказала это сосуды –
болезненное лицо лиды савельевой
банка с солёными огурцами

он обещал телезрителям
стать президентом
когда вырастет
бродя по снегу
возле автобусной остановки
в селе

разве он не знал
что президентом стану я
когда вырасту

его точняк бьют в школе
и поделом

Гриша, выходи

Гриша, выходи
Выходи гулять во двор

Гриша, я зову тебя
Уже третьи полчаса подряд
Снег растаял в ботинках
Гриша, мне холодно
Гриша, но я хочу гулять

Собака связала поводком мои ноги
Как история страны
Связала Геллера с Некричем
Гриша, я сейчас уже упаду
Как дом Ашерова или Чёрный ястреб
Стою тут и ору

Мне холодно, но под шапкой льётся пот
Там жарко, как в пламени Нотр-Дама
Это может стать причиной ОРВИ
А ты всё не выходишь, Гриша

Быстро погуляли бы и вернулись
К самым опасным источникам
Электромагнитных излучений

Сейчас никто не стоит под балконом
Когда можно узнать по телефону
Не набирая даже номер

Гриша, у меня нет телефона
У меня есть собака и друг Гриша
Который не выходит гулять

МОЛНИЯ

способность
перекладывать горящие окна
на стене чёрного дома
параллельного взгляду

шашки
нарды
домино
эти самые
пятнашки

долго сидел и смотрел
посылал сигналы
тут зажечься
там потухнуть
перемещению случится

способность ли
зажигать свет в голове
независимо от воли
хозяина головы

на перепутье

до определённого момента
галина спектор не могла определить свою
космологическую принадлежность

до тех пор пока в культовой постройке
на коровьем языке она не встретила
папирус среднего царства египта со словами

никто не приходил оттуда
рассказать что стало с ними

влажный коровий язык прикоснулся
к её лбу и оставил отметину на лбу

корова собиралась отелиться
была ласковой

но галина спектор больше ничего не говорила
что у неё стало подо лбом с печатью
как она стала определять свою
космологическую принадлежность

комсомолка галина спектор

маленькая крестовая отвёртка

заходил в магазин по дороге
на улице было светло
вышел из магазина
темно

никаких переходных этапов
как у шлоссера
подсветить просветительский идеал
весна
как в кино

в этот переход
чь-то вселенская любовь могла стать
коммунальной тоской
прилететь гости с планеты трафамальдор
в челябинск или череповец вологодской области
и треснуть яичная скорлупа
под воздействием маленькой крестовой отвёртки
без контрастов и полутеней

странные люди ходили
и ждали пришествия иоахима стиллера
странные события происходили
на площади, застроенной двумя торговыми
центрами и одной часовой с
детской площадкой
может быть

вытри с губ сметану
кто сказал, что это сметана

ГОЛОВИНО 1

это вы ещё в головино не были
там народ весёлый
один вчера всё советовал
криво ставите
не так делаете
второй уже не в состоянии был советовать
только улыбался
баба ещё выскочила
хотела что-то помочь
но упала
а ей там уже руками машут
пойдём у нас стол накрыт
и все дела
школьный туалет на дворе
семёнов лох
купол церковной обители
сбил самолёт
кубы дров
четыре сосны
может и больше

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литературной студии «Восьмёрка»

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

4 июля говорили в литстудии «Восьмерка» о переводной литературе, о трудностях перевода, об особенностях профессии переводчика. Часто упоминали Виктора Гольшева, поскольку он один из самых авторитетных из ныне живущих переводчиков, который переводил Оруэлла, Кизи, Фолкнера и многих других.

Понятно, что со 100-процентной точностью перевести художественную прозу и тем паче стихи с одного языка на другой нельзя, как нельзя перенести одну страну на территорию другой или населить одну страну жителями другой, потому что литература укоренена в географии, традициях, менталитете, языке, нации. Но это не значит, что перевод невозможен. Мы же читаем «Тома Сойера», «Парфюмера», «Над пропастью во ржи», «Сто лет одиночества» в блестящих переводах. Иначе нам пришлось бы учить все языки, на которых пишется зарубежная литература, что невозможно.

Переводчик – специфическая профессия, во многом подчиненная. Он должен быть человеком смиренным, идти за автором, за языком, не выпячивая свою личность, растворяться в авторе, как актер растворяется в своем персонаже, резонировать с ним. При этом роль эта не пассивна, потому что переводчик делает выбор чуть ли не в каждом предложении, а есть выбор очень существенный, как, например, когда Гольшев принимал решение о важных терминах в романе «1984» – «Большой Брат» или «Старший Брат», «двоемыслие», «мыслепреступление», «новояз» и т.д.

Трудности перевода начинаются там, где переводить надо литературу языка, в отличие от литературы сюжета. «Лолита» по-русски – это все-таки несколько другая «Лолита». Есть еще литература идей, и некоторые идеи ну никак не переносятся на другую национальную почву: например, «совесть» слишком русская вещь и в англосаксонском мире при переводе превращается в «вину». Классический пример – «закон» и «право», которые различаются в

русском языке и не отличаются в английском (law). Реалии, ткань жизни, растворенную в ткани языка, трудно бывает передать адекватно, без сносок, одним словом. Участница студии Любовь Чиликова привела пример из книги японской поэзии, которую принесла с собой. В одном из стихотворений говорится о шторе, которую колышет ветер. В переводе – «штора», а в оригинале употреблено слово, которое обозначает бамбуковую штору, которые использовали только в зажиточных домах. Значит, грустящая в стихотворении лирическая героиня – из богатой семьи, что по-другому поворачивает ситуацию, но в русском переводе это передать невозможно. Есть трудности перевода, которые непреодолимы подобно тому, как нельзя пересадить тысячелетнюю секвойю из Калифорнии куда-нибудь в Архангельскую область.

И все же перевод – это благородное и нужное дело, он настраивает диалог культур, делает возможным их взаимодействие. Вспоминаются первые телемосты между Россией и США, которые вели Познер и Донахью: тогда у двух народов появилась возможность лично познакомиться друг с другом. Или знаменитый фильм «Осенний марафон», где профессор Хансен постигал культуру страны через ее лексику («Я алкач?»), через намеренные неправильности прозы Достоевского. Переводчик – это гид в мире другого языка и литературы. Гиды бывают хорошие и плохие, совестливые и формалисты. И спрятать это невозможно: текст перевода говорит нам о том, насколько вовлечен переводчик в автора, увлечен им, насколько он пытлив и добросовестен.

КОНКУРСУ «ПЕРВАЯ РОСА» – 20 ЛЕТ!

Ольга Шейпак,
член Союза писателей
России, член жюри
конкурса «Первая роса»

Итоги молодежного литературного конкурса «Первая роса»

Конкурс «Первая роса» выявляет молодых талантливых литераторов. После подведения итогов в апреле этого года награждение победителей состоялось в Торжественном зале Дворца книги.

На конкурс поступило 120 заявок в разных возрастных группах и номинациях «Проза», «Поэзия» и «Иной жанр». Это была десятая по счету «Первая роса». А начиналось всё двадцать лет назад. За время существования конкурса его лауреатами и участниками стали более 3000 молодых людей.

Нынешняя юбилейная дата была отмечена с размахом: впервые победители конкурса получили денежные премии.

«Первая роса» не перестаёт радовать организаторов конкурса. Растет число талантливой пишущей молодежи, на литературной карте Ульяновской области появляются новые имена. Давно повзрослели и дополнили ряды членов Союза писателей России участники первых лет конкурса. Те, кто заявил о себе недавно, тоже выросли профессионально. Члены жюри «Первой росы» с волнением следят за успехами молодых писателей, чьи произведения нередко появляются на страницах журнала «Симбирск».

Из прозаиков давно на виду Ирина Келеш, Алина Осокина, Сергей Николаев, Игорь Улитин, Сергей Гурьянов, Дарья Ефремова, Елена Ибукова, Евгений и Кирилл Никишины, Алексей Поваров, Илья Разумовский, Антон Соколов, Дарья Самсонова, Владислав Сотников, Василий Тишин.

С каждым автором хотелось бы поработать отдельно: обсудить сюжет, покорпеть над языком, разобрать образы и детали, которые помогают раскрыть характеры героев.

Тридцать лет назад я отдала один из первых своих рассказов на рецензию ульяновскому писателю Льву Фомину. Он вернул мне рукопись, подчеркнув красными чернилами все личные местоимения и глагол «был». С той поры я очень внимательно перечитываю каждое предложение. У русского языка так много возможностей, такое богатство сказуемых – пользуйся, варьируй. Пусть речь льется, как река, как прекрасная легкокрылая песня. Для этого нужно очень внимательно отслеживать конструкцию предложений.

Нельзя забывать, насколько коварен наш язык. Каждая мысль должна быть выражена четко, понятно. Любая неясность раздражает читателя и отвращает его от всего произведения. Как поэт пере-

бирает сотню слов, прежде чем найти единственно нужное, так и прозаик обязан перетрясти «тысячи тонн словесной руды».

Очень внимательно нужно относиться и к композиции произведения. Иногда лучше поставить точку на шесть страниц раньше, чем мусолить тему, щеголяя интеллектом, и тогда короткий рассказ может приобрести вкус дорогого вина.

Не хватает опыта молодым авторам в создании портретов. Описания внешности героев (если они вообще есть) – это скорее «бантики на тракторах», а не портретные характеристики. Да и речь героев лишена индивидуальности и красочности. В числе немногих, кто владеет этим искусством, можно назвать Игоря Улитина, Антона Соколова, Евгения Никишина.

Много раз участвовала в «Первой росе» Ирина Келеш. Год от года креп её талант, опыт работы в школе тоже шёл на пользу. В этом году члены жюри искренне порадовались за неё: Ирина получила заслуженную награду. Близка к ней по баллам оказалась Алина Осокина. Проза этого автора цепляет за живое, заставляет думать, обращаться к собственной совести.

Особого внимание заслуживает проза Антона Соколова. Его «Жертвы» – зрелое произведение. Жёсткое, мужское, натуралистичное, зато честное. Его герои – живые, реалистичные, а правда войны – далеко не поддельная.

Есть уверенность, что ребята, заявившие о себе в конкурсе 2018–2019, не расстанутся с литературой и будут работать дальше. Выступая на церемониях награждения лауреатов «Первой росы», я часто повторяю: в литературу войдёт не тот, кто получит премию, а тот, кто намерен долго и упорно работать.

Ольга ШЕЙПАК

УРЮК ПЕРСИКОВОГО ДЕРЕВА

Я купил просторную квартиру в новостройке. Лысую бетонную коробку без санузла и с голым балконом. Чтобы отремонтировать ее, понадобились немалые вложения. Решил немного сэкономить и по совету друзей нанял парня, через посредника, из Средней Азии. Отдал ключи, привез материал. Через неделю приехал посмотреть квартиру, зашел на балкон и выругался от неожиданности. В самом углу лежала грязная синяя тряпка, а в ней копошились два птенца. Я окликнул работягу.

– Эй! Абдул!

Парнишка прибежал из соседней комнаты и улынулся.

– Абдрахмон я.

– Что? – не понял я. Для меня все, что говорил этот паренек, было тарабарщиной.

– Не Абдул – Аб-ду-рах-мон!

– А-а-а, – понял я. – Что это? Утки? – я указал на птенцов и брезгливо поморщился.

– Не-е-ет, – Абдурахмон отрицательно закачал головой. – Ворона! Ворона!

– Ворона? Это птенцы вороны? Слушай, убирай их отсюда!

Парень вдруг жалостливо поднес руку ко лбу.

– Можно, пока я здесь работаю, пусть они живут. Жалко, кошка съест.

– Ага, а если они вырастут, то сожрут кошку.

– Не-ет. – Абдул заулыбался, как ребенок.

Я махнул рукой и ушел с балкона. Прошел на кухню, а там прямо на полу была расстелена газета. На ней, словно на скатерти, лежали белый хлеб, сахар-песок, стояла банка с водой.

– Твое? Ты здесь ешь?

– Да.

Мне пришлось обойти газету, чтобы не перешагивать через накрытый завтрак.

– А спишь где?

Абдул указал мне на спальню, вернее, туда, где в скором времени должна быть комната отдыха. На бетонном полу лежало тонкое одеяло. Больше ничего. Я вышел из дома, сел в машину и позвонил посреднику Славке, который привел ко мне этого паренька.

– Слава, это я, Иван. Слушай, что это за спартаец у меня в квартире? Ты бы хоть матрац дал ему, почки отвалятся у твоего работяги.

– Что так за него переживаешь? Он у себя на родине в огороде спит, этот урюк еще здоровее тебя будет.

– Ну, так у него на родине плюс пятьдесят по Цельсию. А здесь август месяц и бетонные полы. Заболеет, что я с ним делать буду? Мне позарез в октябре заехать надо. Алька родит, а я ей обещал из роддома в новую квартиру привезти. Она каждый день крестиком на календаре чиркает.

– Я понял, Ваню. Не переживай, даже если у это-

го почки отвалятся, придет другой.

– Ну смотри.

Я изогнул шею и через лобовое стекло еще раз взглянул на свои окна. Потом вспомнил, что заканчивается время обеда, и поехал на работу.

В моем бизнесе был явный спад. Монополизация перевозок в такси сильно была по карману. Появился новый наглый конкурент в городе, и как бы я ни отбрыкивался, проблемы росли. Мало того, ко мне уже не раз подъезжали с предложением свернуть бизнес. Предлагали отступные. Но я надеялся выплыть. Купил пару КамАЗов, кран и начал потихоньку покрывать долги.

В диспетчерской такси «Молния» сидел мой партнер и друг детства Денис. Он заигрывал с молоденькой девочкой, принимавшей заказы. Я шлепнул его папкой по спине.

– Хватит совращать коллектив.

– Ага! – усмехнулся Диня. – Тебе можно, а мне нельзя?

Он намекал на Альку. Она пришла к нам работать три года назад. Хохотушка немислимая. Работала ночью, а утром училась в университете на факультете адаптивной физкультуры.

Мы контролировали работу таксистов круглосуточно. Отвечали за их безопасность, разбирались с теми, кто не желал платить. Не обижали водителей денежкой, и про нас быстро разнесся слух. С нами хотели работать многие. Мы умирали со смеху, когда Алька выходила в смену. Ночь пролетала, словно по щелчку пальцев. Потом неожиданно она перестала выходить на работу. Я узнал, что девушка устроилась в дом военных ветеранов и восстанавливала здоровье постаревших защитников Родины. Недолго думая, сел и поехал за ней. Мы поговорили, и я пригласил ее вечером на свидание. Через три месяца мы стали жить вместе. Когда УЗИ показало, что я скоро стану отцом, сыграли свадьбу. Теперь я не мог представить свою жизнь без нее.

Приближался срок родов, Алька ходила, смешно выставляя живот, мне хотелось тискать ее, как пухлого медвежонка, но она раздраженно ворчала и все чаще отдельно спала на диване. Только под утро неожиданно проскальзывала под мое одеяло и упиралась животом мне в спину.

Я сел за рабочий стол разбирать счета. Напрочь забыл про квартиру и Абдула. Через неделю Алька настояла, чтобы я отвез ее посмотреть, как продвигается ремонт. День выдался пасмурный.

Я заехал за ней и повез в другой район. Дом построили в экологически чистом месте, но в черте города. Он был только что сдан, и всего несколько хозяев взялись за ремонт. Даже лифт еще не был подключен. На парковке стоял один автомобиль. Рядом достраивалась детская площадка, через дорогу начали возводить ясли-сад.

Всю неделю шли сентябрьские осенние дожди. Алька накинула теплую куртку и вылезла из машины, кряхтя и хмурясь. Мы поднялись по лестнице и постучали в квартиру. Абдул открыл дверь и, увидев пузатую Альку, приложил руку к сердцу, слегка нагнув голову.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – Аля дружелюбно кивнула, стягивая куртку с плеч.

– Абдул, мы пришли посмотреть, как ремонт идет.

Паренек кивнул и пропустил нас вперед. Я был доволен. Стены идеально оштукатурены и выровнены, полы в спальне утеплены. В ванной комнате выложена плитка сложным узором, который так долго выбирала жена. Было видно, что Абдул работал день и ночь.

– Молодец! – похвалил я, и он зарделся, как ребенок. – Ночью тоже работаешь?

– Да. Скучно. Вот сделаю и домой поеду на зиму.

– А-а, ясно, – я кивнул и пошел за Алькой. Она в ступоре стояла на пороге кухни, где валялось то самое одеяло, а возле него табурет. На нем лежал бережно завернутый в целлофан кусок черного хлеба. Жена поманила меня ладонью и вопросительно подняла брови. Я снова обернулся к парню.

– Абдул, тебе Слава не привозил матрац?

– Нет, я не Абдул, я – Абдурахмон.

– Хорошо, Абдурахмон, ты так и спишь здесь, на этом одеяле?

– Да.

Я понял, почему Абдул работал по ночам. Спать было невозможно, он замерзал и, чтобы согреться, выполнял работу круглосуточно.

Я увидел, как Алька решительно вышла из квартиры и направилась к машине.

– Ты чего, Пусяня? – спросил я и в ответ получил затрепину по голове тяжелым кошельком.

– У тебя человек три недели живет хуже собаки на бетонном полу, а ты ходишь, хозяин жизни, и тычешь пальцем в кафель!

– Аль, честное слово, звонил Славке. Он обещал.

– Работороговец твой Славка! Ты видел, у этого мальчика ноги синие от холода? На нем шорты для пляжных прогулок, и, видимо, надеть больше нечего.

Я, честно, не заметил таких подробностей, но резко ответил на ее возмущение.

– У меня нет времени самому себе носки купить. Когда я приползаю домой, ты лежишь на диване, а в холодильнике я нахожу либо надкусанный торт, либо соленую рыбу. Я сам забыл, когда ел горячий суп.

– Ванька, я вешу, как слон! Ты думаешь, меня радует мое положение? Я сама ботинки не могу себе застегнуть.

Аля надулась, и я пожалел о том, что сказал. Чтобы как-то загладить свою вину, повез ее в кондитерскую. Там она выбрала себе черный шоколадный торт и, довольная, села обратно в машину. Мы договорились пообедать вместе. Я забежал в офис, а когда вернулся, жена заставила меня ехать за матрацем. Всего за пятнадцать минут моего отсутствия Аля позвонила подруге, та нашла объявление о продаже, и вот уже мы едем покупать Абдулу

место для сна. И смех и грех. Я остался без обеда, но матрац мы купили отличный. Жена торговалась до последнего, и я от души смеялся, поглядывая, как она, деловито выставляя живот, помогает мне запихивать его в машину. Вечером, когда я приехал уставший как пес, меня ждал горячий ужин. Мы насытились и приготовились ко сну, как вдруг Аля вскочила и потребовала, чтобы мы отвезли вещи, матрац и ужин Абдулу. Я категорически отказался ехать. Аля вспыхнула как электрическая лампочка и расплакалась.

– Человек там голодный, холодный работает, делает тебе ремонт, мучается, а потом какая в нашем доме будет аура? Как в фашистском лагере?

– Отличная будет аура, ничего с ней не станется! Завтра я с утра отвезу все, что ты приготовила.

– Нет, сегодня!

– Уже восемь вечера, когда мы вернемся, будет десять. Я спать хочу! Ей-богу! Ну вы даете: Абдул на балконе спасает птенцов паршивой вороны, а Алька спасает Абдула!

– Он выкормил птенцов вороны? – Аля была готова расплакаться от умиления. – Вот видишь, какая у него душа, а ты черствый, черствый человек!

– Угомонись! – я успокаивал себя, понимая, что это ее гормоны и всякая чушь, которую она плетет исключительно в связи с этим. Уснуть мне не удалось, потому что Аля тут же позвонила сестре Дениса и начала нарочито громко, в красках рассказывать, какое я чудовище.

Мы выехали с женой в половине девятого вечера. Она, довольная, целовала мне ухо, пока я психовал за рулем, и прижимала к груди кастрюлю с гуляшом, чтобы ужин не остыл. Абдул встретил нас удивленным взглядом и впустил в квартиру. Аля вытащила из спортивной сумки теплые мужские вещи и показала их парню.

– Это вам. Возьмите, пожалуйста.

Я внес в квартиру матрац, а когда жена вытащила кастрюлю с пахучим горячим гуляшом, глаза Абдула неожиданно покраснели. На секунду он отвернулся, потом горячо пожал мне руку, кивнул Альке. Мы поспешили уйти, словно нам стало стыдно за что-то. Всю дорогу до дома ехали молча. Когда вышли из машины, Аля уверенно, не терпя возражений, заявила.

– С завтрашнего дня я готовлю горячее, и кто-то из твоих таксистов, кто будет ехать по вызову в твою сторону, отвезет обед этому мальчику.

Я не стал возражать. Есть ситуации, когда необходимо смириться с неудобствами и поступить по-человечески. Так продолжалось две недели. Если я не мог отправить человека, то Аля, завербовав кого-нибудь из своих подруг, везла обед сама. Патронаж из красивых молодых девчонок очень смущал Абдула, но он покорился. Вскоре, когда электрик привел в порядок розетки, Аля привезла чайник и старую микроволновую печь. Теперь Абдул мог подогреть себе пищу и вскипятить чай. Подружки стали добавлять к горячему блюду свои кулинарные эксперименты, и наш работник заметно поправился, побелел лицом.

Ремонт шел полным ходом. Аля наконец-то выбрала обои для гостиной, и я повез их Абдулу поздним вечером. Работы оставалось немного, мы

торопились, Аля должна была вот-вот родить. Я позвонил Абдулу, предупредил о приезде и выехал в темень под противный осенний дождь. На парковке перед домом стояла чья-то машина. Я открыл капот, вытащил рулоны и только хотел закрыть машину, как с ног меня сбили тяжелым ударом по голове. Глаза тут же заволокло кровью. Ничего не видя, обернувшись, я попытался защититься, но меня ударили по колену с такой силой, что кость хрустнула. Град ударов посыпался на меня со всех сторон. Чувство неизбежного конца полоснуло в мозгу. Я понимал, что никто не придет ко мне на помощь, сопротивляться было поздно, слишком неожиданным оказался сильнейший удар по голове. Чувство смерти. Аля, мама, что будет с ними? Я уже ничего не понимал и терял сознание, как вдруг услышал жуткий вопль. Мутным взглядом увидел перед собой Абдула. Он разбил о стену стеклянную бутылку и быстро направился на моих обидчиков. Они загоготали, видя, с каким оружием пошел на них Абдул.

– Эй, урюк, ты не Брюс Ли! Вали, пока тебе башку не проломили!

– Кто?! Кто первый?! – бешено крикнул Абдул, напористо размахивая острыми осколками разбитой бутылки. – Двоих я смогу забрать с собой к Аллаху!

От таких слов пыл нападающих заметно утих. Один из них пнул меня по ребрам и сказал: «Хватит с него!» Они тут же сели в машину и уехали. Абдул пригнулся ко мне, пытаюсь поднять. Я застонал, ослепленный болью, и потерял сознание. Что было потом, помню урывками. Как гнал машину Абдул, повторяя: «Терпи, брат, терпи». И я терпел. Потом понял, что кто-то надевает мне маску на лицо, яркий свет ламп. Я хотел спросить, что со мной, но провалился в какую-то странную воронку, всю в бензиновых разводах, фиолетово-желтую, оранжево-зеленую.

В больнице я провалялся больше трех месяцев. Хорошо, что жив остался. Так мстили мне мои конкуренты, которых потом нашли и наказали наши ребята. Но я пропустил рождение сына. Из родильного дома Альку забирал Денис, который потом стал крестным отцом моему Сашке. В квартиру так и не заехали, пропал и Абдул. Когда я очнулся, все рассказал жене и попросил связаться со Славкой. Передал через него деньги моему спасителю и был уверен, что Абдул давно уехал на родину.

В феврале, опираясь на трость, я вышел из офиса. В машине меня ждал Денис, мы выехали за город. Квартиру я продал и решил приобрести просторный коттедж. Сделка была удачной, моим соседом был Денис, он давно расхваливал местность и природу этого района. Мы захватили с собой риэлтора и помчались по заснеженной дороге. Я еле выбрался из машины, нога еще плохо поддавалась. Денис помог мне встать, и мы направились к кованым воротам кирпичного коттеджа. Девушка-риэлтор нажала на кнопку звонка и улыбнулась.

– Сейчас нам откроет сторож. Хозяева на отдыхе в Испании.

Дверь отворилась, я зашел последним. Но не просторный двор удивил меня и не пара безвкусных бронзовых львов у лестницы. Меня смутил молодой человек в черной надвинутой на глаза шапке.

На нем была моя старая куртка из замши, отданная Алькой Абдулу на той злополучной квартире.

– Абдул?! – не выдержав, воскликнул я. Трость дернулась на льду. Я едва не упал на дорожке.

– Абдурахмон я, – с добродушной улыбкой поправил меня мой спаситель, и я обнял его, как брата.

Мы с ним нетерпеливо ходили по этажам и осматривали комнаты. Денис спустился в подвал и внимательно разглядывал отопительную систему, но мне уже было все равно. Как только риэлтор закончила экскурс, я схватил Абдурахмона за плечи.

– Я думал, ты уехал к себе на родину. У меня и мысли не было, что ты здесь.

– Я не смог уехать.

– Почему? – настороженно спросил я, видя, как парень нахмурил брови от смущения.

– Ну, мне же не отдали деньги за ремонт. Я не обижаюсь, ты же болел.

У меня скулы свело от злости. Я приказал себе успокоиться и набрал Славкин номер. Его тягучий наглый голос окончательно выбил меня из колеи.

– Ты зачем парня без денег оставил? – без обиняков начал я разговор с этим вором. – Ты понимаешь, нелюдь, я жизнью ему обязан, а ты тащишь то, что не тебе положено!

– Ваню, успокойся! Я не понял, о чем ты говоришь? Ты из-за того урюка, что на твоей квартире жил?

– Какой я тебе, Ваню, крыса? Я для тебя Иван Евгеньевич! Сейчас брат скинет тебе номер счета. Если в течение часа на него не упадет все, что ты сожрал, то через два часа начнешь отрабатывать.

Я выключил телефон и кивнул Денису. Тот отошел в сторонку, а напуганная девушка поспешила выйти из коттеджа.

– Сожалею, – виновато ответил я на ее взгляд, – хорошего человека обидели.

Я похлопал Абдурахмона по плечу и вышел за ворота.

– Вы купите дом? – спросил он, выходя за нами.

– Не знаю. Подумаю. Я приеду завтра, деньги привезу. Домой поедешь, брат.

Абдурахмон широко улыбнулся, обнажив белые зубы. Денис усадил девушку в машину, и мы поехали обратно в город. По дороге пришло оповещение о поступлении денег на счет. Денис показал мне сумму и усмехнулся. Она была больше, чем мы отдавали.

На следующий день я купил Абдурахмону билет на самолет. Отдал деньги, и теперь оставалось дожидаться хозяев, которые должны вернуться с отдыха.

Во дворе у своего друга Абдурахмон освежевал барана и по мусульманской традиции раздал треть нуждающимся, часть отнес в мечеть, а из оставшегося мяса готовил на костре плов. Я курил и смотрел поверх сигареты, как Денис с интересом наблюдает за ловкой работой Абдурахмона.

– Ты и корову можешь вот так вот, на раз-два и готово?

– Да, – кивнул парень и продолжал топором рубить ребра барана.

– Обалдеть! – Денис обернулся и посмотрел на меня. Я утвердительно кивнул. – Откуда научился?

– Дома стадо. Отец научил.

– А-а-а. Ну, отцу деньги отдашь, мать увидишь, и что будешь делать, останешься там?

– Жениться надо.

– Ну, это нужное дело, – Денис улыбнулся и хлопнул Абдурахмона по плечу. – Есть девушка?

– Нет. Но я приеду, мама и родственники найдут.

– Повезло, мне бы кто нашел...

– Не проблема, – Абдурахмон выпрямился и вытер кровь на руках. – Найду, если надо. Скромную найду.

Денис весело расхохотался.

– Я как-нибудь сам.

В этот момент за воротами просигналила машина. Я поднялся, опершись на трость, встретил друзей. Мы сидели всю ночь. Алька, негодуя, звонила раз сто. Чтобы по возвращении меня не ждал дома скандал, тихо включил телефон и дал ей понять, что за столом одни мужчины. Потом вовсе вышел из сети и до рассвета вырубил связь.

Озябнув под утро, я накинул на плечи куртку и вышел во двор. Закурил, медленно вдыхая свежий морозный воздух. Неожиданно услышав за спиной шорох, я резко развернулся. Абдурахмон, широко зевнув, вышел вслед за мной.

– Чего не спится?

– Думал... домой хочу, соскучился по маме.

– Я звонил хозяину коттеджа, через два дня приедут. Немного осталось. Ты мне вот что скажи: вернуться хочешь сюда?

– Нет. Здесь тяжело, люди разные. Есть очень нехорошие люди.

– Да, люди здесь всякие, но жизнь такая. Если хочешь вернуться, я смогу тебе помочь. Мне нужны преданные люди, те, которые не обманут, понимаешь?

– Понимаю.

– Вот и хорошо. Я слово даю, не обижу. Решим вопрос с документами. Золотых гор не обещаю, но будешь здесь жить достойно. Подумай.

– Подумаю.

Я затушил сигарету. Мы вернулись в дом, пропитанный запахом еды, спирта и табачного дыма. Накрывшись овечьей дубленкой и закрыв глаза, я быстро уснул.

Через три дня Денис отвез Абдурахмона в аэропорт и подождал, убедившись, что тот беспрепятственно сядет на борт. Я позвонил ему перед от-

летом пожелать удачи. На этом наша с ним связь оборвалась. Номер его телефона больше не отвечал.

Неожиданно в декабре мне пришло сообщение. Я открыл его и улыбнулся. На фото стоял Абдурахмон, держа под руку невесту. С секунду подумав, я уже звонил ему и услышал голос, едва помнивший русские слова.

– Я вижу, тебя можно поздравить с женитьбой?

Абдурахмон рассмеялся и протяжно заговорил.

– Да. Как вы сами? Как ваша семья, сын?

– Спасибо, все хорошо. А ты намерен вернуться? Мое предложение в силе.

Абдурахмон замаялся, но потом выпалил: – Нет. Я хочу жить здесь. Здесь моя Родина, мой дом, жена.

– Ясно, – в душе я сожалел о его решении, но виду не подал. Мы распрощались, договорившись, что снова созвонимся. Но, как часто бывает, жизнь каждого из нас закрутила в своей воронке, и многое забылось.

Сегодня, через три года, я вдруг снова вспомнил про этого смешного простодушного паренька, который спас мне жизнь, держа в руках кусок бутылки. На столе передо мной стояла чашка с урюком. Я бросил в пиалу с чаем несколько штук и, выйдя из летней беседки, прошел по дорожке мимо бронзовых львов.

– Аля! Ну черт возьми! Я же сказал: нужно убрать это готическое убожество со двора! Где телефон рабочих, которых я нанял?

– Вань, мне не до львов, я варенье закрываю!

Я прошел на жаркую кухню, где раскрасневшаяся Алька трудилась, закручивая клубничное варенье. Моя мама хлопотала у раковины, вытирая руки о передник. Меня выгнали из святая святых, и я с бульдогом Шкипером пошел искать сына по дому. Мой Сашка сидел на ковре в гостиной и строил из конструктора военную базу. Я лег рядом, слушая его игровые реплики, и задремал. Мне снились сады цветущих персиковых деревьев неопикуемой красоты. Я спускался вниз по этой райской долине, вдыхая умопомрачительный аромат. Но мой здравый ум, прорываясь через дрему, удивленно осознал, что в реальной жизни я никогда не видел цветение персиковых деревьев. И тем волшебнее было для меня это путешествие в теплую страну, где на дне моей пиалы с чаем лежал душистый урюк.

ЗАВЕЩАНИЕ ВИКТОРА ЦОЯ

Как-то раз среди книг на православной ярмарке на глаза мне попала брошюра с текстами Виктора Цоя. Я всегда с уважением относился к творчеству этого музыканта и группы «Кино», но наличие его текстов среди православной литературы вызвало у меня немалое удивление. Другое дело, Игорь Тальков (брошюра с текстами его песен лежала рядом и была, кажется, из той же серии), но как Цой-то попал сюда? Я спросил об этом продавца. Женщина, явно не ожидавшая подобного вопроса, смутившись, пожала плечами: «Но у него же были православные тексты». Я кивнул головой, но ничего подобного вспомнить не мог. Хотя мне и раньше казалось, что в песнях группы «Кино» есть «что-то такое», но проверить эти ощущения я так и не удосужился.

Некоторое время спустя я все-таки начал более подробно анализировать тексты Виктора Робертовича. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что песен, в которых бы пелось о Боге или о вере у него практически нет! Бог упоминается разве что в песне «Атаман», которая увидела свет в студийном варианте уже спустя 22 года после гибели Виктора Цоя: «Бог терпел и нам велел, потерпи». Затем мне вспомнилась песня «Война», где была строчка «между землей и небом – война». Ну да, пожалуй, это о конфликте земных страстей и небесной благодати. Еще вспомнилась фраза из песни «Спокойная ночь»: «небесный пастух пасет облака». Можно, конечно, подумать, что речь идет о месяце. Однако если мы внимательнее присмотримся к общему контексту песни, скорее всего, вариант с месяцем мы все-таки отвергнем (пастух упоминался и в других песнях Цоя). Дальше – больше: «мама, мы все тяжело больны, мама, я знаю, мы все сошли с ума» (мысль о греховности человека) из одноименной песни, «в наших глазах – потерянный рай» («В наших глазах»), «я скажу одно лишь слово – верь» («Стук»).

И вроде бы всё как-то так вскользь, всё так ненавязчиво и ненавязчиво, но вспомним, каким образом рок-музыкант писал свои песни. Виктор Цой – минималист, его песни просты и в то же время понятны любому слушателю, будь то «зеленый» студент или профессор с несколькими учеными степенями. Но простота эта доставалась с большим трудом. Цой выверял каждое слово, он сознательно «вытачивал фразы», как когда-то он вытачивал фигурки нэцкэ из дерева. Игорь Тихомиров, игравший в «Кино» так писал по этому поводу: «Прежде чем представить новую вещь, Витька долго над ней работал, проигрывал сто раз на гитаре. К каждой своей песне он относился очень ответственно...». Человек, долгое время интересовавшийся восточными единоборствами, восточной культурой и философией, где мысль кратка, красива и лаконична, не мог бы обращаться со словом иначе, правда, придавал ему глубину, свойственную для российских широт. Да и вспомним немногословность Виктора, о которой едва ли не ходили анекдоты. Цой перебирал слова до тех пор, пока не получалось что-то законченное,

глубокомысленное и поражающее своей точностью. Его наблюдательность была отмечена сразу же после написания одной из первых песен «Мои друзья идут по жизни маршем», где он зарифмовал буквально все, что происходило тогда с ним самим и с его кругом близких людей, да так, что друзья музыканта были просто поражены стопроцентным попаданием.

Почему же все-таки философия Цоя ближе к православию, нежели к дзену? Возможно, музыкант сам дает ответ на этот вопрос в первой главе своего прозаического произведения «Романс»: «Однако идея отказа от соблазнов и удовольствий, рекомендуемая Востоком, не находила в нем (главном герое – прим. ред.) отклика потому, что была как-то невыносимо скучна и проста. Ему вообще казалось весьма нелепым тратить всю жизнь на то, чтобы привести себя в состояние полного безразличия к ней. Напротив, он был уверен, что в удовольствиях отказывать себе не следует и что заложенная в нем духовная программа сама разберется, что хорошо, что плохо, а что нормально».

Всё это говорит о том, что в текстах Цоя не могло быть случайных, «дежурных» фраз, всё имело значение, всё стояло ровно на своем месте и так, как оно и должно быть. Лидер группы «Кино» не декларировал православие, как сделают это позже некоторые известные рок-музыканты – Константин Кинчев или Вячеслав Бутусов, но в то же время он давал понять, что ему это было не чуждо. Сложно сказать, что он шел сознательно по этому пути, скорее нет, просто в текстах отражался его духовный поиск, а поиск этот имел место быть, и тому есть доказательства.

В архиве Наталии Разлоговой сохранился следующий текст:

«Эй! Если ты есть, ответь со своей высоты,
Посмотри, что сделал своим
подставленьем щеки.

Ты медлишь с ответом, но нет времени ждать.

Если я в мире гость, то хозяин не ты».

Казалось бы, текст человека, который пытается спорить с Богом или отрицать Его значимость. Но обратим внимание на предположительную дату написания: 1987 год. Это ровно за год до выхода альбома «Группа крови», который вместил в себя большое количество песен, в которых можно усмотреть философию, близкую к философии православного человека. Переломный альбом. Кстати, на этом же альбоме появилась песня «Легенда», строчки из которой многие помнят: «Смерть стоит того, чтобы жить, а любовь стоит того, чтобы ждать». Фанаты группы предположили, что обозначенное выше четверостишие было как раз вариантом или черновиком песни «Легенда». Правда, так не думают сами участники группы «Кино», они считают, что это вполне самостоятельный текст, некое обращение к таинственному творцу. Но так или иначе, фрагмент, где лирический герой довольно в резкой форме задает вопросы Создателю, так и не появился ни в од-

ной из песен, более того, похожей сюжетной линии даже нигде не наблюдается. Конечно, сегодня мы можем только догадываться, но, вероятнее всего, как раз в это время Виктор Цой возможно впервые так серьезно озадачился вопросами веры, в его сознании произошла трансформация скепсиса в твердое убеждение. Видимо, он все-таки нашел для себя ответ на вопрос, что Он «сделал своим подставленным щеки», и уже больше не возвращался к нему. Кстати, вопрос о подставлении щеки является одним из наиболее часто задаваемых неопитами. Поэтому вполне закономерно, что этим же вопросом задался и популярный рок-музыкант.

Был ли Цой крещен? Один из самых развернутых ответов на этот вопрос мы можем найти в книге Александра Житинского «Цой FOREVER»: «Скорее всего, Цой даже не был крещен. На этот вопрос его мать ответила: «Я думаю, что нет. Родители и я крещеные. Мать была очень верующая, на Пасху всегда ходила в церковь. Вместе с папой они хотели Витю окрестить. Но я была тогда очень против. Он же вроде как кореец. Они мне говорили: «Мы Витю окрестим, а ты и не узнаешь». Но я думаю, что не окрестили. Они бы проговорились. Мама была еще жива, когда Вите двадцать лет уже было» (телефонный разговор Москва – Санкт-Петербург, записано в конце 2006 года). Виктор Цой точно не крестился в сознательном возрасте. По воспоминаниям жены Марьяны Цой: «Виктор крещен не был и в церковь никогда не ходил, но я думаю, что в душе у него был свой Бог. Против крещения Саши он ничего не имел, только сказал: «Ну смотри»» (Минск, 1991). Наталья Разлогова, с которой Цой провел последние три года жизни, в том числе последние дни и часы, также опровергла слухи о крещении Цоя перед смертью».

Каково же было отношение известного рок-музыканта к Богу и религии на самом деле, высказывался ли он когда-нибудь об этом? Из известных на сегодняшний день интервью можно обнаружить два интересных фрагмента.

– Есть ли у вас потребность верить в нечто мифическое: например, в Бога?

– Нет, пожалуй, нет. Но назвать себя воинствующим атеистом тоже не могу. Так как-то...

Одесса, 15 мая 1990.

Такой маленький отрывок из интервью на самом деле открывает нам много интересного: и лукавство журналиста, выросшего и освоившего профессию в богоборческое время, безапелляционно называющего Бога «чем-то мифическим», и типичную манеру Цоя отвечать односложными фразами, лишёнными какой-либо эмоциональной окраски. Но самое главное, мы видим, что музыкант не отрицает существование Творца, он не причисляет себя к воинствующим атеистам, и хотя бы в этом мы видим рок-протест с его стороны. Правда, и в стране отношение к религии уже становится более терпимым.

– Как вы относитесь к Богу?

– Как к Богу и отношусь. Это не кумир и не повальный целитель. Это Бог, и к нему неуместно применять обычные наши эмоции.

Архангельск, июнь 1990.

Вот это да! Всего лишь месяц спустя мы слы-

шим от музыканта слова совершенно иного толка. Теперь вполне становится очевидным, что Виктор Цой не только не отрицает существование Бога, но верит в Него. Кроме того, мы видим, что Цой с большой долей вероятности еще и интересовался этой темой, старался вникать во все, иначе как объяснить его слова о том, что Бог не «кумир и не повальный целитель». Ни в том, ни в другом случае уже не встает вопрос о подставлении щеки, не звучит упрек, что «Он здесь не хозяин», напротив, Виктор Цой предстает перед нами как человек, открыто заявляющий о своей вере. Трудно сказать, что послужило толчком для такого переосмысления, скорее всего, свою роль сыграла природная наблюдательность Цоя и его пытливость ума. Вот только начиная с 1988 года, с альбома «Группа крови», тексты группы «Кино» приобретают совершенно иную окраску, лирический герой песен взрослеет, он задается более серьезными вопросами, это уже не тот «бездельник», которого мы знали по ранним песням Виктора. Эта линия сохранится на протяжении всех последующих альбомов группы.

Однако вернемся к православной составляющей в песнях Виктора Цоя. Очень интересный комментарий по этому поводу на сайте «Православие и мир» дал протоиерей Дмитрий Климов: «Христианство говорит о главном, и песни Цоя тоже о главном. Христианство в них явно не манифестируется, не демонстрируется, но поиск смысла жизни, а значит и поиск Бога, там точно присутствует». По мнению священника, христианство нужно искать между строк, «если мы будем считать, что христианство замкнуто только в церковных рамках и о нем надо вспоминать только в церкви – оно никогда не станет частью нашей жизни».

Правда, в то же время необходимо постараться избежать другой крайности – придания текстам Цоя излишне сакрального значения. Так на форумах, посвященных творчеству группы «Кино», обсуждается предположение, что в песне «Апрель» был зашифрован жизненный путь Христа: «Откроются двери домов (откроются сердца Богу). На теле ран (Христа) не счесть. И умрет Апрель (Христос), и родится вновь (Воскреснет), и придет навсегда (мы живем со Христом)». Вот что пишет по этому поводу Виталий Калгин в книге «Виктор Цой и его «Кино»: «Многие фанаты, особенно из нового поколения, появившегося уже после гибели Цоя, истолковывают «Апрель» как некое христианское откровение, пришедшее внезапно к их кумиру. По сути, эти фанаты образуют что-то вроде новой секты со своими проповедниками и адептами. С одной стороны, это безобидное явление: увлеченные музыкой люди просто интерпретируют образы так, как им хочется. Но с другой – они пытаются донести свою проповедь до остальных, не сомневаясь в ее истинности. Сам Цой вряд ли придавал тексту такое значение и вкладывал именно этот смысл».

Вряд ли теперь кто-то сможет сказать наверняка, что же имел в виду лидер группы «Кино» на самом деле, но иногда такой поиск сокрытой истины становится едва ли не анекдотичным. Строчка из песни «Пачка сигарет» на одном из интернет-сайтов рассматривалась в христианском контексте буквально следующим образом: «Если есть в карма-

не пачка сигарет (настоящий христианин довольствуется тем минимумом, что имеет)». Конечно, это уже крайности, которые не могут вызвать ничего, кроме доброй улыбки. Если кто-то хочет почитать серьезное исследование текстов поэта и музыканта Виктора Цоя, я бы посоветовал обратиться к статье Марии Журиной в журнале «Фома» – «Дети минут», или письмо священнику о культуре».

Как же мог Виктор Цой, не будучи крещеным, писать тексты, в которых православный взгляд на жизнь читается между строк? Тут необходимо вспомнить, что «Дух дышит, где Он хочет (Ин. 3:8)». Цой мог и сам не осознавать в полной мере, какие сокрытые смыслы имеются в его песнях, поскольку

даже для самого автора иной раз бывает сложно ответить, почему появилась именно эта строчка или откуда вдруг на него снизошло вдохновение. Протоиерей Дмитрий Климов отмечает, что, несмотря на то что Виктор Цой не был крещеным, молиться за него «очень даже можно и нужно», это будет наилучшим способом выражения благодарности за его творческую деятельность.

Советский и российский культуролог, деятель русского рока Александр Липницкий отметил: «Когда художник уходит, он всегда оставляет завещание. У Виктора Цоя – это его песни».

Остается лишь добавить, что наследство нам досталось весьма и весьма богатое. Духовно.

Лауреаты и дипломанты конкурса «Первая роса–2019»

Лауреаты

ПОЭЗИЯ

Матлина Анисия Михайловна

ПРОЗА

Келеш Ирина Геннадьевна

ИНОЙ ЖАНР

Николаев Сергей Николаевич

Дипломанты

ПОЭЗИЯ

Бухарин Александр Викторович
Бодунов Евгений Валерьевич
Ванюков Владислав Федорович
Ибукова Елена Александровна
Красильников Никита Валерьевич
Кряжева Аксана Васильевна
Савин Вячеслав Андреевич

ПРОЗА

Осокина Алина Андреевна
Соколов Антон Игоревич
Поваров Алексей Валериевич
Сотников Владислав Евгеньевич
Тишин Василий Владимирович
Улитин Игорь Владимирович
Ибукова Елена Александровна
Шестаков Илья Николаевич

ИНОЙ ЖАНР

Миронова Анастасия Александровна

Организатором и вдохновителем конкурса (в 1999 году) был ульяновский журналист Андрей Безденежных (1967 – 2007). Позже идею поддержало Ульяновское отделение Союза писателей России.

Лариса Михайловна Безденежных – мама Андрея Безденежных – много сил отдает молодым литераторам, опекает участников конкурса «Первая роса».

Существует литературный клуб «Первая роса». Подробности на сайте pervayarosa.com

КЛЮЧЕВАЯ ПЕСНЯ

Стихи участников конкурса «Первая роса»

Никита КРАСИЛЬНИКОВ

ПЛАСТОВСКАЯ ОСЕНЬ

Играет золотистый пламень гривы
У беспокойного сентябрьского льва –
Его пьянящие осенние мотивы
Чаруют многоцветием ковра,
Что расстелили великаны-кроны,
К подножию своих могучих лап
Хрустящих листьев бросят миллионы,
Пред тем как сна придет для них этап –
И в это время радостный глашатай
Царицы Осени озвучит манифест:
– Пусть всяк, кто даром творчества богатый,
Прибудет ко двору! –
Из разных мест
Художников могучая плеяда
Вновь соберётся под знамёна муз
И, закрепляя красками союз,
Одарит мир полотнами богато!

СЪЕДОБНЫЙ СТИХ

На кухне неба торопливо
Готовят утренний восход:
Янтарно-желтоватый мед
Окутывает леса сливу,

Стекает пеною туман,
Сбежав из кружки горизонта –
Горит и пляшет солнца чан
Под взглядом чуткого архонта.

От сладкобоких облаков
Стекают белой карамелью
Полоски светлых рукавов,
Все разукрашенные гжелью.

Анисия МАТЛИНА

ОГОНЬКИ

По тропиночке,
Без огляточки,
Хороваются огоньки.
Кто со мной там играет в пряточки?
Чья маячит тень у реки?
Да мне мерещится!
Да мне все кажется!
То ль позади меня,
То ль впереди –
Тень твоя за мной повсюду тащится,
Да куда бы я ни пойди!
Не к добру они разыгрались,
Рассверкались у реки.
Так и тянут вглубь, отражаются
От воды в глазах огоньки.
Но не чиста вода,
И не свят тот свет,
Что так тянет вниз за собой.

Там скрываются лихие омуты,
Пахнет черною беленой.

Вдруг опомнюсь я,
Да разойдет туман,
Резко встану – прочь – от реки
По тропиночке...
Без огляточки...
Рассыпаются огоньки...

ЗЕРКАЛО

Зияет пустота холодных черных глаз.
Едва различен звук, не чувствуется цвет,
и твой огонь погас... но из последних сил,
Решившись в путь идти –
иди же до конца, не думая свернуть.
К победе путь тернист, дорога далека,
она полна чудес, что в омуты манят.
А ты их не бери – обманны зеркала,
они искажены;

ты помни об одном и тихо повторяй:
Любовь жива внутри, она же даст мне свет –
Огонь зажжется вновь и воскресит меня.
Разбиты зеркала. Над миром ты паришь:
крыло твоё – огонь,
в груди – горящий свет,
искрятся вместо глаз – две острые звезды.
Смотри!
Себя узнай!
Вся эта Сила – Ты.

Ксения ЛЫСЕНКОВА

* * *

стань для меня картиной, что покоится в лувре,
столько же недоступной, сколько и нужной мне.
может, тогда все чувства, болью, как перламутром,
скроет, а после выжжет, будто их вовсе нет.

стань для меня цветами, что умирают быстро
где-то на тьме гранита, рядом с землей могил.
я за всё это время стал ведь специалистом
в том, как страдать по другу, что тебя не любил.

стань для меня поэмой, самой на слух отвратной,
чтобы твои ладони были противней луж.
будь же ужасной стервой, вычеркни чувство такта,
рядом со мной будь грубой, будто тебе я чужд.

стань для меня вселенной, чтоб без я тебя умер,
после уйди навеки, чтобы я встретил смерть.
видишь, какой я слабый, видишь, какой я дурень,
только вот и умею, что по ночам реветь.

исповедь слишком лжива, ты мне намного больше,
чем ключевая песня, что всё звучит в душе.
пусть запевают птицы в самых красивых рощах,
пусть мир цветёт, как роза,

мне не похорошеть.

Яна ЩАПОВА

* * *

Нам нужно жить по-прежнему,
Нам нужно быть вчерашними...
И дни не будут грешными,
И дни не будут страшными.
И снова слезы на глазах.
Чего-то снова не хватает...
Как будто смысл в тех слезах,
Что небеса на нас роняют...

* * *

Река – мельница,
Чердак – лестница,
Жизнь – сложности
И возможности.
Дерево – листок,
Водопад – поток,
Свет – солнышко,
Чаша – доньшко.
Сон – беспечность,
Любовь – вечность.

Владислав ВАНЮКОВ

* * *

В воздухе витает вдохновение.
Нужно уловить лишь эту нить,
Ощутить душою откровение,
Дверь в тайник сознания открыть.

* * *

Пострижены в сосновом парке травы,
Где рыжий кот гоняет голубей.
Нехитрые кошачьи забавы
Улыбку вызывают у людей.

И видео заполняют сети
Всемирной паутины. А пока
В сосновом парке вновь резвятся дети,
И за строкой опять бежит строка.

Дмитрий МАНЦУРОВ

«НУЛЕВЫМ»

Одинаково всё, на грани.
Поколение «нулевых»
Резким слогом старое травит,
Наготу свою не прикрыв.

Неумелые рваные слоги,
Чтоб немного украсить стекло,
Застревают в начале дороги,
Не придумав в конце ничего.

Рифм убитых лежит в канаве
Столько – сложно теперь зарыть,
Всё не важно, так тянет к славе,
Что о них можно забыть.

Этим строкам обидится каждый,
Кто в упряжке первых собак

Себя числит гением дважды
Среди прочих серых бродяг.

Я хотел бы увидеть звезду
(Нет, их много не может родиться!),
Ту звезду, за которой пойдут,
И захочется ей открыться.

АПРЕЛЬ

Сегодня я немного не в себе,
Сегодня за окном рябит и вяжет.
Апрель опять мне шепотом расскажет
О чьей-то незадачливой судьбе,
О чьей-то мелочной утрате.

О том, как тянет по земле
Сквозь прошлогодний мусор руки,
Скребет, ручьями рвется в муке
И все рассказывает мне,
Что кто-то жизнь свою протратил.

Садится рядом. Вот опять
Меня то в жар, то в холод бросит
И что-то жалобно все просит,
Он не дает себя прогнать
И не отходит от кровати.

Эдгар КОБЕЛЕВ

акростихи

ТАНЕЦ ТАЛАНТА

Душою невинна
И в мыслях чиста
Апрельская дева.
На тверди холста

Арпеджио красок
Ярчайшим узором
Финальным струится
Аккордом. И снова

Рассвет замирает,
Огни гаснут в ночь,
Восходит к престолу
Анархии дочь...

ЛОВЕЦ ВИДЕНИЙ

Ловцом видений ты поймала,
Юнона милая, меня.
Багряно-тёмным покрывалом,
Огнём пылающим маня,
Вьюном прекрасным, жгуче-алым,

С собою в небо увела.
И семя чистого сомненья
Мелодией забытых снов,
Акцентом лёгкого волненья
Коснется нас когда-то вновь.
Остался наш с тобой дуэт
Во мраке ласковых секретов
А мы плетём свои сюжеты...

Елена ИБУКОВА

МОЛИТВА

Я знаю: мысленная связь –
Иллюзия общения.
О, если б мне тебя обнять,
Остановив мгновение!
О, если б сила моих чувств
Имела воплощение,
Та страсть, с которой я молюсь,
Достигла всепрощения.
Мой маленький беспечный бог!
Ради забав иль прихоти –
Мне наплевать, один итог –
Любовь слепа на выходе.
Слова, рассыпавшись на лист,
Молчат, заговорённые.
Дай мне забыться и спастись
Делами приземлёнными.

* * *

Наука забывания
Не терпит промедления,
Иначе все старания
Опередят сомнения,
И прошлое закружится
Явлениями цветастыми,
И мне не хватит мужества
Их заглушить контрастами.
Она сильна в теории,
Беспомощна – на практике,
Укрывшись аллегорией
Постылой профилактики.
Науку беспристрастную
Я постигаю с кротостью,
Дивясь своей отважности,
Стыдясь бесповоротности.
Хватило б мне старания,
Как оправданий – досыта,
Я начала с раскаяния
И медленно поступью
Вперед без вдоха-выдоха,
Чтоб не спугнуть движением,
Стремительностью вызова
Ослабить притяжение.

Яна МАНСУРОВА

* * *

Мой путь лежит через поля,
Холмы, кусты, овраги.
В зелёный сон, где тополя,
Где сучья и коряги.

Где леший прячется в тени.
И ветер тихо шепчет
Берёзе нежности свои,
Обняв её за плечи.

Там ива к синему ручью
Склонилась грациозно.
Осанку гордую свою
Сосна возносит к звёздам.

Там ниву тайную растит
Невидимый хозяин.
И с родниками говорит,
Чтоб землю наполняли.

Он ласков с маленьким ежом
И с непокорным лосем.
К нему на чай заходит в дом
Его подруга Осень.

И вот богатый стол накрыт
На праздник урожая.
Хозяин всех принять спешит,
К обеду приглашая.

И я приду, не поленюсь,
Пролезу по бурьянам.
С почётом низко поклонюсь
Таинственным полянам.

За пройденный нелёгкий путь
Готова мне награда.
В напевный шелест окунусь
И диких ягод сладость.

И все неровности судьбы
Забыты в одночасье...
В траве спрятались грибы –
Моё лесное счастье!

Ольга ИВАНОВА

* * *

Оттачиваю мастерство
И выворачиваю душу.
И чувствую, как естество
Желает вырваться наружу.

А вдруг из глубины, со дна
Придет неведомая сила?
Накроет с головой волна,
И не успею осознать,
Что не о том душа просила?

И буду я уже не я –
Сок забродивший винограда.
Я буду чашу наполнять
Противоядием и ядом.

И будет дух мой во плоти
Крепчать вином, в плену томиться.
Ты после долгого пути
Попросишь у меня напиться.

И чашу, полную вина,
Я поднесу тебе смиренно.
Ты не успеешь осознать,
Что яд уже течет по венам...

Но та неведомая сила,
Что поднималась в глубине
Моей души, тебя простила.
Так пей же, пей до дна, мой милый –
Противоядие на дне!

Аксана КРЯЖЕВА

* * *

Гряда молочных облаков
Повисла над июльским садом:
Ей, кроме лета и лугов,
Конечно, ничего не надо.

И я, услышав ветра стон,
Дышу цветами и прохладой,
Мне зелень листьев, ливня звон
За всё становятся наградой.

Вечерний сумрак золотой.
Журчит ручей – и брызг громада.
Здесь смысл жизни. Он простой:
Смотри. Молись. Вот в чём отрада.

Светлана АЛЬКИНА

* * *

Помнишь, с тобой на две ночи исчезли?
Сняли однушку на Кижеватова,
Нас приютила в июле Пенза
С двадцать седьмого до двадцать девятого.

Не было дела до нас проходим,
Наше кино, а вокруг – массовка.
Возле фонтанов – киоск с мороженым.
Стинга играли нам на Московской.

Парка Белинского аттракционы.
Завтрак в «Мсье Жан Поль».
Молодожёны, в июль влюблённые,
Создали свой пароль.

Выставки в Литературном музее
помнишь? Куда мы бежали в ливень,
не прикрывая голые шеи?
Не было в мире людей счастливей!

Вкуса медового – два денёчка
с примесью запаха сладковатого,
Может, зачали с тобой сыночка
В Пензе на улице Кижеватова?

Александр БУХАРИН

* * *

*«В моей руке – какое чудо! –
Твоя рука...»
А.А.Фет*

Я к морю вышел за ворота.
Шаги легки.
Зажег в тумане звезды кто-то
И маяки.

Печальный крик над ширью зыбкой -
То чаек крик.
Мне руку протянул с улыбкой
Слепой старик.

Кружатся пары. Платья, фраки,
Как мотыльки.
Огни судов близки во мраке
И далеки.

Мну травы ярче изумруда,
Земли шелка.
В моей руке – какое чудо! –
Твоя рука.

* * *

Грохочет гром. Вскочить с постели
И распахнуть окошко в сад,
Где из небесной колыбели
К земле седой стремится град.

Удар раскатный за ударом,
Горошком на тропинках лёд.
Земля, иссушенная жаром,
Губами жадно воду пьёт.

Но вот стихает. Беспорядок
Царит в растрёпанном саду.
Лежат, побитые, меж грядок
Цветы, не ждавшие беду.

Евгений БОДУНОВ

* * *

Выхожу за порог. Эта ночь неспроста,
Я её не отдам, не пропью, не растрочу,
Миллион световых – как виденье Христа.
Миллион световых, и ещё два впридачу.

Я сегодня как мрак, я сегодня как свет,
Я один на один с потрясением сути,
Ни конца и ни края не будет мне, нет,
Но растаять рискую я в каждой минуте.

Эта ночь не кошмар, эта ночь не тоска,
Засмотрелись на мир поражённые лужи,
Мне казалось вчера, что развязка близка,
Я не знал и не верил, что так Тебе нужен.

Я не верил Тебе, как последний подлец,
А безверие – самая страшная ломка,
Я сбивался с пути и упал наконец,
Чтоб услышать – как ярко, увидеть – как тонко.

Всё прошло и сбылось, ничего не найти,
В двадцать девять дошёл до конца и начала,
В двадцать девять сказал Тебе тихо: «Веди»,
Жизнь боролась всех нас, но на счастье венчала.

Люди спали, и спали по гнёздам скворцы,
Спали псы во дворе, опустевшем и гулком.
Спали матери чьи-то и чьи-то отцы.
Тени, даже и те спали по переулкам.

Эта ночь ярче дня, эта ночь неспроста.
Август – словно Алтарь, он – молитва и ласка.
Эта ночь – как полёт, как виденье Христа.
Слышишь? Всюду свершается Вечная Пасха.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В НЕВЕДОМОЕ ДВЕРИ

Лилит КОЗЛОВА (4.04.1928 – 24.06. 2019)

Лилит Николаевна Козлова родилась в Казани, выросла в Москве. Окончила биологический факультет Московского государственного университета. Уехала работать в Ленинград, потом в Гродно, затем заведовала кафедрой физиологии в мединституте Благовещенска-на-Амуре. Затем прошла по конкурсу и приехала работать в Симбирск, на родину предков. Работала в Ульяновском педагогическом университете: заведовала кафедрой анатомии и физиологии (1971 – 1975), была профессором кафедры (1975 – 2013). Доктор биологических наук, журналист, эссеист. Автор книг о творчестве Марины Цветаевой. Автор поэтических сборников и книг автобиографической прозы: «Грозное серебро», «Льдинки Снежной Королевы», «Прямо на свет», «Встречный бег», «Успеть», «Кольцо огневое», «Сокровенный час», «Я просто есть», «Момент освобождения», «Душой обнимаю душу», «Белокрылье, белоснежье», «Эта песня бесконечна», «Прислушаться к себе», «Аз есмь – Ты еси», «О Боже мой», «Перезвон Афродиты», «В неведомое двери», «Свет нездешний Бытия» и др.

Член Московского союза литераторов, председатель ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов. 22 года вела в городе еженедельную литературную гостиную «Четверги». С 2015-го была куратором литературного клуба «Пегас» (при городской библиотеке №4).

Большую часть жизни Лилит Николаевна Козлова жила в Ульяновске. Совсем недавно переехала к дочери в Подмосковье. Умерла 24 июня 2019 года и похоронена в г. Пушкине Московской области.

В автобиографии Лилит Николаевна писала:

«Рождение четырёх дочек перемежалось научными статьями, лекциями и выступлениями по обществу «Знание», двумя диссертациями, уходом за дачей и турпоездками на машине за рулём и на плоту по рекам Ульяновской области, Урала и Сибири – капитаном. Дети плавали со мной не только по Черемшану и Суре, но и по уральским – Белой, Инзеру, Юрюзани. По Енисею и его притокам сплавлились только взрослые...»

Моих опубликованных научных статей и книг стихов и прозы уже не сосчитать, друзей у меня сотня, потомков 21, душе – 20».

Если бы прощание состоялось в Ульяновске, то, наверное, эта добрая «сотня друзей» пришла бы проводить своего наставника и собрата по перу. Многие откликнулись на печальное известие: стихами, молитвами, словами искреннего сочувствия. (В эти дни узнали, что в крещении Лилит была Мариной.)

Здесь, в Ульяновске, в дружеском кругу прошли литературные мероприятия памяти Лилит Козловой, ей были посвящены: выступление Клуба поэтов в Карамзинском сквере, вечер в городской библиотеке №4 им. Е. Евтушенко, тематическая встреча под названием «Олень и черепаха» в салоне им. Елены Токарчук. В адрес редакции журнала «Симбирскъ» многие авторы прислали слова прощанья и стихи, посвященные Лилит.

Татьяна ТОЛОКОННИКОВА

ТЕБЕ, ЛИЛИТ

Так горько расставаться на Земле.
Так сладко в духе снова повстречаться.
Ты без оков уже и в светлом Братстве,
С венком из роз и Света на челе.

А я стою, потерянная дочь.
Удерживаю слезы как умею.
Не оставляй нас в эру Водолея
В кругу приобретений и потерь.

Услышь многоголосое «люблю»,
«Оттуда» будь заботливым посланцем.
Ты как звезда, что светит новобранцам,
Ты как Вселенский парус кораблю.

И со своей незримой высоты
Благослови нас на труды земные,
На творчество и на слова такие,
Что были у истоков Красоты.

Вечер памяти о Лилит Николаевне Козловой (4.04.1928-24.06.2019)

в клубе "Пегас" при 4-й городской библиотеке 6.07.2019 г.

Тина НЕЙВА

памяти Лилит Козловой

Поутру ударилась в стекло птица, а потом прилетела печальная весть – ушла в Долину Теней Лилит. Моё сердце хотело плакать. Но сердце сентиментальное и глупое. Его не всегда надо слушать. А мудрая Душа шептала, что Лилит вернулась домой, поэтому плакать было стыдно. Не хотелось проявлять эгоизм. Тогда заплакала природа! Лилит... Женищина-стихия! И стихия разошлась не на шутку! Небо рыдало проливным дождём, орали в голос раскаты грома, отчаянно выл и стонал ветер. Ураган, как раненый зверь, неистовствовал, срывая крыши домов и ломая деревья! Так прощалась с Лилит Природа. Ураган быстро закончился. После длительной жары пришла долгожданная прохлада. Хорошо, уютно, свежо и спокойно... Так всегда было после общения с Лилит... Лилит... Женищина-стихия! Сколько раз я по-кошачьи прижимала уши, когда она бушевала надо мной! А потом, как закадычные подруги, мы пили чай на её крохотной кухне. И Лилит уже щедро хвалила меня, объясняя, что ругала любя и во имя моего таланта... Удивительный человек! Она в каждом видела талант! Умела разбудить, растормошить, воодушевить, показать путь-дорогу и даже вручить меч-кладенец! Милая моя Лилит! Теперь я желаю тебе лёгкой дороги и счастливого пути! С возвращением домой, дорогая!

24.06.19

Лилия КОЗЛОВА (4.04.1928 – 24.06.2019)

ВОЙНА. ЧТО У МЕНЯ БЫЛО

Страницы воспоминаний

НАЧАЛО

Мама получила из Казани распределение в Москву на Химзавод №1, (который потом спрятали в название НИИ-42) по разверстке Всехимпрома. А Химгородок, где мы прожили 9 лет до войны и еще немножко после, так и остался откровенно «химическим», не спрятым.

Когда настал наш черед в 1932 году переезжать в Москву, туда же, в лишнее и ненужное, полетела и бабушкина работа. Так моя только что окончившая вуз мамочка приобрела сразу двух иждивенцев, а я – персональную, неотступную и неумолимую воспитательницу, что было в основном хорошо, хотя иногда чрезмерно. Это был домашний пансион благородных девиц на одну персону со всеми его плюсами и минусами, известными и типичными.

Дом – последний в Москве. Нет, первый. Дальше – лес, дубки. Перед нами – за шоссе Энтузиастов (бывшее Владимирское шоссе) – тоже лес, березовая роща с подлеском, непроходимая чаща, полная земляники, черники, цветов и грибов.

Дома такие звались в те времена стандартными – 2 этажа, 8 квартир. Никаких удобств. Коридорная система: одна кухня, четыре комнаты. Голландские печки с топкой в коридоре. Наш адрес был: Москва, шоссе Энтузиастов, д. 1, кв. 1. Этаж тоже первый. Первая квартира в Москве – есть чем гордиться. Где-то поближе к войне почти около нас вырастут две громадные скульптурные фигуры – Ленин и Сталин, метров 7-10, как мне помнится – по обе стороны шоссе. После смерти Сталина, видимо в первую «оттепель», они тихо исчезнут, так что теперь их мало кто помнит.

Одна на несколько домов – на отлете – высилась уборная и прекрасно была видна из нашего окошка. Это заведение по сию пору встает в моей памяти при слове «двубортный». Ассоциация родилась в первую же зиму, когда взрослые обсуждали фасон пальто, склоняясь к тому, что оно должно быть двубортным. Двубортное пальто. Мне же, четырёхлетней, слышалось: «до уборной». Я долго недоуменно прикидывала, что же это будет за пальто, если оно должно тянуться так далеко? До самой уборной!.. Обдумывала молчаливо, безвопросно...

С детства примитивный быт воспринимался нормой. Мебели не было, кроме самой необходимой, корзин и сундуков. У меня была всё же детская кроватка и ширма. Помню ежедневные прогулки в лес – можно сказать, что я в нем выросла. Первое ощущение земли, просыпающейся в ней травы и весны – какой-то удивительной радости приобщения – я испытала именно тогда, в свои 4-5 лет, на

солнечном пригорке опушки Измайловского леса.

Не помню больше т а к о г о полного и радостного ощущения весны и пробуждения природы, такого п р и ч а щ е н и я ко всему этому.

Я жила в запахах леса. Особенно потом осознавался аромат прелой листвы, причем такого букета его и такой интенсивности, а потому и полноты радостной волны после вдоха, какой я уже практически не испытала ни в одном из своих многочисленных походов по разным местам страны. Всё было не то, не дотягивало, не удовлетворяло.

Слово – шипящее, змеящееся – «интеллигенция», полное презрения, как ругательство, а возможно, и угроза – я слышала, сколько себя помню. Слово «антагонизм» тоже было одним из первых, мною усвоенных в Химгородке, – так вздыхала бабушка. Действительно, был ли там, в этом рабочем поселке, еще кто-то такого же уровня? Видимо, нет, хотя с кем-то она все же общалась.

В чем-то мне не мешали быть серой и «как все». Боялись за меня? Мыслить и чувствовать не учили. Поступков не было, их не замечали – только проступки. Никогда не хвалили, только ругали и требовали. Уже все предписывалось, регламентировалось – в государстве, не от этого ли и в семье? Или это были староинтеллигентские традиции?

Очерченный воспитанием круг был так узок и прочен, что у меня до взрослости сохранилось ощущение: «всем можно, а мне нельзя» – я смирилась с этим, хотя я и жила, по мнению взрослых, постоянным правонарушителем. Но какие это были мелочи! Например, пробежала из гостей со второго этажа лет в 12 по холодной лестнице не одетая. Бабушка сразу же: «Ну вот, тебе не будет коньков!»

Многих своих грехов я не помню, но что в мои 10 лет на даче под Казанью, в Займище, меня частенько бабушка стегала веревкой – это я помню. Конечно, я не молчала, ведь было больно... И стыдно перед соседским мальчиком, с которым дружила...

«Спасла» меня война – бабусе стало не до меня. Но на каких постоянных обманах держалась тогда моя свобода! Сколько раз на нее бабуся посягала! В 14 лет она сделала последнюю попытку меня стукнуть – и... получила сдачи. Ее сетования и причитания были в тот момент не услышаны – я закрылась и зачерствела. Мама позже мне рассказала, что она в 12 лет сделала по отношению к ней, своей матери, то же самое – дала ей отпор. Бедная бабуся! Я и сейчас вспоминаю ее реже, чем надо бы!..

В нашем рационе преобладала картошка. Суп, часто мясной (продукты давали по талонам), запускался картофелем без травяных приправ, жарилась

картошка и на второе. Помню, как мама приходила поздно, затемно, бабуся очень беспокоилась и встречала ее с испугом вопросом: «За тобой гонятся?» На это мама сердилась, хотя на улице было уже давно темно, а места глухие. После этого следовала вторая волна маминого недовольства: «Картошка совсем сухая!» Ее бабушка заранее, ожидая маму к какому-то ею изобретенному сроку, разогревала на керосинке – и вот теперь это уже жареные картофельные сухарики, об которые можно было сломать зубы. Бабуся миролюбиво говорила: «Поешь! А ты сердисься, потому что голодная!».

Праздником были воскресный (в выходной день, как тогда называли) кофе и бутерброды с сыром. Это сочетание я настолько любила, что, как только стала жить самостоятельно, сделала это ежедневным завтраком. И по сей день сыр – едва ли не моя основная еда.

Об учебе я мечтала, в частности, о школе. Помню, как меня повели в нее поступать в 7 лет. В руках у меня был карандаш и лист бумаги, обернутый вокруг него. Рассчитывали на экзамен у педолога. Но именно в том году педология была отменена и экзамен не состоялся. Воображаю, как бы я была оценена педологом! Я совершенно не умела рассказывать по картинке, хотя бабушка постоянно пыталась извлечь это из меня. Мои странности, думается мне, обеспечили бы мне констатацию дебильности. Недавно прочитала у Г.С. Померанца, как его, будущего мыслителя и писателя, вертели перед комиссией голым и говорили о его низких данных. «Сама ты дура!» – подумал он в ответ. Я бы, наверное, сжалась и спряталась, внешне ошетилившись, надолго запомнила бы и поверила в диагноз. Мне, чтобы стать самой собой – теперь я это знаю, – надо, чтобы была обстановка понимания, приязни и тепла.

В школу меня не взяли – в те поры дети начинали учиться с 8 лет. Я, видимо, очень горевала, т.к. бабушка обещала учиться со мной дома – видимо, в утешение. И вот появились тетрадки «по три с косой» и в них мои неуклюжие буквы...

На следующий год я пошла во второй класс. По содержанию учебного процесса я вполне соответствовала. Правда, раз сказала на вопрос: «Сколько у курицы конечностей?» – четыре. Когда спросили, почему, объяснила: две ноги, хвост и голова – куриные концы. Степень моей дремучести в тот период подчеркивает и такой случай.

Третий класс все в той же вонючей школе в 40 минутах ходьбы от дома. Помнится, это был такой же стандартный дом, как тот, в котором мы жили – может быть, побольше? Большие рекреации, которые так не назывались, – или это только вестибюль на первом этаже? Воспоминание о них и о школе снаружи – темно-темно-серые. Голое дерево, и естественно, что полы – некрашенные – цвета грязи. Сменной обуви тогда не было, в домах тоже ходили в обуви, снимая у дверей резиновые галоши или ботики – до щиколотки, вернее, чуть ее прикрывающие. Грязь вольно носилась по школе вместе с миазмами из уборных, которые были внутри дома.

Картинка: я получила в раздевалке мое пальто, зимнее, и волоку его за вешалку по полу. Моя милая и ласковая, полноватая учительница, Зинаида Ивановна мне говорит: «Что ты делаешь? Пол же грязный!» Но я смотрю на нее как на дурочку, кото-

рая ничего не понимает, с полным ощущением совершенства изобретенного мной метода переноски пальто. А ведь как воспитывали дома!

Из третьего же класса осталась такая новелла. В начале года нам всем сказали закрепленный за каждым номер в раздевалке. Мой был – 242. Нянечка строго сказала: «Только попробуйте потерять номерок!» Дальше шло свирепое молчание. И вот мой номерок потерялся. И это было вполне закономерно, потому что разиня я была изумительная. В семилетнем возрасте, пока мы жили на даче в Хотькове, я за лето потеряла 6 вязаных белых шапочек, которые заставляла меня носить бабушка – от солнца. Однажды – тогда же – разжала кулак с деньгами, когда ходила в магазин, посланная за хлебом.

Итак, номерка у меня не стало. Не помню, как я получила свое пальто, но скорее всего, именно тогда мне открылся весь ужас создавшейся, открывшейся бездны: «Попробуй только не найти! Без номерка и не приходи!» Возможно, так сказала нянечка. Очень четко помнится только дальнейшее.

О своей жизненной катастрофе я, конечно, взрослым сказать не могла. Может быть, потому, что всегда ругали? И вот, улегшись вечером спать, я стала искать выход. И он нашелся. Я вспомнила про чулан, что был сразу при входе с улицы. Возможно, я знала, где от него ключ. Скорее всего, иначе бы ему не сыграть роль моего спасителя. Я решила, что встану пораньше, дойду до чулана, спрячу там свое пальто, добегу до школы раздетая – всего-то 40 минут! – и тогда вопрос номерка сам собой отпадет. И обратно так же. И так каждый день. Успокоившись таким образом, я мирно заснула. Утром я спокойно встала, оделась и, как обычно отправилась в школу. Решение мое о чулане скользнуло по краю сознания легким облачком – и растаяло. Судя по тому, что я не помню развязки этой истории, все обошлось и я прожила без номерка довольно долго, просто называя свой номер. Кстати, потом он как-то хитро нашелся, и я, опасаясь столкновений с нянечкой, просто забросила его в раздевалку – авось найдут. Так впервые я столкнулась с непоследовательностью, что было для меня ново и очень важно: моя бабушка была последовательна и педантична, как танк, как сама смерть. Вырваться из этого каменного плена безысходности мне было очень важно.

Мы жили на рабочей окраине Москвы, и все мальчишки в нашем классе были хулиганистыми. Сажали нас в начальной школе обязательно с мальчиком и, видимо, мне подбирали самых отпетых – чтобы я на них хорошо влияла. Помню одноклассника Полюшина, своего соседа по парте, который в момент моего ответа с места, подставил мне на скамейку, куда я должна была сесть, карандаш. Я уже взрослой читала об ужасных последствиях для девочек такой жуткой шуточки. Но Тот, Кто меня оберегал, шепнул мне: «Посмотри, куда садишься!» Я взглянула, отвела руку и мы оба обменялись улыбками. Делал-то он это не со зла, а для шутки – заигрывал.

В третьем же классе, весной, у нас в школе создалось поветрие: все девочки пытались сделать мостик через стойку. Мы упражнялись на травке около школы бесконечно, все перемены, нимало не заботясь о том, что наши юбочки в конце концов закрывали нам головы, а не то, что им полагалось. Я на-

училась довольно быстро и сохраняла соответствующую гибкость позвоночника лет до сорока.

В шестом классе – а это была уже 443-я вновь отстроенная школа – хорошо была поставлена у нас физкультура. Нас очень серьезно учили пользоваться гимнастическими снарядами. Я помню себя на турнике; у меня хорошо получались брусья, кольца, козел. Именно поэтому я в университете поступила в гимнастическую секцию и к концу первого курса получила четвертый, самый низкий, разряд по гимнастике.

Но вот вдруг – война!

В ту ночь мама из своей комнаты влетела к нам, спящим, и закричала: «Вставайте, война, война! Воздушная тревога!». Мы с бабушкой кое-как оделись и, полные страха, вселенного мамой, бросились в лес. Светало. В небе рвались снаряды, но на землю ничего не упало. Спрятаться было некуда, все канавы оказались мелкими. И тогда я поняла, что от войны никуда не уйти... Мне было 13 лет, я ещё училась в школе.

Быстро началась Казанская эвакуация нас, ещё летом. Выступление Сталина 3 июля слушали по дороге – громкоговорители-тарелки везде не умолкали. Отчим слушал внимательно, его застывшую фигуру помню. Приехали ко второй дочери бабушки – Нале, литсотруднику газеты «Красная Татария», в её малюсенькую комнатку...

1941 год – самый неподготовленный, неустроенный для людей, снявшихся с места. Очень быстро у нас в Казани, с бабусей и Налей – настоящий голод, уже элементы его – в конце лета. Сначала – систематическое недоедание, постоянное желание есть, а потом – еще хлеще.

Когда я начала рукодельничать, чтобы продавать и хоть как-то заработать, хоть немного? Точно, что до знакомства, точнее – до дружбы с одноклассницей-москвичкой Светой Дубровиной, т.е. до начала первой военной зимы. Видимо, осенью 41-го. Вначале я вязала ягодки – вишенки с парой зеленых листиков – и продавала их на рынке. Я готова была провалиться тут же на месте в этой роли – от стыда, но мужественно преодолевала себя. Дожидалась, что кто-то купит мою поделку – и тогда тут же покупала картошки – килограмм, как сейчас помню, или молока.

Потом я шила куколок, нарядных, в платочках и передничках. Получилось очень хорошо, мы с бабусей насажали их полную корзинку и поехали в Займище (или Куземетьево?) под Казань, где до войны три года жили на даче. Прошли всю деревню, предлагая кукол в обмен на хлеб – и н и о д н у не выменяли! Они были величиной с ладонь, нарядно одетые, в русском стиле. Куда их все дели потом? Не помню. Дома не осталось ни одной...

Зашли к какой-то деревенской бабусиной знакомой – и она нас накормила свежим деревенским ржаным хлебом такой вкусноты и аромата, какого я больше н и к о г д а уже не ела с тех пор.

Помню, как хотелось есть и есть, брать со стола кусок за куском, и как я себя в свои 13 лет сдерживала, понимая, что у всех теперь всего этого мало..

В эту полуголодную осень помню такое же чувство в гостях у Абдринах, бабусиных знакомых, где мы с братом брали конфетки – какие-то очень мел-

кие сосульки, но тут уж бабуся нас, как могла, сдерживала.

Есть в конце лета 41-го уже хотелось постоянно. Иногда в Казани в разных местах в магазинах вдруг принимались что-то «давать», – так у нас называлась тогда продажа. Я мчалась, стояла в очереди и что-то добывала. Потом, к зиме, это кончилось и все стало жестко по карточкам. Иждивенцы получали по 200 г хлеба...

Почему я пишу об этой невинной торговле как о чем-то опасном? А торговать тогда запрещалось. Все это делалось тайком, до первого милиционера, хотя бабуся продала все, что могла, из одежды, чтобы мы совсем не вымерли с голода. То, что мы прочитали в последние годы, убеждает, что любой продающий мог загреметь в лагерь – примеров тому достаточно. Где-то я недавно встретила случай, когда мужчина был арестован, осужден и попал в лагерь за пару голенищ, которые он вынес на рынок.

А позже бывало и похуже. Уже в Москве, учась в 10-м классе, зимой 44-45 года я продавала на Дангауэровском рынке яблоки, которые были получены по каким-то папиным литерным льготам и должны были съедаться нами, а не продаваться по рыночной цене. Это уже могло быть расценено как спекуляция. Но шла война, цены были бешеные, а мои родители получали фантастически мало...

Помню, как в 1941-м мы ели один раз в день, где-то в 3 часа дня, по 2 картошки на человека и как однажды у меня было что-то вроде голодного обморока – и невероятно упорный, на всю первую зиму фурункулез, а к лету – гастрит. Периодически я из-за очередного фурункула не ходила в школу, особенно из-за тех, что вырастали на голове. Они долго не могли прорваться, невероятно болели, но, слава Богу, мне их не вскрывали. Вылечилась я к весне пивными дрожжами.

Так голодно было только до первого лета, и, конечно, не всегда т а к. Бывало и полегче, особенно когда Наля поехала на фронт и привезла оттуда мешок гороха. С тех пор горох для меня – лакомство. А в 1943-м мы догадались есть беззубок, двухстворчатых моллюсков, которых в Волге полно... Но все-таки это был г о л о д, с типичной для него психологией: с одной стороны – какая-то подспудная главная, неотступная мысль-ощущение – о еде, а с другой – стремление с к р ы т ь эти муки, стыд за них.

И сквозь все это – непрерывное веселье, самые лучшие, самые полные два школьных года! Письма солдатам, шитьё меховых варежек, летом – работа в колхозе.

Два первых военных года, 7 и 8 классы, я проучилась в Казани, в прекрасной 19-й школе имени Белинского, в одном классе с большим количеством эвакуированных из Москвы и Украины. Кончала же школу я в Москве, в 1945-м, на Электрозаводской, 446-ю. Я попаду в нее после бурной, интереснейшей казанской жизни, после дружбы со Светланой Дубровиной, дочкой замдиректора ЦАГИ, (она умерла в 1993-м, мир душе ее!), и Алешей Абрикосовым, сыном знаменитого медика, вскрывавшего Ленина. (Мой одноклассник стал академиком и Нобелевским лауреатом, последние годы жил в Америке. Умер в 2016-м). Они сыграли большую роль в моей жизни. Без них не было бы ни горных лыж, ни аль-

Алексей Абрикосов

пинизма, а следовательно, и некоторых важных знакомств.

Так как это выглядело?

Окружение в Химгородке было – дети рабочего поселка, и я вступала с ними в резонанс. Образцы общения считывались с них. Но 1 сентября 1941 года что-то в моей жизни и во мне резко меняется. Точнее – для этого закладываются основы.

Следующий день после гибели в Елабуге Марины Цветаевой (о которой я, конечно, ничего не знала) в Казанской школе я помню. 1 сентября 1941-го была линейка, школа №19 начала работать в старом деревянном здании, отдав свое, новое, под госпиталь. Примерно через 2,5 месяца обычной школьной повседневности заболевает наша классная руководительница и уходит из школы. Весь наш вполне добропорядочный класс ее провожает, а потом нас рассортировывают, и я попадаю в 7 «Г», где учатся эвакуированные москвичи, дети отцов из Академии наук и ЦАГИ – их почти полкласса. Вот тут-то всё и начинается, прежде всего – новая я.

Класс отчаянный, неуправляемый. Пока я сижу с Олей Гинцбург, очень милой, но замкнутой девочкой, с которой я тщетно пытаюсь общаться, все еще ничего, я еще не в струе. Но вот на меня положила глаз Светлана Дубровина, как я сейчас понимаю, поначалу небескорыстно: я пишу грамотно, а она без конца делает ошибки.

Как-то мы ухитряемся сесть рядом – и тут я попадаю «в стрезень».

Скоро образуется четверка: Алешка Абрикосов, про которого я всегда говорила, что он будет академиком, – видно было, Фаузей Юсупов, будущий видный хирург, Светка и я.

Алешка сидит перед нами и в основном к нам лицом. Класс без конца бузит, срывает уроки, хулиганит, игнорируя войну. Нам 13-14 лет, мозгов еще нет, один темперамент.

Через Светлану начался период моего быстрого внутреннего роста. Она, видимо, и не подозревала, что я голодна. Мне однажды в их доме перепало

ла жареная картошка, которую она не хотела есть. Она очень удивленно смотрела на меня. Как можно есть такую дрянь?», – казалось бы говорила она всем своим видом.

Мы с ней обе ходим недотрогами, вечерами собираемся у нее, организуя танцы под «Рио-Риту» и аналогичные зарубежные фокстроты и танго. Учимся танцевать. Нас четверо, все довольны, шаркаем весь вечер.

В выходной идем кататься с гор, в так называемую «Швейцарию» – без всего, с довольно больших гор. Просто садимся в снег – и вниз, вместе с ним. Бабушка, занятая голодным бытом, безуспешно пытается меня прижать к ногтю. Я ее обманываю, каждый выходной у нас «кросс», под этой маркой я успешно улечучиваюсь. Светка врет бесконечно, я бодро включаюсь в эту струю. Но ведь запреты взрослых сами на это наталкивают...

Иногда мы пропускаем школу, это, оказывается, очень приятно, и проводим время у нее под прикрытием ее милой мягкой мамы, которую Светка уже тогда третирует – и так всю жизнь... И при всем этом как-то учимся – и успешно. Мы отличницы.

Начиная с этого времени во мне начало развиваться что-то доселе спавшее, вытесняя меня доверенную. К лету 42-го я прочитала Ростана, Гамсуна, Ибсена и Оскара Уайльда – все эти книги, приложение к «Ниве», были у Светки, и она тоже их прочитала, даже немного раньше меня. Почему-то она любила Майкова, и он тоже тогда «жил с нами».

Сейчас мне кажется, что уже тогда был Чей-то прицел – к чему я должна была прийти. И видимо, не случайно я через год оказалась в Елабуге, сорвавшись добровольно в колхоз, хотя и имела от сельских работ освобождение. Видимо, не случайно первым был прочитан любимый Мариной Цветаевой Ростан, и я уже в 14 лет знала «Орлёнка». Может быть, неслучайно позже и моя старшая дочка Маришка сквозь «Марию» стала потом Мариной?

Прицел Высших Сил на меня – цветаевода...

И оглядываясь на прожитое, я сейчас вижу, что абсолютно всё, что со мной произошло в жизни, и приятного и неприятного, теперь сошлось в одну точку, даже, пожалуй, в одну восходящую линию, и не было ничего ненужного. Все так и должно было быть, чтобы из т о й меня сделать э т у...

РАЗВИТИЕ

Всю жизнь я «сдавала твердыни», и, мне сейчас представляется, – с легкостью. Впрочем, пожалуй, это касалось только для меня не самого важного: важное же выдиралось из меня вместе со мной и с кровью.

Основы для этого «сдавания» закладывались с самого младенчества – от непритязательности быта. Было только самое главное, без чего нельзя. И когда я в 13 лет очутилась в эвакуации в Казани – в 10-метровой Налиной комнатке нас жило четверо, – я не роптала, даже, пожалуй, просто не замечала никакого неудобства. Не помню, чтобы меня волновало то, что уроки мне приходится делать на гладильной доске, перекинутой от письменного стола

до подоконника. Что спала я на полукруглом диванчике, для меня коротком. Видимо, мысли мои были далеко, я жила и дышала не этим.

А вот что – точно! – было мне не по душе – это отсутствие одежды, которая бы меня красила. В 13 лет я была довольно неуклюжим подростком, еще не сформированным и угловатым, с уже большими ногами и очень длинными руками, острые локти которых мне не давали жизни: я все время о них помнила. Я всего этого очень стеснялась. У меня совсем не было бедер и талии. Бабушка же, больше всего думая о моей скромности – чтобы она, не дай Бог, не переросла в кокетство, которое, кстати, родилось со мной, – так вот, бабуся одевала меня

«Жить: сдавать – одну за другой все твердыни».

Марина Цветаева

безобразно. Все, что шилось для меня в Казани, делалось на вырост. Видимо, не выходило из сознания то мое пальто, которое я пронесла 8 лет с самого момента рождения.

Розовая блузка – единственная новая, которую я помню на себе в своем 8-м классе на 8 Марта – она сваливалась с плеч и толстила меня, юбка, перешитая из платья, была длинна и широка в талии.

Чувствовала я себя во всем этом ужасно. Если это прибавить к тому, что я не умела общаться с детьми...

Зимой 41-го было сшито зимнее коричневое пальто из рогожки с коричневым же цигейковым воротником. Я почти кончила расти, мне шел 14-й год, но оно доходило мне до половины икры, и я ходила, путаясь в полах. А тогда носили короткое.

Это очень мешало мне на строевых занятиях, когда отрабатывался шаг с высоко поднятой ногой. Воображаю, какой смешной у меня был в этот момент вид!

Шилась также мне сарафанчик из обрезков, комбинированный (на который, кстати, бабушка отдала кусок из своего нарядного платья – так она похудела). На примерке она приговаривала: «В талию брать не надо!» – Почему? Все сшитое получалось жуткими балахонами.

Пальто я сама себе сузила, сделав вытачки на спине, как только стала себе хозяйкой – в 9-м классе, уже в Москве. Помню у Светки почти такую же шубу и того же качества, очень ладно на нее сшито. Она сначала искоса посматривала на мою монументальность – я каменела во всем этом, – а потом постепенно начала обучать меня женским тонкостям – порой достаточно свысока. Мы вместе, прогуливая уроки, – особенно она любила это делать в дни контрольных – дружно шили себе подплечники, а потом – первые лифчики.

Под ее влиянием я страстно захотела на новый, 42-й, год быть на маскараде в костюме. Вначале, правда, дома мое желание встретило недоумение, отказ и печальное приговаривание: «Сейчас не время, не до этого. Потом...»

А «потом» не оказалось. Этот маскарад был единственным в моей жизни. Чудесный, веселый, несвоевременный...

В последний день спешно был сшит костюм Арлекина: была покрашена марля в розовый и чернильные цвета. Шила я сама, помогала баба Юлечка, бабушкина сестра. Были сделаны белое жабо и черный жилет и колпачок с наклеенными разноцветными кружками. А Светлана была Коломбиной. Как мы веселились!

Светка, Светка! А как я тебя боготворила! Готова была для тебя уступить – всё. В 42-м у нас была взаимная влюбленность, это реальность. До сих пор приятно читать в моем альбоме твою запись: «*Лилит, помни весну 42 года, когда наша дружба с тобой была так горяча*»... Но в тебе было много всякого, и моего и не моего, чуждого. Спасибо, что ты была в моей жизни, без тебя бы я была не той. Ты много лет растила меня, была питательной средой, всем моим миром. Всё счастье двух лет в Казани неразрывно связано с тобой. Без тебя я вообще была бы какой-то иной.

Шёл октябрь 1941 года. Я с бабушкой жила в Казани, мама с семьей – в Дзержинске, немцы лезли к Москве.

В военные казанские годы я училась в третьей смену. Очень часто после уроков мы еще ходили в кино и возвращались домой, конечно же, в темноте. Улица Тельмана в Казани, бывшая Попова гора, где жила Наля, узенькая, вся застроенная маленькими домами – не больше двух этажей, – была в это время безлюдной. Однажды, уже подходя к дому, я услышала сзади шаги и, почуввав опасность, вошла во двор перед нашим домом. Ведь в городе орудовала банда «Чёрная кошка».

Это был темный свод нависающего над проходом дома – чем дальше, тем темнее. Шаги повернули за мной. Вдруг я почувствовала какое-то странное прикосновение к спине – и мой преследователь повернул обратно. Я была рада добежать домой, и тут обнаружилось, что через верхнюю часть пальто проходит кривой разрез, видимо, бритвой. Все порадовались, что пострадала одежда, а не я. С тех пор я старалась возвращаться с Левкой Эпштейном – он жил на той же улице. Шел 1942 год.

В 43-м, после отвоёванного Орла, все мы вернулись в Москву. В 10-м классе, в 1944 – 1945 годах, я была уже второй год как будто в монастыре: 446-я московская школа была женской, не смешанной. Помню такой эпизод. В 1943-м гнали пленных – мы видели колонну из окна класса. Все так и прилипли к окнам...

Каждый летний месяц мы были куда-нибудь мобилизованы – или в колхоз, или на вязание кофточек в классе... Я вязала и вслух читала классу Майн Рида – «Всадник без головы»...

В 9-м классе помню себя в байроновском настроении – лирического одиночества и отчуждения.

В этом году, осенью, мама попала в больницу. Ей сделали операцию по поводу фибромы матки, но, видно, занесли грязь, и она долго лечилась. Поначалу она лежала в Лефортовской больнице (не ее ли описывал Паустовский как госпиталь?). Можно было ездить к ней на трамвае, но короче было идти через Немецкое кладбище. Про него в те поры говорили разное, что, мол, там всякая шпана прячется. Но я неизменно одна вышагивала по пустой центральной аллее, как правило, об опасности не думая. Но один раз я поддавалась предостережениям и вошла на кладбище с опаской. Я прошла около четверти пути, как вдруг нервы мои не выдержали, я стремглав – за спиной мнилось что-то ужасное – бросилась направо, добежала до какого-то надгробия, прижалась к нему спиной – и убедилась, что никого вокруг нет. Успокоилась и уже без приключений дошла до выхода.

Этой же зимой, но, видимо, после Нового года, пока мама еще скиталась по больницам, я заболела малярией. Началось с обычных приступов через день: озноб, температура – а наутро ты совершенно здоров, хоть и ослаб. Такие приступы у меня уже были в 39-м году, но тогда я вылечилась хиной. А эти начались летом, перед девятым классом, когда я была в гостях у Светки в Отдыхе. Тогда еще не было города Жуковского, а стояли два стандартных дома, в одном из которых они жили летом, в обычной квартире городского типа. Мы купались, когда вдруг налетел ливень. Мне пришло в голову переждать его в воде – меньше намокнешь. Минут 10 мы сидели по шею в речке, избиваемые крепкими каплями, надувающимися перед нашими носами громадными пузырями. Через час меня зазнобило. Ольга Пав-

ловна, Светкина мама, сразу же нашла выход. Меня уложили и она придумала вызвать мою маму – ей казалось таким естественным, что она немедленно примчится к дочке в беде. И я как-то втянулась в эту легенду, почувствовала себя любимой, из-за которой нетрудно сделать получасовое путешествие на электричке. Я блаженно ждала маминого приезда, но она, появившись, выругала меня за эту идею, сказала: «И так некогда, ты же знаешь! Оставайся здесь, приедешь завтра,» – с тем и исчезла.

Те приступы быстро кончились, малярия тогда притихла и почему-то оживилась зимой. Она была на редкость упорной, немного отступала под натиском хины и акрихина, а потом бросалась на меня снова.

Все осложнилось тем, что полез какой-то второй ряд приступов со сдвинутым периодом. Утром только оправившись от одного, как вечером начинается новый. Я понимала, что у меня две малярии.

Иногда приступы складывались, суммировались, и, видимо, тогда были тяжелые вечера и ночи, которые вспоминаются как сквозь туман жара. Я была в полубытьи, в ночи стоял какой-то ужасный рёв – у нас так случалось, – и казалось, что из этого рёва складывается какое-то низко нависающее, давящее небо – черное. Папа водил меня в туалет, поддерживал – я сама не могла пойти, меня шатало. Хинные таблетки заменили уколами. Делали их упорно и систематически. Болезнь сдалась после 40 уколов! Но навсегда.

Совсем недавно при обследовании выяснилось, что у меня была не только обыкновенная малярия, но и тропическая! Ну и ну!

Когда у меня случилось что-то с сердцем? Видимо, в 10-м классе.

Мы жили уже в Новых домах, в 8-м корпусе. У нас была там небольшая комната в коммунальной квартире, где мы прожили до конца моего второго курса. Помню, как из-за отсутствия места, справа от окна, у нас стоял комод на комод. Потом один из них, разваливающийся, получил название от меня «недвижимость» и перекочевал позднее за мной на дачу.

Так вот, Новые дома – это станция «Новая» по Казанской железной дороге. Мы ездили в центр только электричкой, это было удобно. Однажды я попала в ужасную толкучку, и меня попросту помяли. На следующий день с сердцем что-то стало твориться: в нем что-то жарко переливалось и булькало, боль была такая, что невозможно было сдвинуться с места. Дома никого почему-то не оказалось.

Может быть, мама была в командировке? Помню, как я с большим трудом и плача, еле-еле передвигалась, держась за какой-то забор. Я добралась до заводской поликлиники и нашла ту единственную врачаху, о которой знала от мамы – Ефанову. Потом мне мама говорила, что она гинеколог. Но тогда я этого не знала, мне было 16 лет и я не могла двинуться от боли.

Врачиха, в лучших традициях советской медицины, меня выругала, пристыдив: «Такая молодая, как не стыдно!» В те времена считалось, что сердце имеет право болеть только в старости. Я ушла, не получив никакой помощи, даже словом. Через три дня все постепенно утихло, но что это было, я до сих пор не поняла. Может быть, это была реакция

на сильное давление в области сердца, на его проекцию – когда помяли в электричке? От удара в область сердца умирают.

Сейчас я уже хорошо понимаю, что нельзя безнаказанно скручивать шею Любви, которая к тебе пришла, даже если она кажется тебе бессмысленной. Это – самоубийственно. А я с ней боролась – и безуспешно – весь девятый класс и половину десятого.

Быть сильной. Отдаем ли мы себе отчет, говоря так, в чём мы хотим себе силы? Быть сильной – руководить своей жизнью и собой, – вот первый смысл, который многие считают единственным. И быть сильной в страдании, противостоя ему, – в работе души. Этот второй смысл открывается только в беде. И я осознала его, конечно же, не в 15-16 лет, а семью годами позже...

А в 9-м классе я хотела быть сильной и независимой, пересилить свою любовь к Борису Аркадьевичу Ратнеру, учителю математики в женской школе, нашему кумиру. В него были влюблены все мы, девчонки, без исключения. А мне не нравилось, что я при встрече с ним краснею и, как мне казалось, вообще куда-то деваюсь – становлюсь дурой. На уроке еще ничего, – но на лестнице! И я начала свою любовь у б и в а т ь. А это – самоубийственно. И действительно, чуть себя не убила – малярией и восставшим сердцем.

Впервые я осознала, что витаю, в 9-м классе. Женя Федоровская, дочка, как выяснилось, моего любимого директора 443-й школы, где я училась 3 года до войны в 4-6 классах, Владимира Иосифовича (он вечно играл моими косами), так вот, она после некоторого перерыва в нашем общении спросила: «Всё витаешь?» Она появилась у нас в 9-м классе, была старше меня и одинока. Мы с ней быстро сошлись, т.к. я тоже не сливалась с классом, была особняком. Тогда я не только осознала это своё свойство, но потом узнала фразу Марины Цветаевой, что *поэты не витают, а обитают*.

Почему-то позже, в 10 классе, желая контакта, я сблизилась с танцующей троицей: Вера Акимова, Рита Веричева и Шура Солянина. Девушки быстрые, но все без начинки, «все тут», как я говорила в таких случаях. Мы держались вместе на танцах, которым нас учили, я танцевала с Верой. Нас звали «неутомимыми». Так оно и было. К танцам у меня было врожденное мучительное тяготение – и до сих пор. Теперь я понимаю – просто произошла подмена одной меня, духовной – другой мной, земной.

Так я ушла в свою вторую ипостась – кинетическую, действенную, тем положив начало нескончаемым таким подменам одной себя – за счет другой. Поэтому вечно ущемляемая и запертая грустная я – не дожила, недолюбила, недоплясала, недопела, недополучила, недодала.

И вот сейчас, в 2019-м, именно она наверстывает упущенное – уже который год, с тех пор, как стала писать о Марине Цветаевой – с февраля 86-го. Она скакнула резко вверх, в надземность, в духовность, и пошла развиваться – просто удержу на нее нет никакого... Стихи пишет, дневники, книги создает и издаёт, как в 20 лет любит...

Дорвалась до жизни!..

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

СЕНТЯБРЬ 2019

1 сентября – 105 лет назад родился поэт Александр Александрович Возняк (1.09.1914, г. Седльце Мазовецкого воеводства, Польша – 30.07.1969, г. Оренбург). В Первую мировую войну переехал с семьёй в Самару. Ходил на судах Средневожского пароходства. Бывал проездом в Симбирской губ. и Ульяновской обл., жил в Челябинске. Публиковался в журнале «Литературный Ульяновск» (1949). Автор поэтических сборников «Расцвет» (1934), «Когда мы в бой идём» (1945), «Сердце друга» (1962) и др. Член Союза писателей СССР (1957).

1 сентября – 105 лет со дня рождения поэта Николая Григорьевича Левинтова (1.09.1914, г. Демянск Новгородской губ., ныне посёлок в Новгородской обл. – 21.03.2003, г. Ульяновск). Окончил Ленинградский университет (1941). Участник Великой Отечественной войны. Работал в Ульяновском педагогическом институте (1950 – 1999), заведовал кафедрой всеобщей истории, профессор. Стихи публиковал в сборнике пролетарских поэтов «Начало» (1931), ульяновских газетах и журналах. Почётный гражданин Ульяновской области (2003).

4 сентября – 110 лет назад родился писатель Александр Григорьевич Письменный (4.09.1909, г. Бахмут Екатеринославской губ., ныне Донецкой обл. Украины – 22.08.1971, г. Москва). Окончил Московский полиграфический институт (1935). Автор романов «В маленьком городе» (1938), «Приговор» (1952), «Большие мосты» (1965), сборников прозы «Через три года» (1939), «Рукотворное море» (1978) и др. В августе 1952 года приезжал в Ульяновск, принял участие в III областной конференции писателей, где руководил секцией прозы и выступал на заключительном заседании. Член Союза писателей СССР (1938).

5 сентября – 145 лет со дня рождения татарского поэта и журналиста Махмута Садретдиновича Алмаева (5.09.1874, с. Большой Сайман Сызранского уезда Симбирской губ., ныне с. Татарский Сайман Николаевского р-на Ульяновской обл. – 9.09.1907, г. Оренбург). Окончил медресе «Мухаммадия», работал в типографиях Казани и Оренбурга. Автор стихотворений «Из тюрьмы», «Плач», «Торговцу», «Душевные тревоги», сборников рассказов «Восемьдесят восемь отрывков» (1902), «Книга о завсегдажных толкучки» (1908).

5 сентября – 125 лет назад родился поэт Василий Иванович Еферов, псевдоним – В. Орефьев (5.09.1894, с. Волинщина Сенгилеевского уезда Симбирской губ., ныне Кузоватовского р-на Ульяновской обл. – ?). Окончил приходскую школу в Сызрани (1905). С 1918 года работал в советских и профсоюзных организациях. Жил в Астрахани, редактировал газету «Профессиональная жизнь». Публиковал стихи в газете «Сызранское утро» (1913), в сборнике кружка астраханских рабочих писателей (1918), в сборнике «Зовы» (1920) и др.

5 сентября – 85 лет со дня рождения историка и публициста Юрия Николаевича Афанасьева (5.09.1934, пос. Майна Средневожского края, ныне Ульяновской обл. – 14.09.2015, г. Москва). Окончил исторический факультет МГУ (1957). Был ректором Московского историко-архивного института (1986

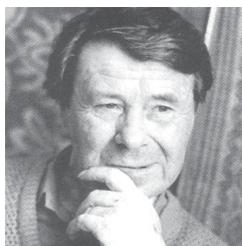
– 1991), ректором и президентом Российского гуманитарного университета (1991 – 2006). Автор более 600 публикаций, книг «Я должен это сказать» (1991), «Однажды наступив на грабли...» (1999), «Опасная Россия» (2001) и др.

13 сентября – 295 лет назад родился переводчик Аким Иванович Апухтин (13.09.1724, ? – 7.07.1798, г. Москва). Участник русско-турецкой войны (1768 – 1774). С декабря 1782 до конца 1784 года служил симбирским и уфимским генерал-губернатором. Затем жил в Москве. Перевёл с польского на русский пьесы Ф. Богомольца «Мот, или Расточитель» (1778), «Брак по календарю» (1779), «Из одной чрезвычайности в другую» (1792). Комедия «Мот, или Расточитель» «благоклонно принята публикою в рассуждении морали, в ней находящейся».

14 сентября – 60-летний юбилей отмечает прозаик и поэт Илья Александрович Таранов (р. 14.09.1959, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский политехнический институт (1982). Более 20 лет работал на Ульяновском механическом заводе. Генеральный директор Симбирской литейной компании. Автор сборника «Белая птица» (1999), романов «Маэлла и Башня господина «В» (2003), «Стена» (2007), повести «Как Стенька Разин по Волге ходил» (2017) и др. Член Союза писателей России. Возглавляет областную писательскую организацию (2018).

15 сентября – 115 лет назад родился татарский и башкирский поэт, прозаик, переводчик Садык Мубинович Максудов, литературный псевдоним – Максуд Сюндюкле (15.09.1904, с. Сюндюково Симбирского уезда Симбирской губ., ныне Тетюшского р-на РТ – 23.12.1981, г. Уфа). Работал в Артёмовске, Донецке, Уфе. Участник Великой Отечественной войны. Автор более 50 книг, в т.ч. «Голос угля» (1930), «Шахта дышит» (1931), «Днепрострой» (1932), «Песня о Донбассе» (1932), «Слава труду» (1952). Член Союза писателей Башкирии.

15 сентября – 95 лет со дня рождения художника и поэта Юрия Ивановича Куликова (15.09.1924, г. Ульяновск – 22.11.2000, там же). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Нижнетагильское художественное училище (1954). Жил и работал в Ульяновске.

Создал серию картин на тему войны и истории Симбирска. Член Союза художников СССР (1968). Стихи публиковал с 1970-х гг. в коллективных сборниках, альманахах и антологиях «Товарищ время», «Венец славы» и др. Автор поэтического сборника «Тишина» (2006).

16 сентября – 120 лет назад родился поэт и композитор Виктор Пантелеймонович Гудков (16.09.1899, г. Воронеж – 17.01.1942, г. Фрунзе, ныне г. Бишкек, Киргизия). В 1920 году переехал в Симбирск, где был мобилизован в Красную армию, служил в политуправлении Приволжского военного округа. Жил в Казани, Мурманске, Петрозаводске. Создал ансамбль песни и танца «Кантеле». Автор сборника стихов «С севера» (1922), драматической поэмы «Сампо» (1945) и др. Член Союза композиторов СССР (1937), Союза писателей СССР (1940).

16 сентября – 95 лет со дня рождения писателя Константина Яковлевича Лагунова (16.09.1924, пос. Старая Майна Мелекесского уезда Самарской губ., ныне Ульяновской обл. – 19.07.2001, г. Тюмень). Окончил Тюменский пединститут (1950), руководил областной писательской организацией (1963 – 1983). Автор сборника стихов «Вертолёт» (1958), около 50 книг прозы: «Красные петухи» (1978), «Завтрак на траве» (1992), «Добыча дьявола. Абсурд» (1999) и др. Член Союза писателей СССР (1959). Почётный гражданин Тюмени (1994).

18 сентября – 190 лет назад родилась американская поэтесса Эдна Дин Проктор (18.09.1829, Хенникер, штат Нью-Гемпшир – 18.12.1923, Фреймингем, штат Массачусетс). В 1867 году путешествовала на пароходе по Волге, ночевала у пристани в Симбирске: «Мы простояли в Симбирске всю ночь, которая была тёмной и пасмурной, с холодком и жалобным ветром над рекой. Спали на плюшевых диванах в салоне, закутавшись в плащи и шали». Автор книги «Мысли о жизни» (1858), сборника эссе «Путешествие в Россию» (1872) и др.

19 сентября – 290 лет со дня рождения актёра, литератора Никиты Афанасьевича Бекетова (19.09.1729, г. Симбирск – 20.07.1794, с. Отрада Астраханской губ., ныне в составе города Волгограда). Сын симбирского воеводы А.А. Бекетова, дядя поэта И.И. Дмитриева. В 1742 году уехал из Симбирска в С.-Петербург, где поступил в шляхетский корпус. Играл в местном театре, прослыл «первым лицедеём из синбирян». В 1763 – 1773 годах был генерал-губернатором в Астрахани. Писал песни и стихи. Пьесы «Никанор» и «Эдип» сгорели при пожаре.

20 сентября – 105 лет назад родился писатель Александр Андреевич Удалов (20.09.1914, г. Симбирск – 27.10.1996, г. Ташкент). В 1920 году переехал с семьёй в Ташкент. В 1956 – 1975 гг. секретарь Союза писателей Узбекской ССР. До 1985 года был главным редактором журнала «Звезда Востока». Автор сборников прозы «Мои современники» (1950), «Однажды летом» (1957), «Открыватели мира» (1957), «У синих гор» (1959), романов «Чаша терпения» (1964 – 1968), «Сын Отечества» (1984) и др. Народный писатель Узбекистана (1974).

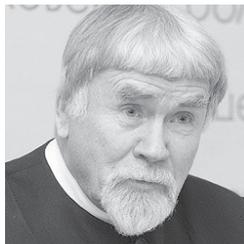
20 сентября – 95 лет со дня рождения журналиста, писателя Льва Фёдоровича Захарина (20.09.1924, г. Мурманск – 9.11.2008, г. Ульяновск). Участник Великой Отечественной войны. С 1973 года жил в Ульяновске, работал главным инженером на предприятиях города. Был внештатным корреспондентом ГТРК «Волга», газет «Ульяновская правда», «Ульяновский комсомолец», «Град Симбирск», «Молодёжная газета», «Достоинство» и др. Член Союза журналистов России. Автор книги воспоминаний о войне «Что было, то было» (2000).

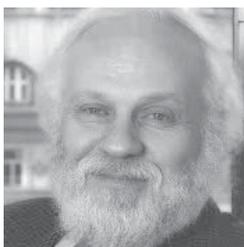
24 сентября – 420 лет назад родился немецкий учёный и путешественник Адам Олеарий (Эльшлегер) (24.09.1599, г. Ашерслебен, Саксония – 22.02.1671, замок Готторп, Шлезвиг). Во время поездки в Персию и обратно (1636 и 1638 гг.) дважды проплывал по Волге. В дневнике от 21 августа 1636 года отметил по правую сторону реки «два веселых места, на которых будто бы раньше находились города» – Симбирская гора и Арбухим. В 1647 году в Шлезвиге издал «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно».

29 сентября – 120 лет со дня рождения писателя Николая Ивановича Кочкурова, литературный псевдоним – Артём Весёлый (29.09.1899, г. Самара – 8.04.1938, ?). С декабря 1918 до весны 1919 года по направлению Самарского губкома работал в Мелекессе редактором газеты «Заря коммунизма». Учился в Высшем литературно-художественном институте им. В.Л. Брюсова. Автор пьесы «Мы» (1921), повестей «Реки огненные» (1924), «Страна родная» (1926), романов «Россия, кровью умытая» (1924), «Гуляй Волга» (1932) и др.

29 сентября – 80-летний юбилей отмечает литературный критик и прозаик Валентин Яковлевич Курбатов (р. 29.09.1939, с. Старый Салаван Мелекесского р-на Куйбышевской обл., ныне пос. Новочеремшанск Новомалыклинского р-на Ульяновской обл.). Окончил факультет киноведения ВГИК (1972). Автор книг «Виктор Астафьев» (1977), «Валентин Распутин» (1992), «Крест бесконечный» (2003), «Уходящие острова» (2005), «Батюшки мои» (2013) и др. Член Союза писателей СССР (1978). Лауреат многих литературных премий.

29 сентября – 70 лет назад родился писатель и журналист Пётр Львович Вайль (29.09.1949, г. Рига Латвийской ССР – 7.12.2009, г. Прага, Чехия). Окончил Московский полиграфический институт. В 1977 году эмигрировал в США. С 1995 года жил в Праге, был главным редактором Русской службы радио «Свобода». В 2001 году приезжал в Ульяновск, посетил Дом-музей В.И. Ленина, посвятил городу главу в книге «Карта Родины». Автор сборников «Гений места», «Стихи про меня», «Слово в пути», «Свобода – точка отсчёта».

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ СЕНТЯБРЯ

Александр ВОЗНЯК (1914 – 1969)

ПУШКИН НА ВОЛГЕ

...Симбирск! Весь город на виду,
За Волгой лес рыжеволосый,
Стучат по шаткому мосту
В грязи по ступицу колёса.
Дождём промытая – светла,
Виднее даль на перекатах.
Церквей старинных купола
Сияют золотом заката.
Казалось, город нем и глух,
Живёт, заглядывая в святцы.
Салопы синие старух,
Фуражки важных домочадцев...
Торопит Пушкин ямщика:
– Гони, служивый! Дело к свету!
Гостиница. Бежит слуга.
– Чиновник питерский приехал!
«Что ж, за чиновника сойдём...».
Немало колесил по свету.
Симбирский уютный дом,
Как пристань – на пути поэта...

ТОВАРИЩ

I
Слепая мина, дерево скосив,
Осколки вздыбила и пала прахом.
А он вдыхал, что было сил,
Земли испепелённой запах.
Он видел стебли дикой ржи,
Крыло багряное заката...
Он видел всё. И для того, чтоб жить,
Метнул вперёд последнюю гранату.

II
Над чёрным полем красная луна,
Холодные немецкие ракеты.
И где-то наземь падает без сна
Товарищ, не доживший до рассвета.
Кто эту смерть увидит, кто поймёт,
Как тяжела в бою земля сырая?
Но, кровью захлебнувшись, пулемёт
Намного раньше сердца умирает.

Николай ЛЕВИНТОВ (1914 – 2003)

* * *

Опять изогнутая криво
Гремит походная труба.
И снова в грохоте разрывов
Моя военная судьба.

Пройду ль опять меж мёртвых линий,
Сквозь их неведомую вязь,
Или раздавленный и синий
Уткнусь я в стынущую грязь?

* * *

И каждый день – смертельный бой
С самим собой, с самим собой!
И каждый день, как на работу,
Иди на бой за право жить,
Не уступая ни на йоту
Ни малодушию, ни лжи,
Ни чёрной зависти, ни лени,
Ни злобе душевной и больной...
И опускайся на колени
Перед любимую одной.

* * *

Тебя настиг судьбы снаряд,
Я был готов бежать вдогонку,
Но вы не ждите похоронку:
Снаряд не падает подряд
За разом раз в одну воронку.
А мой снаряд свой начал путь –
Ты подожди меня чуть-чуть.

* * *

Ах, первый снег!
Всегда неожиданный,
С такой щемящей чистотой,
Как будто облик первозданный
Природа нам явила свой.
И это редкое мгновенье
Ложится резкою чертой
Меж чудом первосотворенья
И нашей мелкой суетой.
И хочется кричать прохожим:
Остановись же, человек!
И на минуту стань похожим
На первый снег,
На чистый снег.

Илья ТАРАНОВ (р. 1959)

СЛОВО

Ночь – окно в никуда,
Звёзды – души Богов,
Время – просто вода
Наших прожитых снов.

Месяц – белая бровь
У красавицы тьмы.
Дай мне, Боже, любовь
Да спаси от чумы.

В сердце – вечно мольба,
Слово – праведный жест...
Дай мне счастье, судьба,
Донести взятый крест.

ПРИШЛА ВЕСНА

Город зазвенел ручьями,
Счастья просит у весны!
Синь забрызгана грачами,
Стали улицы тесны...

Во дворах теперь веселье:
Лужи мерит детвора.
У пернатых – новоселье:
Гнёзда обживать пора.

В небе – голубые арки!
Позолоченную нить
Солнце тянет через парки...
Мир торопится любить!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Под вечер небо утомлённо
Убавило свой скучный бег.
Земля вздыхала полусонно,
А ночью выпал первый снег.

Присыпал крыши и аллеи,
Дворы задорно побелил,
И веток выгнутые шеи
Слегка в изгибах запушил.

На сердце так повеселело!
Пока нетронутый снежок,
Пока ещё не потеплело,
Скорее выйду за порог.

Трамваи весело грохочут,
Спешит куда-то пешеход.
Уже зимы природа хочет!
Ждёт скучной осени исход.

Юрий КУЛИКОВ (1924 – 2000)

* * *

За час перед рассветом – тишина.
Через окопы спящей обороны
Ползёт туман, как молоко, до дна
Заполнив чаши бомбовых воронок.

Тяжёлым грузом ледяной росы
К земле прижаты заросли полыни,
А на краю нейтральной полосы
Пехота ёжится во сне и стынет.

В тумане глохнет зарево ракет,
Шальной снаряд гремит у переправы...
Ещё немного задержись, рассвет,
На самом первом рубеже державы.

* * *

Отгремела передовая,
Все потери в земле зарыв,
На ходу в строю засыпая,
Батальоны пошли в прорыв.
За спиною во мраке тонет
Обороны зигзаг крутой.
Ветер жёсткий позёмку гонит
По окопам передовой,
По нейтральной земле изрытой,
Где, оглохшие от пальбы,
Промерзая, насквозь пробиты
Обгорелых «пантер» гробы.
И дрожит сквозь метельный полог
В ледяном провале ночи
Одинокой звезды осколок
Поминальным огнём свечи.

КАПИТУЛЯЦИЯ

От громовых раскатов обезумев,
Оглохший и раздавленный в огне,
Берлин капитулирует угрюмо
Шеренгами фамильных простыней.

И по асфальту шагом осторожным,
Ещё не веря в мирную весну,
Идёт патруль, стараясь не тревожить
Родившуюся в мире тишину.

Виктор ГУДКОВ (1899 – 1942)

ПОДРУГА ДЕТСТВА

В отцовском доме ты росла,
Как цветик луговой,
Моей подругою была
Весёлой и живой.

О, детства радостные сны,
Далёкая мечта!
Тебя дыханием весны
Коснулась красота.

И я при встречах не спускал
С тебя влюблённых глаз...
Но жизни властная рука
Разъединила нас!

И вот навеки помню я,
Пока гляжу на свет,
Тебя, любимая моя,
Подруга детских лет.

Эдна Дин ПРОКТОР (1829 – 1923)

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА

У Башни Вавилонской
Такой же был бедлам?
Здесь жид, цыган и турок,
Надменный перс-имам;
В шелках гость Поднебесной,
От Сены плыл француз,
Хивинец здесь, бухарец,
Сын Окса – карапуз.

Здесь зверолов сибирский,
Там круг киргизских юрт,
Армянец грустноокий,
Из Астрахани гурт;
Поляк, татарин, русский,
Лихой казак – верхом, –
У Башни Вавилонской
Такой же был содом?

1872

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ СЕНТЯБРЯ

Александр ПИСЬМЕННЫЙ (1909 – 1971)

ПРИГОВОР *(отрывок из послесловия к роману)*

Сегодня в Колонном зале Дома союзов на торжественном заседании, посвящённом открытию метро, выступил Сталин. Я жил тогда на углу Большой Дмитровки и Георгиевского переулка. Услышав по радио, что торжественное заседание приближается к концу, выбежал из дома и быстро прошёл в Охотный ряд. Остановился напротив главного подъезда на трамвайной остановке.

У подъезда Дома союзов стояло много машин, а на трамвайной остановке толпился народ такой же догадливый, как и я, ожидая, что он выйдет. Милиционеров было немного – трое-четверо, не больше. Из подъезда Колонного зала показались двое, в кожаном. Потом какой-то военный. Потом тесной группой вышли Сталин, Молотов (в штатском), Ворошилов, Ягода. Они медленно пошли к станции метро на углу Дмитровки и Охотного ряда, направляясь, очевидно, к Большому театру. Тогда я и вся публика с трамвайной остановки побежали за ними. Они шли спокойно и медленно. Загорелые, довольные (помню, меня удивил их здоровый, ровный загар – была лишь середина мая). Сталин казался менее утомлённым, чем выглядел в кинохронике, снятой в 33-м году. Шинели прекрасно сидели на них. Особенно на Сталине. На Сталине шинель сидела, словно литая, точь-в-точь как на изображавших его статуях. Я заметил внимательный, настороженный взгляд Ягоды. Очевидно, он понимал, что Сталин подвергается опасности.

Кто-то зааплодировал. Я крикнул «ура!». Всё это получилось нестройно. Сталин улыбнулся и поднёс руку к фуражке. Мы начали кричать снова. Они все улыбались, и Сталин козырял. У меня мурашки побежали по телу от восторга. Чувство было зверски торжественное, и хотя они шли медленно, публике почему-то приходилось за ними бежать (надо полагать, такое впечатление возникало оттого, что в несусветной толчее вокруг них ничего не оставалось, как торопливо семенить всё время). И когда

они свернули на Театральную площадь (т. е. на площадь Свердлова, естественно), толпа образовалась огромная. Люди выскакивали из трамваев, из автобусов (тогда по Москве ходили большие красные автобусы английской фирмы «Лейланд»), бежали со всех сторон. И все нестройно кричали «ура!», и аплодировали, и махали кепками или портфелями, и улыбались, и кричали «Да здравствует Сталин!» и «Да здравствует Молотов!» и «Да здравствует Ворошилов!». И кто-то всё кричал в толпе рядом со мной: «Вот молодцы! Вот молодцы!».

Они и вся толпа шли уже посреди улицы. У шофёра встречного автобуса, когда он, ничего не подозревая, въехал в толпу и увидел, кто идёт, глаза вылезли на лоб. В панике он завертелся на своём сиденье и начал подавать машину назад. Два маленьких мальчика, вывернувшись из толпы, приникли к Сталину, лица у них были красные от возбуждения, глаза горели. Сталин положил руки им на плечи (виднo, не зря широко было известно, что Сталин очень любил детей и что он дал им счастливое детство).

Толпа жала, давила со всех сторон. Он улыбался теперь несколько обеспокоенно. Ворошилов был сердит. Глаза у Ягоды стали совсем испуганными. Сзади из напиравшей толпы на них валились люди. Дважды Ворошилов споткнулся, сердито оглядываясь, может быть, мне показалось. Агент НКВД (так, по крайней мере, я предположил) нерешительно задерживал толпу, не зная, что делать – то ли смотреть на вождей (которых он никогда так близко не видел), то ли сдерживать толпу, которую он один, конечно, не мог сдержать.

Мы кое-как взялись за руки, охватив их в кольцо, так что между ними и толпой образовалось некоторое пространство. Автобус, пятясь задом, расчищал дорогу нашей цепочке. Я шёл сбоку в двух шагах от Сталина и не отрываясь, в великом возбуждении смотрел на него. От Большого театра подбежали несколько милиционеров, с трудом про-

тиснувшись сквозь толпу. Выбежал администратор (может быть, директор театра или его заместитель).

Цепочка, которую мы держали, окрепла, мы двигались вокруг них, отжимая толпу. Они шли и улыбались, и толпа вокруг них вопила «ура!». Как я всё это увидел, не знаю. В ту минуту мне казалось, что я ничего не замечаю, кроме здорового загара на его прекрасном мудром лице, его гордой осанки, его царственной поступи. Я не видел того, что лицо его покрыто рябью оспин, что у него низкий, покаты́й лоб варвара, прикрытый козырьком военной фуражки, а глаза жёлтые, как у ястреба. Теперь я могу предположить, что, увидев его наяву в двух шагах от себя, я не в состоянии был представить себе ничего другого, кроме его изображений на плакатах и портретах, кроме его бесчисленных скульптур; ничего не осталось от природной моей наблюдательности; всё поглотило ложное, приукрашенное представление о нём, прочно сложившееся в моём сознании, так же, как у многих десятков миллионов других людей.

Несколько человек, чтобы лучше видеть, влезли на металлические столбы, поддерживающие навес у служебного входа в Большой театр. И после того,

как они прошли, толпа долго не расходилась, кричала «ура!». И я слышал потом, возвращаясь домой по Копьевскому переулку (от Большого театра он выходил на Дмитровку прямо напротив дома, где я жил), как ребятишки бежали с криками на весь белый свет: «И Сталин, и Ворошилов, и Молотов!». Я не знаю, может ли быть лучшая демонстрация любви и восхищения этим великим человеком...

Что я хочу сказать, начиная свой рассказ этой зарисовкой из старой тетради? Я хочу сказать, что я верил Сталину, что я верил в Сталина, что я восторгался им. И хотя мне перевалило за двадцать пять, это не мешало мне быть одним из толпы.

Стыдно ли теперь признаться, что мурашки бежали у меня по спине от благоговейного восторга перед Сталиным? Кажется ли всё происходящее тогда невероятным или, по крайней мере, удивительным? И эти крики «ура!»? И всенародное ликование на Театральной площади? И возникшее желание поднять его на руки и нести? Как назвать всё то, что тогда произошло? Что всегда происходило, когда Сталин появлялся на людях? Массовым гипнозом? Или массовым психозом? Или тем и другим вместе?

Константин ЛАГУНОВ (1924 – 2001)

КРАСНЫЕ ПЕТУХИ (отрывок из романа)

Над Челноково бесновалась красная метель.

Косматое пламя, захлёбываясь и урча, с хрустом пожирало пятистенник бежавшего торговца Текутьева.

Рассерженной вороньей стаей кружили тревожные вскрики набата. Взбесившиеся псы надрывали глотки утробным воем. Пронзительно ржала лошадь. Ветер размётывал по селу кровавые искры и пепел.

А люди словно вымерли или ослепли и оглохли все разом.

Надрывно ревел медный великан. У попа Флегонта от холода и напряжения руки занемели. Выпустил нажёгшую ладони верёвку, метнулся к узкому, похожему на бойницу, оконцу. Огромные выкачанные глаза прикипели к вихрастому факелу горящего дома. Подле него мельтешила одинокая фигура. «Ромка Кузнечик... Где же мужики?»

– О-го-го-о-о! Э-эй!

Ветер слизывал с губ крики, рвал их в мелкие клочья. Флегонт так круто развернулся в тесном оконном проёме, что едва не свалился с колокольни. Отбил пятки, скользя по крутым ступеням витой лестницы.

Едва выскочил на паперть, обожгла догадка, оборвала бег.

– У-м! – стиснув зубы, протяжно и глухо простонал Флегонт и звонко прищёпнул ладонь к высокому бугристому лбу.

В проёме калитки возникла серая фигура. Женщина? Раздетая и – о господи! – кажется, босиком.

Шагнул из тени навстречу, окликнул:

– Кого бог несёт?

Не то всхлипнув, не то выговорив что-то, женщина повалилась на снег. Флегонт прижал к себе бесчувственное, холодное тело и, как волк с прирезанной овцой, заскакал по сугробам к церковной сторожке.

Уложил женщину на лежанку, схватил попавший на глаза ковш – и за снегом. Осторожно оттирал обмороженные ступни сначала снегом, потом рукавицей шерстяной. Должна же быть припрятана у этого пьянчужки хоть косушка на опохмелку. Обшарил все закутки. Нашёл-таки чёрную бутылку, заткнутую тряпицей. Вытащил затычку, понюхал. Протянул глиняную кружку очнувшейся женщине, приказал.

– Пей, Катерина.

Женщина задыхалась, по щекам катились слёзы, а Флегонт всё лил и лил ей в рот обжигающую противную жидкость до тех пор, пока Катерина не закашлялась. Её мутило, она еле сдерживала подкашившую к горлу тошноту.

– Держи в себе. Перемоги, – строго басил Флегонт и, когда женщина, вспотев от натуги, всё-таки справилась с приступом рвоты, прямо из горлышка допил остатки самогона. Раздул и без того широкие ноздри, шумно и долго втягивал застойный горьковатый воздух холостяцкой берлоги.

– Чертей бы ею травить! – сердито швырнул на лавку пустую посудину.

Синие навывкате глаза Флегонта будто масляной

плёнкой подёрнулись и закосили на ядрёные белые ляжки. Сняв с деревянного, вбитого в стену шпиля старенький шабур, накинуд на женщину.

– Укройся.

Пинком подтолкнул к лежанке табурет, присел.

– Рассказывай.

– Ой, батюшка... Ровно во сне. Досель не очухаюсь. Продотрядчиков у меня поставили. Красноармейка. Да ить ты знаешь... Обрато же изба – хоть на ходке кати. Сам председатель волости Корииков привёл. Старший-то в отряде – уездный комиссар хлебный.

– Ну-ну...

– Сколь дён они бились. А ноне ровно надломи-

лись мужики. До свету Маркел Зырянов хлеб привёз. Опосля другие потянулись. Текутьевский каменный амбар возле лавки – доверху, – перевела дух, кончиком языка облизала потрескавшиеся губы. Прикрыла отяжелевшие веки. – В сон шибает... Вечером Корииков полмешка пельменей приволок, две четверти самогонки. Песни разные, не наши, пели... – опять передохнула, долго не могла проглотить слюну. – Ночью – ровно мертвяки. Самогонка-то, видать, с приправой. А я чую: под окнами шабаршит. Выскочила в сенцы, слышу только, снег заскрипел, и дымом потянуло. Торкнулась в дверь – снаружи припёрта...

Эдна Дин ПРОКТОР (1829 – 1923)

ПУТЕШЕСТВИЕ В РОССИЮ *(отрывок из книги)*

В деревне татары в основном мелкие фермеры, и все они разводят пчёл. Вино у татар запрещено. Они делают из своего мёда медовуху, а чай пьют, как кочевые татары. Лепёшки татары пекут без дрожжей, как евреи мацу. И самый их деликатес – это кукуруза, сваренная в молоке или поджаренная в масле. Татары все курят американский табак, и их трубки всегда висят на их поясах. В жилищах у татар кроватей и кресел нет, сказывается привычка к кочевой жизни. Для татар предел мечтаний – диван с подушками! Но возвращаясь в отель, мы увидели на центральных улицах Казани прямых и важных русских офицеров, прогуливающих туда-сюда, и русских барышень в парижской моде.

На следующий день ранним утром мы загрузились в большой пароход. Палуба была заполнена солдатами, которых куда-то везли, и татарами, которые развалились на кожаных рулонах. Низкие берега немного чередовались с небольшими утёсами, покрытыми деревьями, но чаще река, которая становилась всё шире, вообще не позволяла увидеть что-либо на берегу. Иногда появлялись верхушки церквей, и тогда русские начинали лихорадочно креститься, а татары впадали в ещё большую спячку.

Когда мы проплывали деревни крепостных крестьян – это всегда один и тот же вид, который мы видели и из окна поезда Петербург – Москва. Это были произвольно разбросанные покосившиеся серые сараи без каких-то растений вокруг них, хотя поодаль мог виднеться сосновый лес...

Порядка 75 километров вниз от Казани слева в Волгу впадет река Кама, которая в месте слияния и шире, и полноводнее Волги. И это не только Кама – Шексна тоже в месте впадения в Волгу и полноводнее, и шире Волги, Ока тоже не меньше. Так что названия – это скорее социально-историческое явление, чем собственно ихтиологическое. Кама – самый большой приток Волги, она забирает воду почти со всего Севера Руси и несёт её к берегам Персии «мимо острова Буяна в царство славного Салтана». Столица Камы – город Пермь. По Каме сплавляются

природные богатства Урала и Сибири. Во время Нижегородской ярмарки 40 тысяч людей задействовано на работах на Камском маршруте в Нижегородскую ярмарку!

Волга после впадения Камы становится намного шире и мощнее, поэтому мы с удвоенной скоростью подвалили к небольшому городочку Симбирску. Симбирск – это губернский город соответствующей губернии, в него идёт пшеница из находящихся пшеничных Пензенской и Тамбовской губерний. Мы простояли в Симбирске всю ночь, которая была тёмной и пасмурной, с холодком и жалобным ветром над рекой. Спали на плюшевых диванах в салоне, закутавшись в плащи и шали. Русские тоже кто как устроились вокруг. Умилительно было смотреть, как высокие и негнувшиеся русские офицеры в форме ходят вокруг с личным постельным бельём в одной руке и пачкой чая и сахаром в другой руке, крича «кипяточку!». Неизменный ответ на их крики было «СИЧАС!». Однако у русских, как и у всех азиатов, свои понятия о времени, поэтому в реале это «сичас» всегда было «через час».

На рассвете мы снялись с якоря и к завтраку уже прошли город Ставрополь на Волге. Город был построен как форт для усмирения обитающих вокруг калмыков, сейчас в нём проживает 4 тысячи человек. Здесь, в районе Жигулёвских гор, Волга резко поворачивает на восток, идёт порядка 70 километров, поворачивает на юг и затем снова на запад, делая такую «подкову» длиной порядка 160 километров, которая называется Самарская Лука. Этот весь большой регион является земельной собственностью графов Орловых.

В час дня мы достигли Самары, которая стоит на месте впадения реки Самары в Волгу. Самара – более восточный город, чем Багдад, и стоит на одной вертикальной линии с Тегераном. В Самаре нам предстояло провести сутки, и поэтому мы сошли на берег, а тревел-агент, немец, провёл нас до нашего отеля...

Александр УДАЛОВ (1914 – 1996)

ЧАША ТЕРПЕНИЯ (отрывок из романа)

И всё-таки он был справедлив, Курбан, потому что брал за свою работу не дороже, чем другие. И дехканина больше поражала столь разительная перемена, происшедшая с человеком, чем его неуступчивость. В конце концов и гвоздь для арбы надо уметь сделать, у него ведь одна шляпка с добрый каштан, а сам он как шило. Постучи-ка тут молотком.

Однако если на расшинованном колесе далеко не уедешь, то на раскованной лошади можно ехать до следующей кузницы и двадцать, и хоть сто вёрст, и Курбан частенько брался подковать лошадь за полцены, а то и ещё дешевле, лишь бы не упустить случая заработать.

Скупость его и жадность иногда доходили до крайности, до скаредности.

Однажды возле кузницы остановилось четверо всадников. Им не надо было ковать лошадей, а просто хотелось пить, ведь все знали, что рядом с кузницей есть колодец. Вода в этом колодце была отменная: светлая, прозрачная, даже чуточку голубоватая и такая холодная, что у человека ломило зубы от одного глотка, а лошади, едва ткнув морду в ведро, уже поднимали её, чтобы передохнуть, звенели уздечкой и косили в сторону весёлым глазом, будто хотели сказать друг другу: «Ай да хороша водичка!».

Утолив жажду, всадники начали поить лошадей.

Курбан вышел из кузницы.

– Надо бы платить, крестьяне, за такую воду, – грубо сказал он.

Люди поглядели на молодого кузнеца и весело вразнобой засмеялись.

– А что, мастер, ты не шути, – сказал один из них, в войлочном белом тельпаке с чёрными отворотами. – Будь бы на твоём месте какой-нибудь бай, а ещё лучше мулла, даже самый захудалый, так тот непременно брал бы за эту воду деньги.

– А я не шучу, – опять хмуро сказал Курбан. – Эта вода моя. Я вырыл колодец.

Всадники приумолкли, перестали смеяться, а тот, что был в войлочном тельпаке, добродушно посоветовал:

– Ладно уж, не берись, мастер, не за своё дело. Требуй деньги за свою работу, а за воду не требуй. А то возле твоей кузницы и останавливаться никто не станет.

Этот человек, пожалуй, был прав, и не нужно бы совсем затевать такой разговор Курбану. Ведь и в самом деле: кому хоть раз доводилось пройти или проехать мимо кузницы в знойную летнюю пору и попить здесь воды из колодца, тот запомнил его навсегда. А потом, если случалось тому человеку проезжать здесь ещё раз или хоть сотню раз, то кто бы ни был тот человек – простой дехканин или бедный лаучи – погонщик верблюдов, богатый купец или брезгливый бек, почтовый чиновник или русский солдат, обездоленный странник или голодный подёнщик – все останавливались здесь, чтобы испить хотя бы глоток воды, и каждый был рад этому гостеприимному колодцу, каждый мысленно или вслух благодарил того, кто не поленился, не пожалел пота, потрудился на общую радость, выкопал этот колодец и скольких людей напоил! Иным ничего не надо было ни ковать, ни ошиновывать, но они останавливались.

Нередко происходил и такой разговор между кузнецом и проезжим человеком:

– Эх, хороша, кузнец, у тебя водичка! Попить, что ли, ещё немного?! – и опускал в ведро белую жестяную кружку, а то прикладывался губами прямо к краю ведра, слегка наклонял его на себя и с удовольствием проливал немного на землю. – А что, мастер, не перековать ли правую переднюю у моего чалого?.. А? – спрашивал он.

– Не знаю.

– Ну-ка посмотри.

– Если коня бережёшь, то надо перековать.

– Давай, братец, сделай доброе дело.

Так случалось при отце, случалось и после.

Вот почему, хоть и скуп стал Курбан, но, видно, послушался доброго совета проезжего человека и больше никогда ни с кем не заводил разговора о деньгах за свою воду.

Лев ЗАХАРЬИН (1924 – 2008)

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО... (отрывок из книги)

После Тамбова, Саратова уже в октябре сквозь падающий холодный снег мы наконец-то увидели высокий ульяновский берег Волги...

И вот я стою перед уходящей в небо лестницей, стою усталый, голодный и замёрзший. До Саратова мы добирались поездами, до Ульяновска – паромом. На плече у меня – единственная драгоценность захарьинской семьи – небольшой туркменский ковёр, вероятно, свадебный подарок моим родителям. Сколько себя помню, он всегда висел над их кроватью. Он тяжёл, этот подарок, но бросить его я не имею права, воспитание не позволяет!

С трудом поднимаюсь по лестнице, сердце в груди стучит как молот, ноги подкашиваются, голова кружится. Сколько их, этих проклятых ступенек?! Сто, двести, тысяча?! Небольшая площадка, скамейка... Сажусь, отдуваюсь, ноги дрожат мелко и противно... Эх ты, спортсмен, футболист, гимнаст-акробат, немного поголодал и с каким-то ковром справиться не в силах!..

С трудом взваливаю его на плечи и бреду вверх по лестнице. На самом верху – усталый, изможденный милиционер в синей шинели, обращаясь к медленно бредущей мимо него веренице пассажиров

с прибывшего из Саратова парохода, простужено хрипит:

– Граждане! Въезд в Ульяновск закрыт! Говорю же вам, въезд запрещён! Ульяновск – закрытый город, нельзя здесь останавливаться!..

Люди молча обходят милиционера, тащат мимо свои узлы, тюки и чемоданы. Лишь отец, уже пенсионер, но ещё дисциплинированный чекист, подходит к милиционеру и, расстегнув пальто таким образом, чтобы была видна медаль «XX лет РККА», редкая тогда награда, достаёт документы.

– Я же повторяю: Ульяновск закрыт! – страж порядка устало отворачивает от отца лицо: жалкая попытка бывшего чекиста выделиться из общей массы, из безликого стада эвакуированных не действует на милиционера. – Ульяновск закрыт, Ульяновск закрыт!..

Ему наверняка попало от начальства за то, что он нас тогда пропустил в закрытый город, полный штабов, воинских частей, училищ и оборонных заводов. Наверняка попало, но это было очень, очень давно.

...Смотрю за Волгу... Над рекой поднимается туман, холодный, противный туман. Вспоминается: мне четыре года, мы живём на Нижней Террасе. Отец – командир полка НКВД, который охраняет патронный завод. В кабинете отца на столе, возле многопудовой бронзовой чернильницы, стоит большой патрон. Муляж, конечно, патрона калибра 7,62 мм, которым снаряжалась тогда вся наша доблестная Красная армия, её винтовки и пулемёты.

Держу в руках этот патрон, удивляюсь его размерам и пытаюсь вспомнить, где же я видел такие

патроны, много-много патронов... Перед глазами возникает длинный забор из металлических прутьев, на верхушке каждого прута – вот такой патрон! Вспомнил! Этот забор окружает тот самый патронный завод, который охраняет полк отца!..

Только через много лет я осмыслил эту марз-матическую деталь нашей советской жизни: завод сверхсекретный, кажется, единственный в Советском Союзе, о том, что он выпускает патроны, не должен знать ни один человек, это страшная военная тайна! И вдруг – патроны на его ограде как украшение! Конечно, американские шпионы были напрочь сбиты с толку: завод с такими украшениями на заборе просто не мог выпускать патроны, он делал, наверняка, кастрюли, ха-ха!

...Мы выходим на Венец. Снег, холодный ветер, голые деревья. Ну здравствуй, Ульяновск, родина великого вождя пролетариата!

Живём на улице Ленина, 45, внизу за костёлом. Мороз такой, что даже глазам больно! Прохождение быстро семенят ногами, стараются побыстрее укрыться в подъездах домов. В голубом небе – яркое солнце, но холод от этого почему-то сильнее.

На улице – много военных, особенно в чёрных шинелях. Ещё одна загадка для бездарных немецких шпионов: ребёнку понятно, что в городе осело какое-то высокое морское ведомство. Мне это всё до фига, но даже я знаю, что в Ульяновск эвакуировался какой-то крупный военно-морской штаб, кажется, даже сам наркомат Морского флота. Конечно, шпионам и агентам Гитлера до этого не дотумкать!

Адам ОЛЕАРИЙ (1599 – 1671)

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В МОСКОВИЮ *(отрывок из книги)*

...После этого мы пришли к зелёному весёлому месту, где в давние времена стоял татарский город, по имени Унеровская гора (Ундоры). Здесь, говорят, похоронен знатный татарин, которого они считают святым, и к его могиле ещё часто отправляются помолиться живущие вокруг татары. До этого места от Тетюш считается 66 вёрст. Когда мы прибыли к этому месту, то на высоком берегу среди деревьев заметили двух всадников. Мы поэтому поместили в марсе на мачте часового, чтобы обозреть высокий берег, но уже более не видели ни этих людей, ни других каких-либо.

20 августа утром рано несколько рыбаков из Тетюш, ловивших рыбу в этих местах, пришли на судно и доставили 65 штук больших и жирных лещей на продажу за 50 копеек или 1 рейхсталер. Один из этих рыбаков был столь добросовестен, что не захотел брать переданные ему по ошибке лишние 5 копеек, пока его несколько раз не попросили об этом. Способ рыбной ловли (у этих рыбаков) такого рода: они опускают в воду, на дно, длинную верёвку с большим камнем и привязывают верхний конец её к нескольким связанным вместе толстым деревяшкам, лежащим на воде; к деревяшкам прикрепляют удочки, нацепив на них довольно большие

рыбы. Так ловятся большие белуги длиной в 4, 5 и 6 локтей; мясо их очень белое, сладкое и вкусное. Подобного рода рыбу на обратном нашем пути, в другом месте доставили на лодку посла Крузиуса на продажу за рубль или 2 талера. Этой рыбой мы не только сразу накормили всех, кто был на корабле, но остатками её ещё засолили целую бочку.

Русские, путешествующие ради дел своих по Волге от города к городу, обыкновенно тащат за собой на тонком канате удочку, к которой прикреплена железная, покрытая толстым слоем олова пластинка в форме рыбы длиной с ладонь, а то и короче. Когда удочка эта тащится по воде, то, ввиду ширины своей, пластинка по временам поворачивается и бывает похожа на играющую рыбу; на такую удочку удаётся им за время поездки наловить больше, чем они могут съесть, так как Волга очень богата всякого рода рыбами. Таким образом русские, если только у них имеется при себе хлеб, находят по пути достаточно провизии для путешествия. Ввиду многих своих постных дней, упомянутых выше, они привыкли питаться скорее рыбой, чем мясом, и пить воду.

Здесь мы оттолкнули от себя нашу баржу для провизии, взятую нами из Нижнего и теперь опо-

роженную; чтобы она не послужила казакам, мы зажгли её и пустили плыть. К полудню прибыли мы к острову Ботемскому длиной в 3 версты; он лежит против мыса суши, называемого Поливным Врагом. Когда ветер сильно стал дуть нам навстречу, мы стали на якорь за мысом, у реки Ботмы, будто бы также являющейся рукавом великой реки Камы, и всю ночь оставались здесь.

21-го того же месяца мы оставили по правую сторону от нас два весёлых места, на которых будто бы раньше находились города; наиболее дальний из них называется Симберская гора. Говорят, их разрушил Тамерлан. 22-го мы прошли через три сухих места или мели, из которых одна лежит впереди, а другие две позади горы Арбухим, стоящей по правую сторону реки. Эта гора получила своё название от города, находившегося здесь. Здесь с реки, между двумя холмами, виден на суше большой камень

длиной с 10 локтей, но несколько более низкий. На одной стороне его, как говорят, высечены слова: «Буде ты мя подымеши, добро тебе будет».

Когда однажды русский струг на этом месте из-за противного ветра должен был стать на якорь, 50 человек, полагая найти здесь большой клад, принялись за камень, с большим трудом подкопали его, перевернули, но ничего не нашли, кроме надписи, высеченной на нижней стороне камня: «Чего ищещи, ничего не положено».

Вокруг этой местности страна с правой стороны не очень высока и безлесна, но имеет хорошую, тучную почву. Она повсюду поросла толстой длинной травой, но трава эта ни на что не идёт, и область здесь не заселена. Там и сям видны были знаки и следы стоявших тут некогда городов и деревень, которые все были разрушены во время войн Тамерланом.

Артём ВЕСЁЛЫЙ (1899 – 1938)

ГУЛЯЙ ВОЛГА (отрывок из романа)

Катилась Волга – торговая дорога стародавняя, голодной отваги приман да дикой песни разлив.

Нагие, подмытые скалы нависали над быстринною, как недодуманные думы. На суводях воду вертело котлом... Вода несла, вода рвала. Леса темны, берега немые.

Ярмак шагнул в будару, будара качнулась и осела. Есаул Осташка оттолкнулся от берега, разобрал вёсла.

Всю ночь плыли, как и подобает, молча.

Луна метала во всю ширь реки маслянистые блики, стлалась над Волгой живая тишина: нет-нет да и плеснёт рыбина, взлетает лисица, ухнет сыч на болоте.

Река дышала спокойно, скрипел кочеток вёсельный, и где-то далеко-далеко кигикал лебедь.

Атаман, на корме сидя, обмахивался от комара веткою. Предвещая близкий рассвет, Волга закурилась туманом. Луна уползла в засаду. Низко над водой, свистя крылом, пронеслась стайка чирков.

– Ударь! – кратко приказал Ярмак, направляя лодку к серевшему в тумане яру.

Осташка несколькими сильными гребками достиг берега, выпрыгнул, подёрнул лодку и бросил через топкое место слегу.

Ярмак прошёл по слеге, не замавав сапога, оставил есаула в талах, а сам, осторожно разгребая сонные кусты, полез на кручу.

Стан спал.

На разостланных одежинах, на рогожах и так просто на песке валялись люди, разбросав ноги босые и ноги, обутые в лапти из ивовых прутьев и в сочни из кожи дикого кабана.

Сонный кашевар заваривал кулагу в подвешенном на железную цепь артельном котле; котёл был столь велик, что в нём можно было сразу целого быка сварить. Два кухаря, кашеваровы подручники, долго перекорялись, кому первому идти за водой в родник, потом стали биться на спор – ложками по

лбам. С десятков перекололи, но так друг друга и не переспорили. Кашевар плеснул на них варом, и они, схватив бадейки, побежали к роднику.

Ярмак выступил из прикрытия и крикнул:

– Здорово зоревали!

Кашевар с перепугу упустил в котёл мутовку и перемякшим голосом ответил:

– Слава царице небесной...

– Мир на стану!

– Мир на стану!

– Мир.

Громкий окрик многих разбудил.

Из-под овчин и сермяг высовывались всклокоченные головы, заспанные глаза пялились на гостя.

– Чьих родов, каких городов?

– Чего тута стоите? – спросил Ярмак.

– Стоим.

– А чего стоите?

– Атаману ведомо, – ответили хором.

– Где ж ваш атаман?

Ему указали на полотняный, раздёрнутый под дубом шатёр.

Ярмак подошёл к шатру и, сложив кулаки трубой, загукал филином.

– Пу-гу, пу-гу...

– Кого нанесло?

– Казак с лугу.

Пола шатра откинулась, из шатра, почёсываясь, выполз похожий на косматого кобеля Иван Кольцо.

– А-а-а! – взвыл он, увидав Ярмага, и вскочил. – Ты?!

– Не ждал?

Они обнялись.

– Как гуляется твоей милости?

– Славно! – усмехнулся Ярмак. – Живём не тужим, по Волге кружим... Рубь добудешь, ну, полтину пропьёшь, полтину пробуянишь. Всего и барышу, что голова болит.

Валентин КУРБАТОВ (р. 1939)

БАТЮШКИ МОИ *(отрывок из книги)*

Утро холодное, тусклое. Но видно, что день будет хороший. Звёзд уже нет, но ещё и света настоящего нет. Полчетвёртого выходит из кельи отец Зинов.

– Слышите? Сова сипят. Может, и наш воспитанник там. И соловьи. «Соловьи монастырского сада, как и все на земле соловьи, говорят, что одна есть отрада и что эта отрада – в любви». Это ведь Северянин здесь написал. Только про какую это «любовь» в монастырском саду он говорил, это вы у него на Небесах узнаете – там писатели-то, поди, вместе... А вы говорили – соловьёв нет. Послушайте, послушайте. Наверно, для вас и стараются. Прохладно – как они там у нас будут? Тулуп возьмите, набросите потом.

Без десяти четыре выходим. У братского корпуса присоединяется отец Таврион. Привратник у нижней башни долго гремит ключом. «Ну, со Христом!»

Поднялись наверх. Луна низкая, огромная, красная. Отец Зинов вспоминает из японцев, что кто-то из них уподоблял её спилу дерева – похоже. От реки по низине тянется туман. Нигде по избам ни огонька. Коровы лениво провожают нас глазами, не вставая. Соловьи, словно и правда в укор мне, показывают всё, что могут.

Отец Таврион счастливо вздыхает:

– «Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил. Блаженни живущии в дому Твоем, в веки веков восхвалят Тя...», – наклоняется, ведёт рукой по траве: – Какая роса холодная. Как они будут...

Приходим на место. Машина питерская уже стоит. Окна в ней запотели, и нас не видят. Иду звать. Приехали Алёша Кузьмин, хороший столяр и плотник, много работавший по монастырям, и те, кто будут креститься с Володей, – Александр и девочка Ксения. Ставим на этюдник, прихваченный вместо престола, свечи, и зажигаем свечи в руках. Лица сразу преображаются от тёплого света. Крещаемые босыми становятся на холстинное полотенце.

Батюшка обращается к алтарю неба, леса, зари, которая уже наливается алошью, и высоко, как к заре, поднимая книгу, чтобы лучше было видно мелкий текст последования, начинает чин. Отец Таврион по требнику не то следит, не то укрепляет молитвы своим молчаливым молением. Потом, когда обращает крещаемых к западу для вызова дьяволу («Отрицаешься ли сатаны?»), отец Таврион отдаёт отцу Зинову свой требник с вставными страницами от руки написанного старого наставления, и отец Зинов читает о том, что сейчас они с воздетыми руками стоят, словно обыскиваемые Ангелами, чтобы не осталось ни единого тайного помысла, и помнят, что в этот час они составляют «завещание», умирая для старой жизни, и «завещание» это зачтётся в День Судный.

Все раздеваются и после освящения воды по одному идут в реку и троекратно погружаются. Девочке страшно, но она, хоть и посопротивлявшись немного, без писка погружается с головой. Потом стоят с гусиной кожей уже в крещальных рубашках на холстине и трясутся до самого препоясания и возложения крестов.

Вода шумит под мостом, и всё мнится разговор, но, слава Богу, хоть всё и идёт, сокрытое от деревни только прибрежными кустами, никто не выходит, и обходится без зевак. Одеваются все торопясь, путаясь в одеждах, возбуждённые и весёлые, но ещё не чувствуют от холода всей полноты совершившегося. Пока все собираются, я раздеваюсь и лезу в реку. Вода так холодна, что я только охаю и скорее на берег – догонять ушедших.

Нагоняю Володю и отцов на подъёме к монастырю. Луны уже нет, и с другой стороны встаёт такое же низкое алое солнце. Прошу благословения снять всех, и отцы становятся на фоне обители, серьёзно и бережно по сторонам от Володи, как Христова стража. Спешим «домой». Подол мантии у отца Зинона намок и грязнится о пашню. Отец Таврион подхватывает край своей одежды и семенит аккуратнее.

Через полчаса идём в Лазаревский храм на службу. Батюшка просит меня попономарить. Вдую кадило, выношу свечу, готовлю запивку к Причастию и в волнении сбиваюсь в исповеди, не успеваю как следует пережить своё Причащение. Раздаю просфоры и артос, несу больным отцам. Воздух в палате тяжёлый. Один сидит в кровати, другой и головы не может поднять. Помогаю запить обоим, и они радуются: «Артосик!» Пьют мелкими неторопливыми глоточками, чтобы потянуть подольше: «Спаси, Господи!»

Пётр ВАЙЛЬ (1949 – 2009)

ГЕНИЙ МЕСТА *(отрывок из книги)*

Байрону – как Йейтсу, как Шекспиру, как очень многим – у нас не повезло: он куда резче, корявее, современнее, чем в переводах. Изумляешься, сопоставив с подлинником, – во что превратились простые байроновские образы под пером байронических его перелагателей. Один из персонажей Джейн Остен говорит о расхожем романтизме: «Я назову холм крутым, а не гордым, склон – неровным и бугристым, а не почти неприступным, скажу, что дальний конец долины теряется из вида, хотя ему надлежит лишь тонуть в неясной голубой дымке». Довольно точное описание метаморфозы Байрона в русском переводе. В переводе не только буквальном, но и в идейном. Тот же остеновский герой: «Добротный фермерский дом радует мой взгляд более сторожевой башни, и компания довольных, весёлых поселян мне несравненно больше по сердцу, чем банда самых великопленных итальянских разбойников». Перед нами – прозаический пересказ стихотворения Лермонтова «Родина»: «полное гумно», «изба, покрытая соломой», «пляска... под говор пьяных мужичков». Но таков самый поздний Лермонтов – каким он толком не успел стать. Лермонтов же как властитель дум – это поэтика «гордых холмов» и «неприступных склонов»: нет, не Байрон, а другой – *байрон*.

Слишком известно, как много у нас было байронов – того не избежал даже Пушкин. Значение Байрона в России больше, чем где-либо, что объяснимо: Европе идея личности была уже знакома, в России она тогда и началась: «Отважный исполин, Колумб новейших дней, / Как он предугадал мир юный, первобытный, / Так ты, снедаемый тоскою ненасытной / И презря рубежи боязненной толпы, / В полёте смелом сшиб Иракловы столпы...» (Вяземский).

Бертран Рассел в своей «Истории западной философии» выделил Байрона в специальный раздел, поставив его, таким образом, в один ряд с Кантом, Гегелем, Шопенгауэром, хотя ясно, что никакой философской системы у Байрона нет. Зато есть модель жизни. Мировоззрение, точнее – мироощущение. Не «мир и я», а «я и мир». То, что внутри, не уступает по богатству и сложности тому, что снаружи, и глав-

ное – важнее и значимее. После Ницше, Фрейда, экзистенциалистов тезис выглядит трюизмом, но первым это постулировал Байрон. Причём в наиболее доступной художественной форме: увлекательными стихами.

Сопоставимость несопоставимого, превосходство над превосходящим, нарушение элементарных законов арифметики и физики во имя торжества человека над человечеством – вот что получило зауженное и, по сути, нелепое имя «романтизм». Радикальнее открытия в людской истории не было. У истоков романтизма – того способа отношения человека с жизнью, который продолжается по сей день, – стоят три имени: Наполеон, Бетховен, Байрон. Один показал, на что способна волевая личность, второй задал темп и ритм освоения мира, третий явил образец поведения и облика.

Байрон «расширил сферу интимного до невыносимых пределов». Пожалуй, это наиболее точная и ёмкая формулировка его достижений (хотя Венедикт Ерофеев высказался так совсем по другому поводу).

Ещё раз Остен: «Беда поэзии... в том и состоит, что редко кто наслаждается плодами её безнаказанно и что она более всего впечатляет нас при том именно состоянии души, когда нам менее всего следовало бы ею упиваться». Взгляд настолько рациональный, что почти медицинский. Его можно принять как диагноз русского байронизма, который у нас оказался таким долговременным: от Онегина и Печорина до Корчагина и Мелехова. Да и дальше: до тех недавних времён, когда были растабуированы деньги. Советский романтизм уговаривал обрести крылья, российский консьюмеризм – приобрести прокладки с крылышками. Не крылья Советов, а крылышки полезных советов.

Примечательно, что сам Байрон о низких предметах говорил уважительно: «Деньги – единственная твёрдая и неизменная опора, на которую следует полагаться умному человеку».

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед.*

